

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2025 – 1**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН);
Алферова Е.В. – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* –
канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук,
профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Бурдина Е.В.* – д-р юрид. наук, до-
цент (Рос. гос. ун-т правосудия (РГУП)); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, про-
фессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН);
Глотов С.А. – д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН); *Грудцына Л.Ю.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. акад. интелл. собственности, РГАИС); *Егоро-
ва М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Карцхия А.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. ун-т нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина);
Коданева С.И. – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-та);
Красиков Д.В. – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Крысано-
ва Н.В.* – канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП
РАН); *Ловцов Д.А.* – д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева; РГУП); *Лужина А.Н.* – канд. юрид. наук, доцент
(РГУП); *Манова Н.С.* – д-р юрид. наук, профессор (Сарат. гос. юрид. акад.);
Пудовочкин Ю.Е. – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид. ун-т им.
О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Толстых В.Л.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос.
юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, до-
цент (Дипломат. акад. МИД России).

Включен в перечень журналов ВАК и Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.00

ISSN 2219-861X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80872 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА КИТАЙСКОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Умнова-Конюхова И.А.</i> Китайская Народная Республика: особенности развития государственности и права в современном глобальном мире (Статья)	7
<i>Коданева С.И.</i> Правовая культура Китая: история и современность (Обзор)	28
<i>Скурко Е.В.</i> Современная правовая система Китайской Народной Республики: взгляд китайских ученых (Обзор)	40
<i>Базина О.О.</i> Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.: история создания, принятия и внесения поправок	57
<i>Самович Ю.В.</i> Закон о международных отношениях и внешняя политика Китая (Статья)	71
<i>Темираев А.В.</i> Реализация принципов государственного суверенитета, территориальной целостности и права на самоопределение в отношениях между Китайской Народной Республикой и Гонконгом (Статья)	85
<i>Алферова Е.В., Скурко Е.В.</i> Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право (Обзор)	99
<i>Алферова Е.В.</i> Китай и международное право (Обзор кембриджского справочника)	117
<i>Глотов С.А.</i> Юридические науки в Китае и России (Обзор ежегодников Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА))..	136
<i>Алешкова И.А.</i> Особенности современной модели государственного экологического управления в Китае (Статья)	147
<i>Гроголь А.Г.</i> Новые подходы к развитию экологически ориентированного государственного и корпоративного управления и производства в Китае (Обзор)	162

<i>Тен Ясинь.</i> Китайская экологическая цивилизация: правовое регулирование и судебная практика компенсации вреда в бассейнах рек страны (Статья)	172
<i>Коданева С.И.</i> Правовое регулирование квотирования выбросов парниковых газов в Китае и России (Статья)	186

CONTENTS

ISSUE THEME CHINESE LAW AND THE STATE: EVOLUTION AND MODERN DEVELOPMENT

<i>Umnova-Koniukhova I.A.</i> People's Republic of China: features of the development of statehood and law in the modern global world (Article)	7
<i>Kodaneva S.I.</i> China's legal culture: history and present day (Review)	28
<i>Skurko E.V.</i> The modern legal system of the People's Republic of China: the view of chinese scientists (Review)	40
<i>Bazina O.O.</i> The constitution of the people's republic of China 1982: history of creation, adoption and amendments (Article)	57
<i>Samovich Yu.V.</i> The Law on international relations and china's foreign policy (Article)	71
<i>Temiraev A.V.</i> Implementation of the principles of state sovereignty, territorial integrity and the right to self-determination in relations between the People's Republic of China and Hong Kong (Article)	85
<i>Alferova E.V., Skurko E.V.</i> Features of the political and legal development of modern China and its impact on international relations and international law (Review)	99
<i>Alferova E.V.</i> China and international law (Review of the Cambridge handbook)	117
<i>Glotov S.A.</i> Legal science in China and Russian Federation (Review of the annual publications of the Kutafin Moscow. State Law University)	136
<i>Aleshkova I.A.</i> Features of the modern model of state environmental management in China (Article)	147

<i>Grogol A.G.</i> New approaches to the development of environmentally oriented public and corporate governance and production in China (Review)	162
<i>Teng Jiaxin.</i> Chinese ecological civilization: legal regulation and judicial practice of compensation for harm in the country's river basins (Article)	172
<i>Kodaneva S.I.</i> Legal regulation of greenhouse gas emission quotas in China and Russia (Article)	186

ТЕМА НОМЕРА

КИТАЙСКОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 340.5

DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.01.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАР- СТВЕННОСТИ И ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬ- НОМ МИРЕ (Статья)

Аннотация. В статье анализируются особенности развития государственности и права Китайской Народной Республики в условиях неуклонно глобализирующегося миропорядка. Раскрываются вопросы эволюции внешней политики Китая на основе компромисса между признанием глобализации и защитой национальных интересов, особенности взаимодействия правовой системы КНР и международного права, конвергенции китайских национальных и международных правовых стандартов в сфере прав человека, сочетания идентичности и интеграции в глобальный миропорядок в конституционном строе КНР. Делается вывод о том, что успешный опыт развития государственности и права Китая представляет интерес для глобального мира. В то же время у страны есть проблемы в геополитическом, геоэкономическом, территориальном и правозащитном аспектах, решение которых требует усилий, в том числе, путем заимствования опыта других стран и дальнейшей интеграции в международный правопорядок.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; государственность; право; глобальный мир; внешняя политика; права че-

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

ловека; конституционный строй; социализм с китайской спецификой; международный правопорядок.

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A. People's Republic of China: features of the development of statehood and law in the modern global world (Article)

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the development of the statehood and law of the People's Republic of China in a steadily globalizing world order. The issues of the evolution of China's foreign policy based on a compromise between the recognition of globalization and the protection of national interests, the specifics of the interaction of the PRC's legal system and international law, the convergence of Chinese national and international legal standards in the field of human rights, the combination of identity and integration into the global world order in the constitutional system of the PRC are revealed. It is concluded that the successful experience of the development of Chinese statehood and law is of interest to the global world. At the same time, the country has problems in the geopolitical, geo-economic, territorial and human rights aspects, the solution of which requires efforts, including by borrowing the experience of other countries and further integration into the international legal order.

Keywords: People's Republic of China; statehood; law; global peace; foreign policy; human rights; constitutional system; socialism with Chinese characteristics; international legal order.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Китайская Народная Республика: особенности развития государственности и права в современном глобальном мире (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 7–27. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.01

Введение

Летопись Китая – это история создания и развития великой державы. Именно такая конституционно-правовая оценка стране дана в действующей Конституции Китайской Народной Республики от 04.12.1982 г. (с поправками от 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004 и 11.03.2018 гг.). В ее преамбуле пишется, что «Китай – одно из государств мира с самой древней историей. Народы всех

национальностей Китая вместе создали великолепную культуру, имеют славные революционные традиции».

В последние десятилетия стремительно развиваются китайские научные правовые школы, оценивающие место Китая в современном мироустройстве, особенности его государственности и правовой системы в условиях глобализации¹. Эти вопросы находятся также в центре внимания российских² и зарубежных правоведов и политологов³. Если зарубежные авторы, включая российских аналитиков, преимущественно дают оценку происходящих процессов в сравнительном контексте, свободно интерпретируя происходящее сквозь призму мирового опыта, то китайские уче-

¹ См., напр.: Huawen Liu. China's Road to Human Rights Development. – 2023. – 126 p.; Wang H.H., Miao M.L. The Future of China's Development and Globalization Views from Ambassadors to China. – 2024. – 221 p.; Zhao L. Modern China and International Economic Law: Reconstruction and Innovation. – 2023. – 333 p.

² См., напр.: Базина О.О. Конституционное право Китайской Народной Республики: учеб. пособие. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 420 с.; Современное китайское государство / Л.И. Кондрашова, И.Г. Чубаров, Е.С. Баженова [и др.]. – Москва: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. – 903 с.; Егорова М.А., Алексеенко А.П., Базина О.О. Актуальные проблемы современного права России и Китая в условиях глобальных экономических и социальных изменений: монография / под ред. М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2024. – 544 с.; Глотов С.А. Китайская Народная Республика: конституционные основы социалистической модернизации (Опыт современного развития Китая и России в сфере экономики) // Современное право и право будущего: Приоритеты правового регулирования, тенденции и перспективы развития в XXI веке: сб. науч. ст. / ИНИОН, РАН; отв. ред. И.А. Умнова-Конюхова; отв. за вып. И.А. Алешкова. – Москва, 2024. – С. 116–130 и др.

³ См., напр.: Karmazin A. Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order. – 2023. – 271 p.; Tudoroiu Th. China's Two Identities Territorial Empire and Postmodern Global Power. – 2024. – 276 p.; Shlapentokh D. China Quest for Global // Predominance. Perspectives on Political Science. – 2020. – N 49 (1). – P. 12–26. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10457097.2019.1612507> (дата обращения: 07.10.2024); O'Brien P. China's Pacific Push Is Already Remaking the Region // The Diplomat. – 2022. – June 13. – URL: <https://thediplomat.com/2022/06/chinas-pacific-push-is-already-remaking-the-region/> (дата обращения: 07.10.2024); Arase D. China's Global Security Initiative Stoking Regional Tensions // Fulcrum. – 2022. – July 15. – P. 7. – URL: <https://fulcrum.sg/chinas-global-security-initiative-stoking-regional-tensions/> (дата обращения: 09.10.2024).

ные, реализуя разные направления исследований государственности и системы права КНР, опираются на историко-идеологический контекст эволюции страны в таких дихотомических конституционных нарративах как «от вооруженной борьбы к освобождению», «от унижения к достоинству», «от отсталости к развитию».

В частности, китайский ученый Лю Хуавэнь (Институт международного права Китайской академии общественных наук, Пекин) пишет, что со времен опиумной войны Китай подвергался нападкам и травле за свою отсталость в технологическом, институциональном и культурном отношении, и это породило у многих китайцев комплекс психологической неполноценности. Поэтому китайский народ обратил свой взор на внешний мир и учился у Японии, Европы, США и Советской России¹. Лю Хуавэнь поясняет, что, преследуя более чем столетнюю мечту о создании могущественной страны и возрождении Китая, народ этой страны сосредоточился на заимствовании опыта других государств. По его мнению, перевод и внедрение в китайскую государственно-правовую науку идей многих западных работ 1980-х и 1990-х годов – хороший пример понимания китайским народом взаимоотношений с остальным миром с начала нового времени². Именно в этот период Китай стал воплощать мечту о превращении в могущественную страну и возрождении с помощью материальной (технологической), институциональной и культурной модернизаций. И главный вопрос здесь – какие мысли, знания и душа могут спасти страну, сделав ее процветающей, а народ сильным³.

Ключевая историческая оценка китайского пути в преамбуле действующей Конституции КНР состоит в утверждении того, что «народы всех национальностей Китая, пройдя тяжелый и тернистый путь длительной вооруженной и других форм борьбы, в конце концов свергли господство империализма, феодализма и бюрократического капитализма, одержали великую победу в новой демократической революции и создали Китайскую Народную Республику. С тех пор китайский народ взял государственную власть в свои руки и стал хозяином страны».

¹ См.: Huawen Liu. Ibid. – P.V.

² Ibid. – P. V–VI.

³ См.: Huawen Liu. Op. cit. – P. VI–VII.

Важным ориентиром для правоведов является конституционализация не только истории Китая, но и путей его дальнейшего развития. По оценкам китайских исследователей после более чем 30-летнего периода реформ и открытости были достигнуты большие успехи в построении социализма с китайской спецификой: социалистическая рыночная экономика страны набрала быстрые темпы развития; в результате высоких показателей экономического, политического, культурного, социального и технологического строительства, усиления международного влияния Китай превратился в великую мировую державу¹.

Иллюстрацией этому является тот факт, что из 47 стран, входивших в 1990 г. по оценке Доклада ООН о развитии человеческого потенциала (ДЧП) в группу стран с низким уровнем развития, Китай стал единственной страной, которая в настоящее время приобрела рейтинг страны с высоким уровнем развития. Экономические реформы, проведенные с конца 1970-х годов, устранили ограничения, налагаемые плановой экономикой Китая, и высвободили потенциал экономического роста страны. Китай достиг цели по сокращению бедности, поставленной в Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г., на 10 лет раньше запланированного срока и сегодня вносит более чем 70%-ный вклад в глобальное сокращение бедности².

Особенность оценки Китаем результатов его развития и определения места державы в сложившемся миропорядке состоит в опоре на идейно-нравственный алгоритм «великой китайской мечты». В настоящее время именно этот алгоритм постоянно озвучивается лидером государства Си Цзиньпином, который подчеркивает, что «китайская мечта – это мечта всей нации и каждого китайца»³. Реализуя во имя китайской мечты столетние программы борьбы с бедностью и создания зеленой экономики, проводя курс на повышение благополучия китайского народа путем модернизации, эта страна внимательно относится к оценке международным сообществом места и роли Китая в глобальном миропорядке.

¹ Ibid. – P. VII.

² См.: Huawen Liu. Op. cit. – P. 6.

³ Ibid. – P. 3.

Эволюция внешней политики Китая на основе компромисса между признанием глобализации и защитой национальных интересов. По мере усиления тенденций развития глобальной многополярности, экономической глобализации, применения информационно-цифровых технологий и культурного разнообразия ускоряются изменения в системе глобального управления и международном правопорядке. В настоящее время страны становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми, что приводит к необходимости более сбалансированного международного взаимодействия.

В современный период наблюдается значительное совпадение позиций Китая и России как двух сверхдержав по задачам глобального мироустройства, создания многополярного мира и утверждения духа справедливого сотрудничества. Эти цели внешней политики были поставлены и реализовывались еще в период плодотворного взаимодействия СССР и Китая и сегодня, в XXI столетии, они получают развитие в отношениях китайского государства с Россией и другими дружественными странами.

Современный Китай, с одной стороны, развивает свою международную деятельность, стремится проявлять гибкость и придерживаться общепризнанных принципов и норм международного права, с другой – защищает национальные интересы и противодействует вмешательству в его внутренние дела.

Изменения в сфере глобального управления, сохраняющаяся напряженность, вызванная региональными конфликтами, рост влияния экономически и политически уверенного в себе Глобального Юга – это лишь некоторые из тенденций современного миропорядка, осознаваемые китайскими учеными. По мнению Генри Хуэйяо Ван (основатель и президент Центра Китая и глобализации (CCG), декан Института исследований развития Юго-Западного университета финансов и экономики Китая, Пекин) и Мейбл Лу Мяо (магистр политических наук и заместитель генерального директора Международного писательского центра Пекинского педагогического университета), для современного Китая в глобальном управлении акцент ставится на развитие диалога и осуществление миссии сотрудничества. Китай выступает за конструктивный миропорядок на основе принципов равенства и взаимного уважения, вносит свой вклад в развитие во всем мире правозащитной дея-

тельности, в реформирование и строительство системы глобального управления и построение общего будущего для человечества¹.

Профессор Теодор Тудорой (Факультет политических наук и Факультет социальных наук Вест-Индский университет Сент-Огастин, Тринидад и Тобаго) обращает внимание на тактическую корректировку стиля китайской дипломатии в последние годы. По его мнению, риторика Китая стала более выдержанной, с непременной ссылкой на международное право. Однако в условиях современной геополитики Запада «резкие черты» внешней политики Китая, по мнению Т. Тудорой, вряд ли исчезнут², что связано, в частности, с проблемами разделения суверенных прав в акватории Южно-Китайского моря, спорами вокруг статуса Тайваня, Гонконга и Синьцзяна, противодействия Запада усилению влияния Китая в глобальной экономике и судебных исков США против китайских инвестиций, введением ограничительных мер и санкций против китайских компаний, в том числе китайских телекоммуникационных цифровых гигантов (например, Huawei и ZTE) и пр.

Несмотря на возникающие проблемы в геоэкономике, наиболее успешно Китай сегодня развивает свои отношения с государствами именно во внешнеэкономической и торговой сферах. Инициатива «Один пояс и один путь», выдвинутая Си Цзиньпином менее чем через год после его прихода к власти, предложила развивающемуся миру крупные инфраструктурные проекты³. Китай, так же как и Россия, развивает партнерство с различными дружественными странами Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока в энергетике, обеспечении мира и безопасности, экологической сфере, глобальном управлении климатом, развитии технологий и цифровизации, демографической и миграционной политике, здравоохранении и борьбе с COVID-19, искоренении нищеты, образовании и культуре⁴.

¹ См.: The Future of China's Development and Globalization Views from Ambassadors to China / ed.: Henri Huiyao Wang, Mabel Lu Miao. – 2024. – P. 12.

² См.: Tudoroiu Th. China's Two Identities Territorial Empire and Postmodern Global Power. – 2024. – P. 2–6.

³ Ibid. – P. 7.

⁴ См.: The Future of China's Development and Globalization Views from Ambassadors to China. – Op. cit. – P. V–IX.

Для стабилизации глобального экономического роста, Китай учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) по содействию экономическому сотрудничеству в Азии и инициировал создание Нового банка развития (НБР) с четырьмя другими странами БРИКС для укрепления сотрудничества Юг-Юг. Китай предпринял активные меры по снижению в несколько раз импортных тарифов, устранению торговых барьеров и широкому открытию своего рынка для всего мира. Страна создала пилотную зону свободной торговли в соответствии с международными правилами, основанными на научных и технологических инновациях, открытых услугах и цифровой экономике. В целях расширения открытости Китай построил порт свободной торговли в Хайнане. Эта практика Китая по мнению Чжао Лунъюэ (Школа международного управления Инновация Гуандунский университет иностранных языков Гуанчжоу, Китай) закладывает прочную основу для реформирования и совершенствования системы глобального экономического управления и превращения экономической глобализации в более открытый, инклюзивный, сбалансированный и выгодный для всех процесс¹.

Чжао Лунъюэ отмечает, что, оценивая свой вклад в современный миропорядок и устойчивое развитие, Китай выделяет пять направлений, в реализации которых он готов взять на себя ответственность в глобальном мире: 1) координация внешней политики, 2) внедрение инноваций в режиме экономического роста, 3) совершенствование глобального управления, 4) пропаганда открытости мира, 5) поощрение инклюзивных связей. Благодаря влиянию на перестройку правил мировой торговли, осуществлению инвестиций и охраны окружающей среды Китай считает, что придает своей деятельностью более равноправный, разумный, эффективный и справедливый характер экономической глобализации и открывает новый этап в ее истории², который будет «открытым, всеохватывающим, сбалансированным и выгодным для всех» и

¹ См.: Zhao Longyue. Modern China and International Rules. Reconstruction and Innovation. – 2023. – P. 8–9.

² См.: Zhao Longyue. Economic globalization in Covid-19 pandemic and China's leading role // Contemp World. – 2020. – N 1. – P. 17–22.

обеспечивать прочный мир, всеобщую безопасность и процветание¹.

Несмотря на общий конструктивный настрой на участие в глобальной политике и экономике, Китай испытывает ряд серьезных проблем, связанных с территориальными спорами и геополитической конкуренцией. Во внутритерриториальном устройстве Китая сохраняется неопределенность в некоторых вопросах по управлению Гонконгом. Рассматривая эту проблему, Алеш Кармазин (доцент кафедры азиатских исследований Института политических исследований Карлова университета, Прага), отмечает тенденцию постепенного уменьшения автономии Гонконга в результате растущего влияния центральной власти Китая, однако выражает надежду, что статус Гонконга позволит ему по-прежнему реализовывать право на самоопределение, не нарушая государственный суверенитет и территориальную целостность Китая². Среди трех территорий со специальным статусом (Гонконг, Макао и Тайвань) наиболее сложные отношения сегодня складываются между материковым Китаем и Тайванем. Рост напряженности в немалой мере обусловлен внешним вмешательством в данный спор США и коллективного Запада. Китай считает, что тайваньский вопрос носит внутривнутриполитический характер, а претензии Тайваня на государственный суверенитет противоречат Конституции КНР. Согласно ее Преамбуле «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване». Китайские эксперты предупреждают, что выход отношений между Китаем и Тайванем на уровень международного обсуждения способен поставить под угрозу международный мир и безопасность, а такая ситуация уже должна толковаться на уровне всеобщего обязательства по сохранению мира, что в первую оче-

¹ См.: Zhao Longyue. Modern China and International Rules. Reconstruction and Innovation. – P. 6.

² См.: Karmazin A. Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order: ebook / Palgrave Studies in International Relations (PSIR). – 2023. – P. 99. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-47905-2> (дата обращения: 19.10.2024).

редь относится к стороне, от которой исходит угроза применения силы¹.

Тайваньский вопрос является сегодня для Китая своеобразной лакмусовой бумажкой для осуществления внешнеполитического сотрудничества. Вместе с тем существуют и другие территориальные конфликты. Так, время от времени китайские официальные лица заявляют права на японские острова Рюкю². Существуют территориальные споры на границе между Индией и Китаем. Состоявшееся в 2020 г. столкновение в спорном районе привело к гибели 20 индийских солдат, включая старшего армейского офицера³. Только с 1990 по 2008 г. у Китая было не менее 23 территориальных споров с соседними государствами⁴. Эта ситуация не изменилась и в настоящее время.

На фоне территориальных проблем КНР прилагает дополнительные усилия для наращивания своего военного потенциала. С 2014 по 2018 г. Китай построил военные корабли общим тоннажем больше, чем военно-морские силы Франции, Германии или Индии⁵. По данным журнала «Экономист», Китай собрал больше кораблей (хотя и не по тоннажу), чем военно-морской флот США и проявляет активность как военно-морская держава⁶.

¹ См.: Цзэнань Ван. Размышления о международном праве на примере Тайваня: исторический обзор и перспективы на будущее // Наука. Образование. Современность = Science. Education. The present. – 2024. – № 2. – С. 4–5.

² См.: Schreer B. Towards Contested «Spheres of Influence» in the Western Pacific: Rising China, Classical Geopolitics, and Asia-Pacific Stability // Geopolitics. – 2019. – N 24 (2). – P. 503.

³ См.: Withnall A. India-China Standoff: 20 Indian Soldiers Killed in First Deadly Border Clash in Decades // The Independent. – 2020. – June 16. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/india-china-standoff-border-war-news-soldiers-killed-latest-a9567976.html> (дата обращения: 17.10.2024)..

⁴ См.: Shlapentokh D. China Quest for Global // Predominance. Perspectives on Political Science. – 2020. – N 49 (1). – P. 12.

⁵ См.: The AUKUS Pact is a Model for Western Allies // The Economist. – 2023. – 16 Mar. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/03/16/the-aukus-pact-is-a-model-for-western-allies?ysclid=m30dgl198d607360540> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ См.: America Worries about China's Military Ambitions in Africa // The Economist. – 2021. – 9 Dec. – URL: <https://www.economist.com/china/2021/12/09/america-worries-about-chinas-military-ambitions-in-africa?ysclid=m3skere58k516483673> (дата обращения: 12.10.2024).

Многие инфраструктурные проекты, построенные Китаем в странах-партнерах инициативы «Один пояс и один путь», имеют двойное назначение, т.е. могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях. В частности, Стратегия «Нитки жемчуга», которая опирается на обширную сеть новых или модернизированных портов двойного назначения, призвана превратить Китай в доминирующую военно-морскую державу в Индийском океане. В дополнение к военной базе, созданной в 2017 г. в Джибути, КНР строит военно-морскую базу в камбоджийском Реаме и ведет переговоры по аналогичным проектам, расположенным в мозамбикских Бейре и Катембе¹.

В марте 2022 г. Китай заключил секретное соглашение о безопасности с Соломоновыми островами в Тихом океане, которое первоначально, по-видимому, предусматривало создание военно-морской базы. Аналогичный проект может существовать и для Вануату. Не менее важно и то, что в мае 2022 г. Китай предложил своим партнерам на островах Тихого океана секретную концепцию общего развития Китая и Тихоокеанских островных стран, которая «направлена на создание блока “Китайско-тихоокеанских островных стран”» с явным компонентом безопасности². В апреле 2022 г. руководитель КНР Си Цзиньпин выступил с широкой инициативой в области глобальной безопасности, которая представляет собой «толчок к созданию сообщества безопасности, ориентированного на Китай, и усиление китайского влияния на партнеров “Пояса и пути”, с тем чтобы они присоединились к милитаризирующей борьбе Китая против “гегемонизма” США»³.

Несмотря на усиление военной активности на геополитическом пространстве, Китай не отказывается от правил поведения, установленных международным правом, и более того, стремится к их гармонизации с национальной правовой системой.

¹ См.: O'Brien P. China's Pacific Push Is Already Remaking the Region // The Diplomat. – 2022. – June 13. – URL: <https://thediplomat.com/2022/06/chinas-pacific-push-is-already-remaking-the-region/> (дата обращения: 16.10.2024).

² Ibid.

³ Arase D. China's Global Security Initiative Stoking Regional Tensions // Fulcrum. – 2022. – July 15. – P. 7. – URL: <https://fulcrum.sg/chinas-global-security-initiative-stoking-regional-tensions/> (дата обращения: 02.10.2024).

Правовая система КНР и международное право: особенности взаимодействия. В Конституции КНР 1982 г. отсутствует положение, определяющее общепризнанные принципы и нормы международного права частью правовой системы Китая, приоритет норм ратифицированного международного договора над обычными законами. Однако текст Основного закона Китая содержит многие общепризнанные принципы внешней политики и основные права человека, определяемые на международно-правовом уровне. Общее с российской правовой системой состоит в признании верховенства писаной конституции, ратифицированных международных договоров как части национальной правовой системы, наличие широко развитой системы отраслевых законов и большое количество подзаконных нормативных актов.

Правовая система КНР в значительной мере аналогична той, которая существовала в СССР. С Конституцией СССР 1977 г. и соответствующими конституциями РСФСР и других союзных республик действующую Конституцию КНР объединяет ярко выраженный политический и идеологический характер. Аналогично советской конституционно-правовой практике правом толкования Конституции КНР наделена высшая законодательная власть – Постоянный комитет Всекитайского Собрания народных представителей (ПК ВСНП), он же осуществляет контроль за ее исполнением (ст. 67 Конституции КНР). По мнению доцента кафедры конституционного права МГИМО-Университет О.О. Базиной, ПК ВСНП осуществляет толкование в различных формах (в том числе посредством издания актов, не имеющих обязательной юридической силы, – в рабочих докладах, ежегодно представляемых на рассмотрение ВСНП). Наиболее распространенными из них являются законодательное толкование и принятие специальных нормативных актов (резолюций, решений), издание Государственным советом КНР административных узаконений по предложению ВСНП или ПК ВСНП¹.

Особое место в системе китайского права занимают политические документы, аналогичные постановлениям Пленума ЦК КПСС. Они регламентируют не только деятельность политических

¹ См.: Базина О.О. Конституционное право Китайской Народной Республики: учеб. пособие. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – С. 58.

партий, но и права и свободы граждан, формирование органов государственной власти и другие вопросы. Каждый такой документ представляет собой внешнюю (политическую) форму выражения (существования) материального источника государственного права Китая – властной воли правящей партии¹.

На фоне глобализации и перемен в миропорядке отношения между правом и политикой в Китае являются ключевой проблемой в трансформации национальной правовой системы. Как известно, в западной модели господство права обеспечивается через судебную власть, судьям приходится интерпретировать право в политическом контексте и учитывать не только внутреннее законодательство, но и международный политико-правовой порядок. В Китае, наоборот, принцип господства права означает стремление удерживать правительство подальше от судебской интерпретации и применения права. Китайское государство и общество придерживаются нейтрального авторитета правосудия, принципа независимого судебного решения в соответствии с правом на основе экспертного мнения и правового опыта. Таким образом, господство права основывается на деполитизации права².

Наряду с верховенством (господством) права основополагающим для выстраивания системы китайского права является принцип верховенства закона. В процессе борьбы с COVID-19 на Третьей сессии 13-го ВСНП 28 мая 2020 г. был принят Гражданский кодекс КНР, который является важной вехой в установлении верховенства закона в Китае. Будучи первым Кодексом, ГК КНР признается основополагающим в системе отраслей частного права.

Другое важное событие в формировании источников права Китая – принятие ВСНП 28 июня 2023 г. Закона КНР о международных отношениях (вступил в силу 1 июля 2023 г.). Данный Закон не только систематизировал принципы внешней политики и компетенцию государственных органов, имеющих отношение к международным связям, но и определил правила поведения Китая в глобальном правопорядке в целях защиты его национальных ин-

¹ См.: Там же. – С. 60.

² См.: Globalization of Law: A Chinese Perspective. Duncan Kennedy's Three Globalizations in Theory and in practice: A Chinese perspective // *Frontiers of law in China*. – 2014. – Vol. 9, N 4. – P. 536–559.

тересов. В частности, Правительство Китая было наделено правом вводить контрсанкционные меры, чтобы они были более предсказуемыми. В этой части Закон выглядит ответом на санкционное давление со стороны США и ЕС¹.

Защищая свою правовую идентичность, Китай тем не менее стремится участвовать в совершенствовании международных правил взаимодействия, соизмеряя их с национальными интересами. Китай выдвинул ряд новых идей и предпринял меры для полноценного участия в глобальном экономическом управлении через реконструкцию и обновление международных правил, гарантирующих сотрудничество на основе взаимной выгоды, уважение интересов каждой стороны и равноправных переговоров, повышение открытости и инклюзивности диалога².

В этом контексте интерес представляет китайский опыт по правовой защите своего суверенитета над природными ресурсами во взаимодействии с ВТО. Принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами в международном праве, провозглашаемый наряду с принципами равенства, самоопределения и др., был сформулирован в 1970-х годах в Программе ООН по охране окружающей среды. Затем Декларация, принятая в Рио-де-Жанейро 13 июня 1992 г., установила, что государства «обладают суверенным правом на использование своих природных ресурсов в соответствии с их собственной политикой, относящейся к окружающей среде и устойчивому развитию». В доктрине международного хозяйственного и торгового права в последнее время ставится вопрос о необходимости изменения формулировки принципа постоянного суверенитета над природными ресурсами и выработки новой позиции в отношении суверенности.

¹ См.: The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China. – URL: <https://english.news.cn/20230628/28c7aedd386440ba9c370eb22476d430/c.html> (дата обращения: 16.09.2024).

² См. об этом: Алферова Е.В., Скурко Е.В. [рец.] // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – 2024. – № 4. – Рецензия на книгу: Staiano M.F. [Стрейано М.Ф.] Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind = Китайское право и его международная проекция: построение сообщества с общим будущим для всего человечества. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.

В 2009 г. США, Мексика и ЕС пригласили Китай на консультации в рамках форума ВТО в связи с его экспортной политикой – введением ограничений на экспорт некоторых природных ресурсов, в частности, бокситов, флюорита, кокса. Ограничения выражались в увеличении пошлин, экспортных лицензий и требованиях минимальных цен. Один из самых важных аргументов Китая касался понимания принципа постоянного суверенитета над природными ресурсами. Он доказывал, что благодаря ограничениям экспорта страна сохраняет природные ресурсы, на что имеет право в соответствии с данным принципом, а оптимальное использование природных богатств должно служить развитию государств. Подобная аргументация использовалась Китаем и по делу о редкоземельных элементах (лантан, сканд и др.), являющихся ключевыми при производстве ряда высокотехнологичных видов продукции (мобильных телефонов, гибридных автомобилей, ветряных турбин). Китай, доминирующий на этом рынке, снизил их экспорт почти на 40%, при этом цены резко выросли.

Органы ВТО должны были согласовать понятие невозобновляемых ресурсов с возможностью применять данное исключение в контексте постоянного суверенитета над природными ресурсами. Китай доказывал, что соглашения ВТО не являются договором о разделении сырья и представил информацию о том, что запасов флюорита хватит на 4,5 года, а бокситов на 16 лет эксплуатации. США и Мексика утверждали, что не существуют связи между ограничениями экспорта и целью охраны ресурсов. Евросоюз настаивал, что КНР не правомочен уклоняться от своих обязанностей ссылаясь на п. «g» ст. XX ГАТТ. ВТО пришли к выводу, что способ, который дает национальным предпринимателям исключительный доступ к средствам производства продукции с одновременным исключением зарубежных субъектов, не может быть аргументирован на основе ст. XX ГАТТ. Обстоятельства, вытекающие из членства в ВТО, не являются ограничениями в праве на развитие экономики, но устанавливают запрет протекционизма. Как видно из этого примера, вступив в ВТО, Китай получил существенные торговые выгоды, касающиеся природных богатств и отстоял свою позицию. Одновременно он возложил на

себя ответственность за выполнение обязательств этой организации¹.

Таким образом, выстраивание соотношения национального китайского права с международным правом строится на поиске баланса между признанием объективных законов глобальной кооперации и отстаиванием национальных интересов Китая как влиятельной державы.

Права человека в КНР: конвергенция национальных и международных правовых стандартов. Наиболее интенсивно процесс конвергенции национальных и международных правовых стандартов проявляется в КНР в сфере прав человека. Общий принцип состоит в том, что Китай стремится как к благополучию китайского народа, так и к прогрессу человечества. Его неизменной миссией является внесение большего вклада в развитие человечества².

В Конституции КНР 1982 г. «Основные права граждан» указаны в главе после «Общих принципов», что подчеркивает их важность и приоритетность. 27 октября 1997 г. Китай подписал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. 28 февраля 2001 г. данный Международный пакт был официально ратифицирован на 20-м заседании Постоянного комитета 9-го ВСНП.

14 марта 2004 г. на второй сессии 10-го ВСНП были приняты новые поправки к Конституции. В качестве одной из поправок в Конституцию закреплено, что «государство уважает и защищает права человека». 8 марта 2012 г. поправки к Уголовно-процессуальному закону включили в ст. 1 принцип «уважения и защиты прав человека», а также усовершенствовали правила, запрещающие использование незаконных доказательств. Впервые в законе был закреплен запрет принуждать кого-либо к самооговору, более четко определен правовой статус адвоката на стадии расследования.

¹ См.: Шведо П. Принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами в свете членства Китая во Всемирной Торговой Организации. – Варшава, 2014. – N 12. – С. 65–78.

² См.: Xi Jinping's report to 19 th CPC National Congress. – 2017. – October 27. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 12.09.2024).

В китайской культуре ценится целостное мышление. Китай не просто отстаивает права человека изолированно или ради них самих. Усилия в области прав человека являются неотъемлемой частью общего процесса развития Китая, который определяется через три основных измерения: верховенство закона, развитие и права человека. Все они являются неотъемлемыми частями единого целого и составляют основу для всестороннего, сбалансированного, здорового и устойчивого развития¹.

Другая особенность, исходя из следования теории «одно государство – два строя» (материковый Китай и Тайвань, Гонконг и Макао как специальные административные районы), проявляется в определенных различиях в правах человека. Наиболее существенная разница состоит в том, что в Китае и Тайване применяется смертная казнь, в то время как в Макао смертная казнь была официально отменена в 1976 г., а в Гонконге в 1993 г.

В системе прав человека особое значение Китай уделяет праву на существование и развитие. В данном случае КНР руководствуется Декларацией о праве на развитие, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 г. В ней признается, что право на развитие является неотъемлемым правом человека. 1 ноября 1991 г. Информационное бюро Государственного совета опубликовало первую «Белую книгу» по правам человека в Китае, в которой говорилось, что права на существование и развитие – важнейшие комплексные, всеобъемлющие права человека, включающие экономические, социальные, культурные, гражданские и политические права. Будучи страной с большой численностью населения, Китай с научной точки зрения рассматривает права на существование и развитие в качестве основных прав человека, исходя из своих национальных условий и конкретной истории, а также с учетом стадии, уровня и задач своего развития².

9 сентября 2021 г. Информбюро Госсовета опубликовало Национальный план действий Китая в области прав человека (2021–2025 гг.). Как указано во вводной части, основными принципами Плана действий являются: включение вопросов прав человека в правовую основу; интеграция общих принципов прав чело-

¹ См.: Huawen Liu. Op. cit. – P. 4–5.

² Ibid. – P. 4.

века в правозащитную систему с учетом реальных условий; гарантирование прав всех членов общества; объединение усилий по использованию потенциала цифровых технологий для расширения возможностей свободного и всестороннего развития каждого человека.

Гордостью современного Китая являются успехи по сокращению бедности. В феврале 2021 г. Си Цзиньпин торжественно объявил на Национальной конференции, что Китай одержал полную победу в своей борьбе с бедностью. Он помог 98,99 миллионам бедных сельских жителей и исключил 832 округа и 128 000 деревень из списка бедных. Победа воплотила в жизнь историческую мечту китайского народа об искоренении нищеты. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш назвал сокращение бедности в Китае «самой прекрасной историей» современного человечества. Таким образом, достижения Китая в области сокращения бедности имеют глобальное значение и свидетельствуют об успехе концепции развития прав человека, ориентированной на людей¹.

Конституционный строй Китая: идентичность и интеграция в глобальный миропорядок. В преамбуле и основном тексте Конституции КНР определен образ китайской модели конституционного строя через следующие правила и цели:

– выстраивание государственности на основе принципа социалистической диктатуры народа и принципа демократического централизма (согласно ст. 3 Конституции КНР «государственные органы Китайской Народной Республики осуществляют принцип демократического централизма. Провозглашается всевластие народных представительных органов. Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней избираются демократическим путем, ответственны перед народом и находятся под его контролем. Все государственные административные органы, органы контроля, судебные органы и органы прокуратуры формируются собраниями народных представителей, ответственны перед ними и им подконтрольны);

¹ Ibid. – P. 4–5.

– руководящая роль Коммунистической партии Китая, при этом поправками 1993 г. в Конституцию 1982 г. была учреждена система многопартийного строительства под руководством КПК;

– следование идеям марксизма-ленинизма и маоизма (Мао Цзэдун), учениям Сунь Ятсена, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина и других китайских лидеров (оценка вклада каждого китайского партийного лидера в развитие Китая), вместе с тем поправками 1999 г. в Конституцию КНР ее текст был освобожден от излишне радикальной социалистической идеологии;

– опора на теорию социализма с китайской спецификой новой эпохи», которая строится на основе государственной политики «реформ и открытости» (идея Си Цзиньпина воплотилась в поправках 1993 г. в Конституцию 1982 г.);

– гибридизация социалистических и либерально-демократических идей, что подразумевает укрепление социалистической демократии, социалистического верховенства права, развитие социалистической рыночной экономики, сочетание государственного регулирования и рынка, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий при условии подчинения руководству всей страны. Поправками 1993 г. в Конституцию КНР 1982 г. был совершен отказ от всеобщего планирования и государственного регулирования, учреждена новая форма кооперации – «семейный подряд», «фермерство»;

– основой социалистической экономической системы является социалистическая государственная и общественная собственность на средства производства, в КНР также признается множественность форм собственности, но они неравноправны между собой. Конституционные поправки 2004 г. расширили гарантии права частной собственности, сохранив приоритет государственной и общественной собственности;

– осуществление постоянной социалистической модернизации, которая включает курс на реформы и открытость, совершенствование различных социалистических институтов, претворение в жизнь новых концепций развития.

В современных трактовках конституционализма идентичность Китая уже не рассматривается как некая исключительно оригинальная государственность, выходящая за пределы общих либерально-демократических стандартов конституционного строя.

Тезис о том, что не все государства являются конституционными, а лишь те, которые основаны на либеральной демократии, подвергается существенной ревизии в значительной мере благодаря успехам Китая. Это своеобразный вызов традиционному пониманию конституции и конституционализма, отражающий реальный сценарий развития цивилизации.

В частности, профессор Центра социально-правовых исследований Оксфордского университета Рэндэл Пиренбум, размышляя о будущем конституционализма, пишет, что Китай никогда не был полностью привержен ни марксистско-ленинскому режиму, ни либеральной демократии. В то же время Китай оказался чрезвычайно успешным в достижении экономического роста, улучшении жизненных условий, поддержании социалистической стабильности по сравнению с большинством развивающихся стран, получивших довольно угнетающие результаты реформ. Р. Пиренбум уверен, что исследователи на примере Китая, должны переосмыслить концепции конституционализма. Он допускает возможность партийно-государственной альтернативы либеральному демократическому конституционализму и полагает, что лучше придерживаться реальности в нелиберальном обществе, признавая оригинальную модель конституционализма в марксистско-ленинской стране с социалистической рыночной экономикой и социалистическим правовым государством с руководящей ролью одной партии¹.

Заключение

Развитие государственности и правовой системы Китая основано на сочетании национального интереса и вклада в глобальное управление. КНР создал и укрепил политическую систему народной демократии, провел различные реформы, построил независимую и целостную национальную экономическую систему, способствовал экономическому развитию и успешно интегрировал в национальное законодательство общепризнанную на междуна-

¹ См.: Peerenboom R. Social Foundations of China's Living Constitution // Comparative Constitutional design / ed. by Ginsburg T. – Cambridge etc.: Cambridge univ. Press, 2013. – P. 162–163.

родном уровне систему прав человека. 1 июля 2021 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин на собрании, посвященном 100-летию основания Коммунистической партии Китая, торжественно объявил, что страна завершила построение процветающего общества во всех аспектах на своей территории, добилась исторического решения проблемы абсолютной бедности и развития правозащитной деятельности в Китае. КНР сегодня, с одной стороны, олицетворяет успех государственности и права и делится своим опытом в глобальном мире, с другой – у него есть проблемы в геополитическом, геоэкономическом, территориальном и правозащитном аспектах, решение которых требует дальнейших усилий, в том числе, путем заимствования опыта других стран и более тесной интеграции в международный правопорядок.

КОДАНЕВА С.И.¹ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены публикации российских и китайских ученых, посвященные изучению истории формирования китайской правовой традиции и ее влиянию на современную правовую систему Китая. Показано, что формирование государства и права в Китае происходило иначе, чем в Европе, что стало основой для уникальной правовой культуры, которая существует до сих пор и проявляется как в особенностях нормотворчества, так и в судебной практике этой страны.

Ключевые слова: право Китая; правовая культура; правовые традиции; публичное право; история права Китая.

KODANEVA S.I. China's legal culture: history and present day (Review)

Abstract. The review presents publications of Russian and Chinese scientists devoted to the study of the history of the formation of the Chinese legal tradition and its influence on the modern China's legal system. The author shows that the formation of the state and law in China took place differently than in Europe. It is became the basis for a unique legal culture that still exists and manifests itself both in the peculiarities of rulemaking and in judicial practice on this state.

Keywords: Chinese law; legal culture; legal traditions; public law; history of Chinese law.

¹Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

Для цитирования: Коданева С.И. Правовая культура Китая: история и современность. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 28–39. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.02

Введение

Китайская цивилизация является одной из древнейших в мире и насчитывает более 5000 лет. За этот немалый срок у китайского народа сформировалась уникальная правовая культура, которая сохранилась практически в неизменном виде до наших дней. Современный китайский законодатель придерживается, прежде всего, традиционного подхода к правовым институтам, категориям, понятиям и лишь затем обращается к постулатам марксистско-ленинской теории или западным правовым доктринам [3, с. 16]. Даже культурная революция не смогла трансформировать глубинные правовые традиции, и обычные граждане продолжали жить многовековыми ценностями. После смерти Мао Цзэдуна традиционные ценности сразу дали о себе знать, а отношение к праву и правосознание в целом постепенно меняются с 1980-х годов [1, с. 4]. Например, широкое использование в Китае метода экспериментальных правовых режимов (когда новые нормы сначала опробуются в порядке эксперимента и только затем закрепляются в форме закона) основано на принципах, заложенных Конфуцием, настаивавшем на постепенном неспешном регулировании существующих общественных отношений без резких скачков и «шоковых терапий» [3, с. 17].

Поэтому понять систему китайского права и особенности правоприменения в этой стране невозможно без изучения истории становления и развития ее правовых традиций, которые коренным образом отличаются от общепринятых на Западе представлений. Так, Чжипин Лян, известный китайский ученый-правовед, профессор Института китайской культуры Китайской национальной академии искусств, рассматривая концепцию зарождения государства применительно к Китаю, утверждает, что западные концепции применимы только к странам Запада, а китайская цивилизация формировалась совершенно по-иному [4, с. 1].

Особенности формирования древнекитайского государства и правовые традиции Китая. Традиционно принято считать, что государство появилось в бронзовом веке, и связано это с технической революцией, позволившей создавать более совершенные орудия труда. В результате этого произошла трудовая специализация, накопление капитала и социальное разделение общества, следствием чего и стала потребность в государстве.

Однако, как показывают исследования археологов и антропологов, в Китае государство появилось отнюдь не в результате технической революции, а под влиянием внутренней трансформации общества. При этом древнекитайское государство состояло из кланов и было построено по модели семьи – правитель является «сыном неба» и отцов всех людей на земле, члены кланов должны почитать правителя и глав кланов как родителей, любить друг друга и не причинять друг другу вреда. Неслучайно в китайском языке иероглиф «государство» включает элемент, означающий семью (т.е. эти слова можно считать однокоренными). При этом бронза использовалась преимущественно для изготовления не орудий труда (как в западной цивилизации), а оружия и обрядовых предметов, которые были одновременно и инструментами отправления религиозного культа, и символами власти.

Прообразом права в Древнем Китае были «ритуалы» (ли) – правила, регламентирующие все аспекты жизни, начиная от того, как стелить постель, какую одежду носить и что есть, и заканчивая тем, как хоронить усопших. Правила эти были различными для представителей разных социальных групп, что создавало прочный правовой каркас государства. В частности, не допускалось разделение между богатством и властью – признаки богатства могли демонстрировать только лица, обладающие властью (как известно, разделение и противостояние между аристократией и богатой буржуазией привело к буржуазным революциям в Европе). Характерно, что в соответствии с «ритуалами» в качестве наиболее тяжких преступлений рассматриваются отсутствие семьи, дисгармония с девятью предшествующими поколениями, нелюбовь к супругу, братьям и сестрам. «Ритуалы» кланов могли различаться между собой.

Интересно также сравнить процесс освоения новых территорий и формирования городов. Если в западной цивилизации это

был процесс стихийный – люди начинали селиться в каком-то месте, поселение разрасталось, затем обзаводилось крепостными стенами – то в Китае все происходило совершенно иначе. Когда клан разрастался настолько, что ему уже не хватало земли, правитель отправлял войска для завоевания соседних земель и затем раздавал их кланам, которые направляли туда своих соплеменников. Первое, с чего те начинали освоение новой территории – строительство стен. Поэтому в китайском языке город и городская стена обозначаются одним иероглифом. При этом поселенцы оставались частью своего клана, продолжая соблюдать его «ритуалы». Таким образом, создание городов носило чисто политический характер – роль представительства клана, а сами они формировали политические сети уже за пределами традиционной территории проживания клана.

Эти цивилизационные особенности формирования древнекитайского государства отразились и на его правовой культуре. Возникновению и эволюции древнекитайских законов способствовало не развитие торговли, а, в основном, политика. Если сравнивать с западной цивилизацией, то еще во времена Римской империи началось разрушение права главы семьи на всех его детей и принадлежащее им имущество за счет формирования сначала публичного римского права (распространявшегося на тех, кто служил императору), а затем и частного римского права. В результате столкновения между плебсом и аристократией сформировалась правовая система, состоящая из законов, призванных защищать права первых. Таким образом, закон стал инструментом защиты права (поэтому до сих пор во многих европейских языках «право» и «закон» либо обозначаются одним словом, например, «law», либо являются синонимами). Как отмечает Чжипин Лян, все это формировало западный индивидуализм [4, с. 29]. Эта тенденция усилилась в христианский период, что привело к появлению «прав человека».

В Китае развитие права происходило совершенно иначе. Прежде всего, как было отмечено выше, государство было основано на принципах клановых структур, и оно приняло модель единства семьи-государства-мира, поэтому противоречия между «правом главы семьи» и «правом правителя» в принципе не могли возникнуть – это был единый набор правил, закрепленных в «ри-

туалах». Не нужен был закон и для защиты прав социальной группы или отдельного человека, поскольку все они рассматривались как члены одной большой семьи, выполняющие в ней отведенные им роли, а само государство представляло собой монопольную власть «отца», т.е. правителя.

Однако «ритуалы» были не правовыми, а моральными правилами. Нормативное правовое регулирование требовалось в случае их нарушения. Поэтому первые нормативные правовые акты в древнем Китае так и назывались – «наказания». Согласно преданиям, первые «наказания» появились еще в 2282 г. До н.э., а позже правитель Чжоу Му-ван (1001–947 гг. До н.э.) приказал составить сборник законодательства, ставший известным как «Законы Люя» [2, с. 27]. Наказания были пяти видов – военная экспедиция, смертная казнь, отрубание конечностей, татуировка знаков на лице и порка. Соответственно, каждое «наказание» содержало перечень деяний, за которые оно полагалось. Например, предусматривалось 200 видов деяний, за которые полагалась смертная казнь, 300 деяний, наказываемых отрубанием ног, 500 – кастрацией, 1000 – татуировкой, 1000 – отрезанием носа [4, с. 32].

Характерно, что самым тяжелым наказанием была военная экспедиция. Это связано с тем, что правитель считался, как отмечалось выше, отцом всех людей на земле. Поэтому, если соседние народы вели себя неправильно (например, совершали набеги на пограничные земли), он мог их «наказать».

После череды междоусобных войн и формирования империи происходит трансформация правовой системы. На смену «наказаниям» приходят «законы», первым из которых стал первый систематизированный кодекс «Фацзин», составленный в период Сражающихся царств (403–221 гг. До н.э.). Общая концепция права как средства наказания за преступления не меняется, меняется только подход к структурированию этого правового акта. Он состоял из шести глав: «Закон о воровстве и разбое», «Закон о нападении и государственной измене», «Закон о суде и тюрьме», «Закон об аресте», «Закон о различных преступлениях», «Закон общего принципа». Как можно видеть, в отличие от «наказаний», содержащих перечень деяний, караемых конкретным наказанием, здесь дается перечень преступлений, за каждое из которых может

последовать различное наказание, в зависимости от тяжести и степени вины.

Однако со временем правовая система Китая развивалась и усложнялась. Появились приказы и правила, а «законы» стали называть «статутами», чтобы дистанцировать их от остальных форм правовых актов. Интересно, что в тот период активно развивалась дискуссия между легистами и последователями Конфуция – «конфуцианцами» – по поводу того, с помощью каких правовых инструментов лучше управлять государством. Характерно, что речь шла не столько о вопросах развития правовой системы, регулирования публичных или частных отношений, сколько о методах правового регулирования. Так, легисты полагали, что право должно содержать всего два инструмента – поощрения (награды) и наказания. За хорошую службу должны следовать награды, а за преступления – наказания. Иными словами, легисты выступали за правление с помощью суровых наказаний и подчеркивали, что закон должен применяться одинаково, без различия, к благородным и низшим сословиям, а наказания должны быть одинаковыми за мелкие и тяжкие преступления. Так, известный представитель этого учения Шан Ян рассматривал наказания как инструмент управления обществом, а не как средство воздаяния виновному за вред, причиненный преступлением: «совершенномудрый, управляя государством, устанавливает единые правила наказаний, единые правила наставлений. Если установить единые правила наград, то армия не будет иметь себе равных; если установить единые правила наказаний, то приказы будут выполняться» [цит. по: 2, с. 28].

В отличие от легистов конфуцианцы полагали, что на первом месте должна быть добродетель, основанная на самосовершенствовании, а наказание должно быть вспомогательным инструментом. Они противопоставляли «ритуал» (ли) «закону» (фа), который, по их мнению, это искусственно созданная норма. Конфуций считал, что «если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» [цит. по: 1, с. 5]. Здесь проявляется яркое отличие от западной, особенно христианской культуры, основанной на при-

знании греховной сути человека. Как подчеркивает Лян Чжипин, западная правовая культура разделила внутренний мир человека и его физическую оболочку, предоставив церкви заботиться о первом, а государству – управлять вторым. Конфуцианцы же, напротив, полагали, что все люди изначально добры, а преступления случаются из-за переизбытка желаний. Следовательно, через «ритуалы» необходимо подталкивать человека к самосовершенствованию [4, с. 71–76].

Так, Чжипин Лян приводит следующую цитату из «Великого учения» конфуцианства: «все, от Сына Неба до массы людей, должны считать развитие личности корнем всего остального. Когда пренебрегают корнем, не может быть, чтобы то, что должно из него вырасти, было хорошо упорядочено. Никогда не было такого, чтобы о том, что имело большое значение, мало заботились, и в то же время о том, что имело небольшое значение, заботились очень сильно» [4, с. 74]. Прежде всего, по мнению Конфуция, соблюдать требования добродетели должны были члены правящей элиты, так как от этого зависит «господство норм нравственности в поведении подданных». Он полагал, что если правитель будет стремиться к добру, то и народ будет добрым. Большое внимание Конфуций уделял силе нравственного примера представителей правящей элиты, сравнивая мораль благородного мужа с ветром. Мораль простолюдина он сравнивал с травой, и писал о том, что трава наклоняется туда, куда дует ветер [2, с. 27].

Со временем идеи легистов и конфуцианцев слились, и при императоре У-ди династии Хань это усовершенствованное конфуцианство стало доминирующей идеологией, образовав основу для формирования правовой и политической системы страны. Так, императоры видели свою роль в постоянном самосовершенствовании, а также отборе чиновников для управления государством. При этом «статуты» могли издавать только императоры, а чиновники должны были их исполнять. Исходя из этого, автор делает вывод, что в китайском обществе не было возможностей для установления верховенства закона – император всегда был выше закона, владея монопольным правом на власть, и он являлся источником права для чиновников [4, с. 78].

Правовая система Китая также отличалась от западной: она делилась не на публичное и частное право, а на «официальные» и

«административные» акты. Первые регулировали отношения императора с его чиновниками, а вторые – чиновников с простыми людьми (сюда включались уголовные (люй) и административные (лин) законы. При этом статуты было крайне мало, в основном регулирование осуществлялось сборниками указов (гэ) или сборниками ритуалов (ши).

Конституционное право, которое и в Европе сложилось довольно поздно, китайской правовой культуре вообще не свойственно. Патернализм отрицает возможность юридической регламентации и тем более ограничения верховной власти. Император, как и все остальные, должен следовать «ритуалам» (ли); следует он им или нет, решает Небо, сыном которого он является и от которого он получил мандат на власть [1, с. 10]. Частная же жизнь людей по-прежнему регламентировалась «ритуалами» (ли) и так называемыми «институтами приличия», которые служили моральным регулятором, делая невозможным появление частного права в значении Римского права [4, с. 202].

Для объяснения того, что собой представляли «правила приличия», Чжипин Лян приводит цитату Ли Юня (Li Yun) «правила приличия признают чувства людей и обосновывают их праведностью, а также устанавливают определенные правила для людей. Следовательно, правила приличия, которые основаны на праведности и разъясняют роли каждого, являются законными. То, что уместно, просто законно» [4, с. 204]. Далее автор делает вывод, что «приличия в этом смысле не имеют ничего общего с гражданским правом. Напротив, как наиболее важный социальный фактор, они препятствовали развитию гражданского права» [там же]. Таким образом, автор подчеркивает, что все законы и статуты в Китае были «публичным правом» и могли быть только «публичным правом» [там же, с. 205].

Особым было и отношение к судебным спорам. Конфуций и императоры от династии Мин и до династии Цин, придерживались одной и той же точки зрения: отсутствие судебных разбирательств является конечной целью добродетельного правителя. Простые китайцы полностью разделяли такое отношение к судам. Китайский народ исходил из веры в Небеса, природу и гармонию и создал особую систему ценностей, включающую убежденность, что идеальное общество должно быть обществом, невосприимчивым к

любим спорам. Соответственно, судебное разбирательство воспринималось как абсолютное зло, а закон – как необходимое зло. Правительство и закон призваны не координировать урегулирование споров, а полностью их устранять. Для достижения этой цели необходимо наказание и просвещение. Если же спор все-таки возникал, то судьи разрешали его, исходя из «правил приличия». Вопросы, касающиеся «семьи, брака и земли», были переданы местным судьям вне рамок основной юрисдикции. Несмотря на разнообразие по форме и сложность по содержанию, законы древнего Китая были в высшей степени унифицированы по своей природе, что нашло отражение и в судебной юрисдикции. Окружные суды рассматривали тяжкие преступления с серьезными наказаниями. На долю же местных судей приходились дела малозначительные. Частные же споры вообще не были отнесены ни к одной юрисдикции, но, будучи «малозначительными», рассматривались на местах.

При этом морально предпочтительным был отказ от разбирательства. Поэтому существовало множество форм посредничества (медиации): родственниками или близкими соседями сторон, комиссией по посредничеству поселка или клана, либо прямое посредничество правительства. Согласно законам династии Мин, во всех административных единицах были созданы комиссии по примирению, где вожди кланов имели право судить всякий раз, когда возникал гражданский спор. Хотя во времена династии Цин это правило было заменено на требование передавать гражданские дела, касающиеся таких вопросов, как разграничение соседних земель, кровные связи родственников и т.д. на рассмотрение судов, на самом деле большинство подобных споров по-прежнему разрешались во внесудебном порядке. Это связано с тем, что обычные люди часто стыдились судебных разбирательств, а также с тем, что посредничество и вынесение решения стало важной задачей клановых структур.

Как можно видеть, две уникальные формулы «закона»: китайская – «закон» как «наказание», и западная формула «закон» как «право» – являются краеугольным камнем, определяющим культурные характеристики двух цивилизаций. Соответственно, роль права в общественной жизни, его значение и универсальность применения были в Китае намного слабее, чем в западном мире.

«Хотя закон был, по сути, незаменим в древнекитайском обществе, он никогда не был священным или неприкосновенным» [4, с. 47]. В этом древнекитайское право существенно отличалось от западного. Второй стороной публичного характера древнекитайской правовой традиции было то, что она делала публичными все личные отношения, а понятий «индивид» и «личное право» вообще не существовало [там же, с. 48].

Чжипин Лян показывает, как эти древние традиции сформировали правовую культуру китайцев. Если западная цивилизация к XIX в. практически целиком превратилась в индивидуалистическую, где во главу угла ставятся права и интересы индивида, в Китае родители по-прежнему имели право наказывать и продавать детей, решали вопрос об их браке и контролировали семейную собственность, поскольку традиционная китайская культура – это культура семьи, не признающая существования «индивидуальностей» [там же, с. 104, 113]. Принцип социального статуса доминировал во всем, поэтому абстрактно равных лиц в китайском законодательстве на протяжении пяти тысяч лет истории не существовало: люди не могли самостоятельно создавать новые общественные отношения, у них не было полного права распоряжаться своей собственностью. Именно это доминирование традиций семейности и клановости выразилось в неразвитости частного права Китая. Кроме того, традиционная китайская культура была сосредоточена на гармонии между людьми и всеми объектами во вселенной, а не на достижении прогресса. Показательным является то, что вплоть до конца XX в. торговцы считались в Китае людьми, не заслуживающими уважения, они не имели никакого социального веса в обществе и потому не могли противостоять правящим элитам, как буржуазия западных стран противостояла аристократии. Как отмечает автор, пятитысячелетняя древняя цивилизация Китая была обречена на отсутствие личных прав, «индивидуализма», частного права и уважения личной собственности [там же, с. 186].

Как отмечает П.В. Трощинский, характерная особенность влияния китайской традиции на право заключается в соотношении права и морали в китайском обществе, а именно в верховенстве морали над правом. Например, обман иностранного бизнесмена в целях извлечения выгоды при нарушении условий гражданско-

правового договора в целом морально одобряется в китайском обществе. То же самое относится к уклонению от соблюдения международных договоров. Иностранному бизнесу, работающему с Китаем, хорошо известно, что зачастую устные договоренности с китайским партнером важнее, чем письменные, и китайская сторона не всегда строго придерживается условий заключенного с иностранцем договора, ссылаясь на различные обстоятельства, которые признает в качестве объективных и законных оснований к срыву исполнения взятых на себя обязательств по контракту [3, с. 21].

Правовые традиции Китая нашли отражение и в его современной правовой системе. Так, описанные выше особенности древнего правотворчества сформировали современное отношение к системе права. В Китае сегодня крайне мало законов. При этом правотворческие полномочия местных органов власти крайне широкие, что позволяет им оперативно реагировать на происходящие в стране изменения социально-экономического и (или) государственно-политического характера. Многие правовые нормы устанавливаются не законами, а формально подзаконными актами Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей или Госсовета. Но на практике эти акты имеют большую юридическую силу, чем законы. Эти особенности китайской правовой традиции отразились и на деятельности судебных органов, которые обязаны, в первую очередь, руководствоваться интересами государства и КПК и лишь затем законом [там же, с. 23].

Заключение

Таким образом, как можно видеть, право Китая начало формироваться задолго до римского и, тем более, европейского права, и следовало совершенно иной традиции. Следует отметить, что китайская правовая система просуществовала практически в неизменном виде на протяжении нескольких тысячелетий и начала меняться только в XX в. – после подписания в 1943 г. Обновленного Договора о торговле и мореплавании между Великобританией и Китаем, в соответствии с которым «Китай обязуется пересмотреть свои законы для приведения их в соответствие с законами зарубежных стран. Великобритания обещает предложить максимально

возможную помощь, чтобы воплотить это в жизнь» [4, с. 320]. Правовая реформа в конце династии Цин стала культурным конфликтом, о чем свидетельствует общее отношение к ней цинского правительства и общественные споры по поводу нового законодательства того времени. Последовавшая после окончания Второй мировой войны Культурная революция должна была полностью изменить эту традиционную систему, однако, несмотря на то, что правовая система Китая, действительно трансформировалась, впитав в себя концепции марксистско-ленинского учения и, позже, западных доктрин прав человека, в фундаментальной основе она сохранилась и продолжает оказывать влияние на правотворчество и правоприменение Китая.

Список литературы

1. Козлихин И.Ю. Китайская правовая традиция // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. – 2016. – № 3. – С. 4–13.
2. Моисеева О.Г., Блинова О.А. Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях // Юрислингвистика. – 2022. – № 24. – С. 26–31.
3. Трощинский П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // Закон. – 2022. – № 9. – С. 16–29.
4. Zhiping Liang. A Study of Legal Tradition of China from a Culture Perspective. Searching for Harmony in the Natural Order. – Singapore: The Commercial Press, Ltd., 2023. – 347 p.

УДК 340.5

DOI: 10.31249/iajpravo/ 2025.01.03

СКУРКО Е.В.¹ СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВЗГЛЯД КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ (Обзор)

Аннотация. В статье анализируются новейшие монографии китайских ученых-правоведов, исследующих историю развития права КНР, влияние традиций и правовой культуры на современную правовую систему Китая, ее структуру, функции и динамику развития, раскрываются теоретические дискуссии о взаимосвязи между правом и экономикой, влияния КПК на правовую систему и законодательство, характеризуются новые законы и особенности системы отраслей права.

Ключевые слова: Китай; право КНР; китайская правовая система; традиции; китайское законодательство; система права; отрасли права.

SKURKO E.V. The modern legal system of the People's Republic of China: the view of Chinese scientists (Review)

Abstract. The article analyzes the latest monographs of Chinese legal scholars who study the history of the development of Chinese law, the influence of traditions and legal culture on the modern legal system of China, its structure, functions and dynamics of development, reveals theoretical discussions about the relationship between law and economics, the influence of the CPC on the legal system and legislation, characterizes new laws and features of the system of branches of law.

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: China; law of the People's Republic of China; Chinese legal system; traditions; Chinese legislation; system of law; branches of law.

Для цитирования: Скурко Е.В. Современная правовая система Китайской Народной Республики: взгляд китайских ученых (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 40–56. – DOI: 10.31249/iajpravo/ 2025.01.03

Введение

Современный Китай прочно занимает место среди ведущих мировых держав и оказывает существенное влияние на развитие международных отношений, международного права, межкультурного диалога. С этой точки зрения актуальным становится знание о праве КНР, развитии и функционировании его правовой системы.

В последние годы вышел ряд монографий, научных статей, посвященных правовой системе Китая, ее особенностям, истории и перспективам. В обзоре представлены работы китайских исследователей-правоведов, раскрывающих для мировой научной аудитории идеи, традиции и направления развития современного китайского права, его особенности, проблемы и новации¹.

Исследование роли права в развитии политической экономики Китая конца XX – начала XXI в. Роль права в развитии современного Китая, отношение права и экономики анализируются в монографии Цзя Ху, защитившей диссертацию (PhD) в Уни-

¹ Среди российских ученых-юристов, сосредоточенных на исследованиях китайского права и правовой культуры Китая, выделяются научные труды руководителя, ведущего научного сотрудника Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН, кандидата юридических наук П.В. Трощинского (См.: Трощинский П.В. Правовая система Китая: монография. – Москва, 2016; Он же. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 3. – С. 133–144; Он же. Правовая культура Китая: от традиций к современности // Закон. – 2022. – № 9. – С. 16–19 и др.). См. также: Малышева Н.И. Теоретические трудности в исследовании права КНР // Правоведение. – 2024. – Т. 66, № 2. – С. 176–186.

верситете Гёте (Франкфурт, ФРГ). Это исследование начинается с теоретической дискуссии о взаимосвязи между политической структурой, правовой мыслью и экономикой. Опираясь на концептуальные социально-правовые конструкции М. Вебера и юридический позитивизм, автор исследует правовые и политические институты, имеющие решающее значение для экономического развития, а также их социальный потенциал и издержки, в том числе на историко-правовых примерах [3, р. 11–40]. Прежде чем непосредственно исследовать проблемы экономико-правового развития современного Китая, автор раскрывает социальные и экономические преобразования, проводившиеся в период Мао Цзэдуна и особенности правовой системы того периода, чтобы показать истоки политико-экономической и юридической «ситуации», из которой возникла экономическая реформа Дэн Сяопина [Ibid., р. 41–65]. Соответствующим образом, далее рассматривается эволюционирующее политическое стремление к экономическим результатам и связанное с этим правовое развитие в последние десятилетия. Цель автора состоит в том, чтобы установить и обосновать динамическую взаимосвязь между китайской политической экономией и правовым развитием – путем исследования правовых преобразований после 1978 г.

Цзя Ху последовательно раскрывает внешние функции права через анализ взаимодействия между правовым развитием, политической властью и экономикой страны. В частности, в монографии содержатся общие сведения об экономике КНР, экономических реформах и динамике трансформаций правовой системы на каждом этапе политико-экономических реформ. Для раскрытия «внешних функций» права используются вариативные «индикаторы», которые отражают степень «автономии права» на различных этапах политического руководства и экономических реформ [3, р. 67–115].

Исследуя «внутренние характеристики» права Китая – на примерах развития договорного права в 1980-х годов, корпоративного права 1990-х годов, трудового договорного права 2000-х, автор оценивает фактор предсказуемости в развитии и функционировании правовой системы, значение снятия неопределенности в праве. На примере судебных решений из разных исторических пе-

риодов показано, насколько они «ориентированы на результат», «формальные», т.е. «законны» [3, p. 117–174].

Особенное внимание уделяется становлению юридической профессии в современном Китае, формированию правового мышления современных китайских правоведов и практикующих юристов [3, p. 175–214].

Каждая из глав исследования заканчивается кратким резюме, отражающим вывод автора о форме взаимодействия права, государства и экономики на разных исторических этапах по всем исследуемым сферам правового развития («внешние» функции права, «внутренние» функции права, юридическая профессия) [Ibid., p. 7].

По мнению Цзя Ху, каждый этап реформ после 1978 г. оказывал влияние на развитие правовой системы Китая, наблюдалось скоординированное развитие в юриспруденции и политической экономии страны. При этом, как отмечает автор, «линейную связь правового и экономического развития проанализировать трудно: они множественны, носят сложный характер, зависят от контекста» [Ibid., p. 8].

Исследование роли права в обществе на различных этапах новейшей истории КНР позволили автору сделать вывод о том, что значение права существенно различалось. Так, в период 1978–1991 гг. китайскому праву была присуща патерналистская роль [3, p. 67]. В первые десятилетия экономических реформ в Китае, начатых Дэн Сяопином, китайское правительство либерализовало сельскохозяйственный сектор, открыло свои границы для иностранных инвестиций и реформировало государственный промышленный и торговый (коммерческий) секторы. В этот период была разработана система правил, в которой действовавшее законодательство сочетало политические директивы и нормативные (законодательные) предписания. В этот период юридическое образование в Китае подвергалось всестороннему восстановлению после того, как оно было практически полностью ликвидировано во времена «культурной революции», начатой Мао Цзэдуном в 1966 г. Правовая система Китая на этапе 1978–1991 гг., подчеркивает автор, отражала патерналистскую роль КПК и государства в целом – в первую очередь в экономике.

В период 1992–2001 гг. роль права определяется как «стимулирующая» [3, p. 117]. На этом этапе Китай проводил наиболее

агрессивную рыночную реформу экономики. В течение этого периода правительство коренным образом реструктуризировало государственные предприятия, переформатировало банковскую систему, реформировало рынок капитала и либерализовало систему внешней торговли в рамках подготовки к вступлению в ВТО в 2001 г. Одновременно шла формализация правовой системы и правоприменения в сфере рыночных отношений. Кроме того, расширялся круг юристов-профессионалов, повышалось качество юридического образования. Китайское право – в рассматриваемый период – способствовало становлению полноценной рыночной экономики, и в этом смысле, его роль была «стимулирующей».

В 2002–2011 гг. право в Китае выполняет интегративную функцию, направленную на объединение людей вокруг определенных экономических, социальных и культурных ценностей [3, р. 175]. На данном этапе правительство сосредоточило свои основные реформы на ослаблении контроля за социальной мобильностью, на либерализации рынка труда и создании систем социального страхования. Хотя законодательство активно развивалось, происходила его кодификация, тем не менее в сфере судопроизводства сохранялась «ориентированность на материальный результат». По мнению автора, это свидетельствует о том, что правовая система Китая в этот период пыталась преодолеть социальную несправедливость с помощью судебной системы. Параллельно с такой коррекцией проводилась реформа юридического образования в Китае [Ibid].

Исследование Цзя Ху более чем тридцатилетнего опыта реформ Китая через призму взаимодействия права и экономики, позволяет сделать автору вывод о том, что этот опыт не универсален [3, р. 215]. В связи с этим автор выступает как против теории модернизации, так и против детерминизма, которые предполагают возможность достигать, при определенных условиях, аналогичных результатов в глобальном масштабе, независимо от контекста. Кроме того, ее исследование опровергает тезис о том, что право статично в отношении экономики: роль права может быть многообразна и сложна в различных политических и экономических обстоятельствах, в зависимости от политических и экономических целей, преследуемых государством и обществом [Ibid]. Роль права, на примере развития экономики КНР, была различна в разные пе-

риоды времени. То есть право подвержено изменениям под воздействием политики. По мнению автора, право как институт глубоко переплетен с политикой и применяется государством для достижения ставящихся им целей – будь то политические, когда, например, судебная система использовалась для наказания контрреволюционеров в ранние годы становления КНР, или экономические, когда создание закона и развитие правовой системы в целом используется для формирования экономического поведения человека в обществе. Тем не менее роль права в сфере экономики неизбежно ограничивается экономической средой данного общества. То есть материальное состояние экономики, либо стадия общественного развития и конкретная экономическая система (например, плановая или рыночная экономика), определяет роль права в экономике [3, р. 215]. Вместе с тем взаимосвязь между правовым и экономическим развитием носит условный характер. Утверждение, что Китай напрямую внедрил западные правовые институты и поэтому преуспел в экономических реформах и развитии страны, по мнению Цзя Ху, неосновательно. Точно так же, по опыту развития КНР последних десятилетий, необоснованно выглядит и тезис о том, что «автономия права» – необходимое условие для экономического развития. Иными словами, как показывает опыт политико-экономических реформ в Китае после 1978 г., господствующее представление о том, что тремя столпами успеха экономического развития страны являются свободный рынок, верховенство права и демократическая политическая структура, хотя и не опровергается в данном исследовании – во всяком случае демонстрирует ему альтернативу [Ibid., р. 216].

Законодательная роль Коммунистической партии Китая в развитии правовой системы страны. Роль КПК в развитии законодательства КНР исследуют многие китайские ученые. Мы остановимся на новой 2024 г. статье Вэньцзя Ян из Школы бизнеса Университета науки и технологий Макао (Китай) [5], который исследует широкое и всестороннее участие КПК в разработке законодательства страны. В политической реальности партийно-государственного устройства КНР КПК одновременно выступает как бюрократическая политическая организация и ведущая партия, монополизирующая высшие государственные полномочия. «Законодательство КПК» в этом смысле является дихотомическим. Оно

включает в себя не только государственное законодательство, развитие которого идет под руководством КПК, но и внутривластьное нормотворчество КПК. Как указывает Вэньцзя Ян, «сосуществование двух нормативных систем является аналогом дуалистической партийно-государственной политической реальности. Взаимосвязь между двумя нормативными системами – государственной и партийной – менялось в разные периоды правления КПК [5, р. 1].

Сегодня в КНР законодательными органами на национальном и местном уровнях являются Собрания народных представителей. Вместе с тем законодательная власть в стране рассматривается партией как инструмент управления государством и должна подчиняться воле партии. Так, государственное законодательство КНР признается одной из наиболее важных областей, где КПК осуществляет свое руководство. Высший статус партии контролирует законодательные органы страны политическими, идеологическими и организационными средствами. Однако в отличие от полной замены государственных органов партийными, как это было во время культурной революции, лидерство партии над законодательными органами государства неформально: законодательные органы КНР институционально независимы. Таким образом, подчеркивает Вэньцзя Ян, роль партии в развитии государственного законодательства прослеживается двояко: с одной стороны, партия никогда не отказывается от своего контроля над государственными законодательными органами и обеспечивает реализацию воли КПК, с другой – выражение политической воли КПК в нормативных предписаниях осуществляется формально и институционально «независимыми» государственными органами страны. Благодаря такому подходу, воля партии, воплощаясь в законодательстве, приобретает необходимую законность.

Будучи господствующей партией в политическом пространстве страны, КПК проводит реформы, стремится к модернизации и обновлению китайского общества и государства, при этом преодолевает сложности повседневного государственного управления в различных сферах общественных отношений – и справляется с ними, в том числе развивая законодательство страны [Ibid., р. 4]. Организационный контроль партии над законодательными органами государства является наиболее эффективным для того, чтобы КПК фактически возглавляла законодательные органы как на (об-

ще)национальном, так и на местном уровнях. Посредством контроля за кадровыми назначениями партия следит за тем, чтобы высшие руководители, а также большинство сотрудников законодательных органов являлись членами КПК, которые должны соблюдать приказы, инструкции, дисциплину, а также следовать политике и идеологии партии в целом. Как пишет Вэньцзя Ян, абсолютное большинство государственных органов в КНР занято членами партии. Общие данные, официально опубликованные в 2016 г., показывают, что более 80% государственных служащих Китая являются членами партии, и 95% руководящих должностных лиц на уровне округа или выше являются членами партии [5, р. 4–5].

Хотя КПК признает свою власть осуществлять надзор и вмешиваться в законодательные процессы, в действительности фактическое вмешательство партии в конкретные законодательные процессы на практике носит ограниченный и избирательный характер. Хорошим примером, как указывает Вэньцзя Ян, здесь может служить разработка Гражданского кодекса КНР [Ibid., р. 8–9].

Современная правовая система КНР: социалистическое верховенство права и Закон о законодательстве 2000 г. Вопросы развития правовой системы Китая на современном этапе, включая роль Закона КНР о законодательстве 2000 г., частично затрагиваются в исследовании М.Ф. Стейано [4].

Новым импульсом государственно-правового развития КНР на современном этапе стал XVII съезд КПК 2007 г., на котором было принято решение об ускорении строительства социалистической страны, основывающейся на принципе социалистического верховенства права (закона). В 2010 г. эта задача была связана с построением социалистической правовой системы с китайской спецификой [4, р. 30].

Китайская специфика *fazhi* означает, что принцип верховенства права должен быть дополнен типичными элементами китайской системы, включая новые экономические и социальные тенденции в развитии китайского общества. Подразумевается, что экономика страны составляет базис для правового развития, как это и было определено на начальном этапе развития социализма в Китае [Ibid., р. 30].

В марте 2015 г. Си Цзиньпин сформулировал цели и задачи общей политики КНР: построение общества умеренного благосостояния; усиление реформ; управление государством в соответствии с законом (верховенство права); жесткий партийный контроль (борьба с коррупцией) [4, р. 31].

Как пишет М.Ф. Стейано, современная правовая система КНР характеризуется «вертикальной» структурой, фундаментом которой является государственная власть и законотворчество. Кроме того, важное место отводится «социальной» основе – обычному праву, культурным традициям.

В совокупности, право КНР представляет собой целостную системную конструкцию. Однако с прикладной точки зрения существует некоторая дистанция между реальностью общественной жизни и тем, что предусмотрено нормативными правовыми актами – официальным законодательством, поскольку в некоторых областях общественной жизни и отношений социальные нормы, по-прежнему, работают лучше. Это связано с традицией правовой культуры Китая, в которой не приветствуется немедленное прямое обращение и применение норм действующего законодательства КНР: до настоящего времени сохраняется критическое отношение к тому, что «государственное право» – наиболее «мощный» источник права, а в обществе сохраняется запрос, требующий более гибкого взаимодействия между государственным правом и социальными нормами. Это не значит, что закон неважен как инструмент социального регулирования и контроля, пишет М.Ф. Стейано, – речь идет о том, что регулирование общественных отношений не должно опираться исключительно на нормативные правовые акты, издаваемые государственными органами власти и управления [Ibid., р. 31].

Необходимо отметить, что в КНР существуют также «косвенные» источники права («indirect» sources of Law), которыми являются партийная политика и директивы КПК. В последнее время все большее значение в системе источников права Китая приобретает судебная практика, особенно по вопросам, которые не имеют однозначного законодательного регулирования.

Закон КНР о законодательстве был обнародован Постоянным комитетом Всекитайского Собрания Народных Представителей 15 марта 2000 г. (вступил в силу 1 июля 2000 г., в ред. 2023 г.)

(Law on Legislation – *Zhonghua renmin gongheguo lifa fa*). В соответствии с Конституцией КНР этот Закон впервые определил систему источников права Китая. Правовая система Китая формируется на трех уровнях (законы, административные регламенты, местные нормативные акты – основой для всех является Конституция) и в отраслях: гражданское право, коммерческое право, экономическое право, социальное право, уголовное право, судебный процесс, несудебные процедуры [4, p. 31].

К этой системе следует добавить территориальные особенности двух специальных административных регионов (Гонконг и Макао) (Special Administrative Regions, Art. 31 Const.), управляющиеся по принципу «Одна страна – две системы» («One Country, two systems»). Кроме того, можно наблюдать административные различия территорий и особенности правового регулирования специальных экономических зон (Special Economic Zones), свободных экономических зон (Free Trade Zones); существуют также отдельные программы экономического развития, которые распространяются на отдельные территории и регионы страны [4, p. 32]. Такого рода «правовая фрагментация» Китая, его «изменчивая геометрия» является результатом наложения уникального исторического и политического опыта страны, который дополнялся западными элементами, особенно после политики реформ и открытости Дэн Сяопина [Ibid].

Оригинальность концепции верховенства права в Китае выражается не только в том, что к числу источников права относятся общественные моральные нормы, а также позиции, вырабатываемые в политических документах КПК, но и в том, что право КНР развивается с опорой на понимание экономической эффективности народного хозяйства страны, работающего как стабилизатор власти, даже на фоне передачи все большего числа полномочий от КПК государственными институтами и правовому регулированию в западной традиции понимания «верховенства права». В дополнение, концепция верховенства права в современном Китае принимает в расчет зарубежный опыт правового развития, международно-правовые нормы, международные обычаи [4, p. 32].

Правовая система Китая: принципы, функции, институты. Анализ правовой системы КНР развернуто представлен в ра-

ботах китайских правоведов, представляющих различные исследовательские учреждения [1; 2].

В основе развития правовой систем КНР лежит Конституция страны 1982 г. Ее фундаментальный статус определяют три фактора: во-первых, Конституция Китая регулирует основные, наиболее важные вопросы функционирования государства, такие как его природа, система правления, форма государственного устройства, основные направления государственной политики, основные права и обязанности граждан, а также организацию, функции и полномочия органов государственной власти и управления.

Во-вторых, Конституция имеет высшую юридическую силу. В преамбуле действующей Конституции Китая 1982 г. четко указано: «Настоящая Конституция закрепляет в юридической форме достижения китайского народа всех этнических групп в борьбе и устанавливает основополагающую систему и задачи государства. Это основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу». В преамбуле также провозглашается: «Люди всех этнических групп, все государственные органы и вооруженные силы, все политические партии и общественные организации, а также все предприятия и общественные учреждения в стране должны относиться к Конституции как к основополагающему стандарту поведения; они обязаны поддерживать святость Конституции и обеспечивать ее соблюдение» [цит. по: 2, р. 104].

В-третьих, Конституция более строга в формулировании и внесении изменений с точки зрения процедур, чем другие законы [2, р. 104–105].

В монографии [2] авторы прослеживают конституционное развитие Китая, начиная с первой социалистической Конституции, которая была принята в 1954 г. на первом пленарном заседании Первого Всекитайского собрания народных представителей.

Вторая Конституция, принятая в 1975 г., по мнению Сяобо Донга и Яфан Чжана, была несовершенной и содержала много ошибок. Третья Конституция 1978 г. была частично пересмотрена в 1979 г. и 1980 г., но в целом она все еще не полностью соответствовала потребностям времени. 4 декабря 1982 г. пятая сессия пятого Всекитайского Собрания Народных Представителей приняла четвертую Конституцию КНР. Это – действующая Конститу-

ция КНР. За прошедшее время в Конституцию 1982 г. было внесено несколько поправок [2, р. 107].

Опираясь на положения Конституции КНР 1982 г., авторы характеризуют государственную систему Китая, политический режим, систему органов государственной власти, основные права и обязанности граждан.

Цзинвэнь Чжу в своем исследовании [1] сосредоточил внимание на процессе развития социалистической правовой системы Китая, специфике классификации отраслей права. Отмечается, что система нормативных правовых актов (система законодательства) не равна системе права, а является ее внешним проявлением. Отдельный нормативный правовой акт часто содержит правовые положения, относящиеся к разным отраслям права. Вместе с тем отдельные части одной нормы права могут размещаться в различных нормативных правовых актах. Исходя из этого, в системе права Китая выделяются такие отрасли права, как конституционное, гражданское и коммерческое право, административное, экономическое, социальное, уголовное и процессуальное право и др. [1, р. 9].

Гражданское и коммерческое право охватывает все правовые нормы, регулирующие гражданскую и коммерческую деятельность, а также различные отношения между физическими и юридическими лицами и другими организациями с равным статусом [Ibid., р. 9–10].

Административное право включает правовые нормы, регулирующие административно-управленческую деятельность. Административное право регламентирует отношения, возникающие в связи с административно-управленческой деятельностью, между административными органами и гражданами, юридическими лицами и другими организациями. Поскольку административные органы и административные контрагенты не имеют равного статуса, административные акты принимаются административными органами в одностороннем порядке в соответствии с законом и не требуют равноправных консультаций между двумя сторонами [Ibid., р. 10].

Экономическое право регулирует правовые отношения, возникающие между государством и субъектами рыночной экономической деятельности. Экономические функции государства –

управление и регулирование экономической деятельности, – осуществляются исходя из государственных и общественных интересов. С точки зрения государственного управления экономикой, экономическое законодательство в Китае можно разделить на две части: законы о комплексном функциональном управлении и законы об отраслевом управлении. Законы о функциональном управлении направлены на различные сферы макроконтроля, как то: бюджетное, аудиторское, статистическое, ценовое, антимонопольное, банковское, налоговое законодательство, законодательство о борьбе с отмыванием денег, о качестве продукции, об измерениях, стандартизации и бухгалтерском учете.

Законы об отраслевом управлении включают в себя законы, касающиеся различных отраслей производства, таких как сельское хозяйство, лесоводство, животноводство, промышленность, транспорт, торговля, внешняя торговля и почтовые услуги [1, p. 10].

Предметом отрасли социального права являются трудовые отношения, социальное обеспечение, а также защита прав и интересов особых групп населения. Отрасль социального права в Китае состоит из трех подотраслей: право трудового обеспечения (labor security law), право социального обеспечения (social security law) и право социального благополучия и благотворительности (social welfare and charity law). Право трудового обеспечения образуют трудовое законодательство, законы о трудовых договорах, о профсоюзах, о содействии занятости, о профилактике профессиональных заболеваний и борьбе с ними, о безопасности производства и т.д. Право социального обеспечения включает закон о социальном страховании и законодательство о защите прав и интересов особых групп, таких как законы о защите инвалидов, защите несовершеннолетних, защите прав и интересов пожилых людей, женщин и т.д. Право социального благополучия и благотворительности в основе своей имеет законы о пожертвованиях на общественные нужды, о Красном Кресте и о социальной помощи и т.д. [Ibid., p. 11]

Уголовное право включает все правовые нормы, определяющие преступления, уголовную ответственность и уголовные наказания. Эта отрасль права имеет две отличительные особенности по сравнению с другими отраслями права. Первая заключается в том, что оно регулирует наиболее обширный круг общественных отно-

шений. Независимо от сферы общественных отношений, деяние будет регулироваться уголовным законодательством, если оно признается преступлением. Вторая особенность – императивная природа отрасли. Уголовное законодательство реализует свой императивный характер посредством уголовных санкций, ограничения личной свободы и даже лишения жизни. В широком смысле отрасль уголовного права включает в себя, кроме того, исправительное и профилактическое законодательство [1, p. 11].

Процессуальное право – совокупность правовых норм, регулирующих судебную и внесудебную деятельность по разрешению споров. Отрасль процессуального права в Китае состоит из двух подотраслей: процессуальное право, связанное с судебными разбирательствами, и конституционное процессуальное право, не связанное с судебными разбирательствами. Процессуальное право, связанное с судебными разбирательствами, включает уголовно-процессуальное законодательство, гражданско-процессуальное законодательство и административно-процессуальное законодательство. Конституционное процессуальное право регулирует вопросы соблюдения конституционности нормативных правовых актов, деятельности органов государственной власти и должностных лиц в стране, полномочия Конгресса народных представителей. Процессуальное право, не связанное с судебными разбирательствами, включает закон об арбитраже и закон о медиации [Ibid., p. 11].

Процессуальное право – совокупность правовых норм, регулирующих судебную и внесудебную деятельность по разрешению споров. Отрасль процессуального права в Китае состоит из двух подотраслей: процессуальное право, связанное с судебными разбирательствами, и процессуальное право, не связанное с судебными разбирательствами. Процессуальное право, связанное с судебными разбирательствами, охватывает уголовно-процессуальное законодательство, гражданско-процессуальное законодательство и административно-процессуальное законодательство. Конституционное процессуальное законодательство регулирует вопросы соблюдения конституционности нормативных правовых актов, деятельности органов государственной власти и должностных лиц в стране, полномочия Конгресса народных представителей. Процессуальное право и законодательство, не связанное с судебными раз-

бирательствами, включает закон об арбитраже и закон о медиации [1, р. 11].

Право об окружающей среде и ресурсах – общее название для всех правовых норм, касающихся охраны, управления и рационального освоения природных ресурсов, охраны окружающей среды, предотвращения загрязнения и других опасностей для общества, а также поддержания экологического баланса. В Китае отрасль права об окружающей среде и ресурсах состоит из двух подотраслей: право о предотвращении загрязнения окружающей среды и борьбы с ним и право о ресурсах. Законодательство о предотвращении загрязнения окружающей среды и борьбе с ним предусматривает предотвращение загрязнения окружающей среды и борьбу с ним в различных аспектах, таких как шумовое загрязнение, загрязнение воздуха, загрязнение воды, радиоактивное загрязнение и загрязнение твердыми отходами, а также предотвращение опустынивания и борьбу с ним, содействие более чистому производству, метеорология и охрана дикой природы и др. Законодательство о ресурсах предусматривает охрану лесов, лугопастбищных угодий, земельных участков, шахт, энергетических, водных и других ресурсов. В прошлом право об окружающей среде и ресурсах входило в сферу экономического и административного права. В настоящее время, независимо от того, рассматривается ли оно с точки зрения внутренних потребностей или международной обстановки, настало время для того, чтобы право об окружающей среде и ресурсах сформировало отдельную отрасль права в КНР [Ibid., р. 11–12].

Как указывает Цзинвэнь Чжу, в академических кругах Китая все еще ведется много споров о том, как следует проводить отраслевое деление системы права КНР. На этот счет у разных людей разные взгляды. Например, учитывая особенности законодательства о браке или наследовании возникает вопрос: могут ли они быть отделены от отрасли гражданского и коммерческого права, чтобы сформировалась отрасль семейного права. Принимая во внимание то, что финансовое, налоговое и банковское законодательство имеют свои собственные независимые объекты регулирования, могут ли они быть отделены от отрасли экономического права и сформировать отрасль финансового права? Дискуссия все еще ведется, и, как пишет автор, до тех пор, пока будет проводить-

ся политика, позволяющая «цвести сотне цветов» и бороться сотне научных школ, вопросы правового развития Китая со временем получат решения на основании консенсуса [1, р. 12].

Заключение

Правовая система КНР в последние десятилетия активно развивается. Роль права в обществе растет, однако сохраняются такие детерминанты правового регулирования общественных отношений, как: 1) лидирующая роль КПК в государственно-правовом развитии страны; 2) сохранение китайских традиций, насчитывающих многотысячелетнюю историю.

Действующая Конституция 1982 г. не только отражает основы государственного строя, систему органов государственной власти и управления, гарантирует основные права человека, но и устанавливает достаточно широкий круг обязанностей граждан. Система права, в соответствии с доктриной, а также на основании Закона КНР о законодательстве 2000 г. развивается в семи отраслях: гражданское право, коммерческое право, экономическое право, социальное право, уголовное право, судебный процесс, несудебная процедура. Однако среди китайских ученых-правоведов ведутся дискуссии о целесообразности выделения в качестве самостоятельных отраслей семейного права и финансового права.

Современное правовое развитие КНР идет высокими темпами, особенное внимание уделяется принципу социалистического верховенства права с китайской спецификой, расширение вовлеченности КНР в международную жизнь при сохранении своих традиций, культуры, а также роли КПК в государственно-правовом строительстве.

Список литературы

1. China's Legal System: An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions / ed. Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng, Hui Feng, Xinyan Liu, Xiaolong Peng. – Singapore: Springer, 2023. – 306 p.
2. Xiaobo Dong, Yafang Zhang. On Contemporary Chinese Legal System. – Singapore: Springer, 2023. – 356 p.
3. Jia Hu. The Role of Law in China's Economic Development, 1978–2011: A Study in Law and Political Economy. – Singapore: Springer, 2024. – 226 p.

4. Staiano M.F. Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.
5. Wenjia Yan. Party-Legislation of Legislating-Party in the Chinese Socialist Rule of Law: The Role of the CCP in the Party-State Legislation Revisited // German Law Journal. – 2024. – 07 November. – P. 1–22. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/partylegislation-of-legislatingparty-in-the-chinese-socialist-rule-of-law-the-role-of-the-ccp-in-the-partystate-legislation-revisited/7CB28B2683B13B811F45164313468546> (дата обращения: 11.11.2024).

БАЗИНА О.О.¹ КОНСТИТУЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 1982 г.: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРИНЯТИЯ И ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВOK (Статья)

Аннотация. С 1949 г. в Китайской Народной Республике действовали четыре Конституции: 1954, 1975, 1978 и 1982 гг.; документом, ставшим предшественником основного закона страны являлась «Общая программа Народного консультативного совета Китая» 1949 г. История Конституции Китая представляет огромный интерес и демонстрирует насколько бережно члены Комиссии по пересмотру Конституции отнеслись к значению текста основного закона и как им было важно показать преемственность, благодарность поколений и положений, закрепленных, пусть в не столь длительных актах, как Конституция КНР 1975 и 1978 гг., но в фундаментальных положениях для построения системы «правления на основе закона». Кроме того, следует обратить внимание на то, что текст Конституции КНР дорабатывается и совершенствуется с учетом современных тенденций как в экономике, так и политике, что легко проследить по тексту внесенных поправок.

Ключевые слова: Конституция; Китайская Народная Республика; поправки к Конституции Китая; Комиссия по пересмотру Конституции Китая; Всекитайское собрание народных представителей.

¹ © *Базина Ольга Олеговна*, доцент кафедры конституционного права международно-правового факультета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

BAZINA O.O. The constitution of the people's republic of China 1982: history of creation, adoption and amendments (Article)

Abstract. Since 1949, four Constitutions have been in force in the People's Republic of China: 1954, 1975, 1978 and 1982. The document that became the predecessor of the country's basic law was the “General Program of the Chinese People's Consultative Conference” of 1949. The history of the Constitution is of great interest and demonstrates how carefully the members of the Constitutional Revision Commission treated the meaning of the text of the basic law and how important it was for them to show the continuity, gratitude of generations and provisions enshrined, albeit in not such lengthy acts as the Constitution of the PRC of 1975 and 1978, but fundamental provisions for building a system of “government by law”. In addition, it should be noted that the text of the Constitution of the PRC is being revised and improved taking into account modern trends in both the economy and politics, which can be easily traced in the text of the amendments.

Keywords: Constitution; People's Republic of China; Constitutional Amendments People's Republic of China; Constitutional Revision Commission; 5 th the National People's Congress.

Для цитирования: Базина О.О. Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.: история создания, принятия и внесения поправок (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 57–70. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.04

Введение

4 декабря 1982 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 5-го созыва была утверждена Конституция КНР. Конституция КНР 1982 г. является основным законом страны, представляет собой образец конституции социалистической модели.

Процесс разработки и принятия Конституция КНР прошел длительное, всестороннее общенациональное обсуждение. Как описывает подготовительный этап к принятию Конституции 1982 г. Л.М. Гудошников, «принятая в 1978 г. третья Конституция КНР законодательно оформила политическую линию, сформули-

**Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.:
история создания, принятия и внесения поправок**

роvanную в августе 1977 г. XI съездом КПК на основе политического компромисса. Конституция не могла стать в силу этого стабильным законом и была подвергнута изменениям уже на 2-й и 3-й сессиях ВСНП 5-го созыва (1979 и 1980). Эта же сессия приняла решение о пересмотре Конституции 1978 г. и образовала для этой цели Комиссию по пересмотру Конституции во главе с председателем ПК ВСНП Е Цзяньином...»¹.

Конституционное развитие Нового Китая. После образования Нового Китая (1 октября 1949 г.) были разработаны и приняты четыре конституции.

Первая *Конституция 1954 г.* (принята и обнародована на 1-й сессии 1-го ВСНП 20 сентября 1954 г.) стала прогрессивным документом, позволившим сформировать новую систему госорганов. Конституция провозгласила равенство граждан перед законом, гарантировались их социально-экономические, политические права². Однако действие ее было ограничено началом «культурной революции».

Вторая *Конституция 1975 г.* (принята и обнародована на 1-й сессии 4-го созыва ВСНП 17 января 1975 г.) закрепила итоги «культурной революции». Она содержала ряд положений и институтов, образованных в результате «культурной революции»; значительно сокращенный в объеме текст состоял лишь из 60 статей.

Третью *Конституцию 1978 г.* (принята и обнародована на 1-й сессией 5-го созыва ВСНП 5 марта 1978 г.) очень емко характеризует Л.М. Гудошников: «Конституция зафиксировала ослабление левацкой группировки после смерти Мао Цзэдуна и отстранение ее лидеров от руководства страной. В то же время она была компромиссным документом, содержащим ряд противоречивых моментов: с одной стороны, в ней закреплялся набор политических

¹ См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века / М.В. Александрова, Л.А. Афонина, Е.С. Баженова, Е.В. Бирюлин, Н.Е. Боровская, В.Ф. Бородич, О.Н. Борох, А.В. Виноградов, А.Д. Воскресенский, Ю.М. Галенович, С.А. Горбунова, Л.М. Гудошников, Н.Ю. Демидо, Е.А. Завидовская, Т.В. Лазарева, П.Б. Каменнов, С.А. Канчуков, В.М. Майоров, Н.И. Мельникова, М.А. Неглинская [и др.]. – Москва, 2016. – С. 297–301.

² См.: Государственный строй Китайской Народной Республики / отв. ред. Л.М. Гудошников; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. – Москва: Наука, 1988. – 230 с.

установок прежних лет, с другой – она в некоторой мере учитывала потребности дальнейшего развития страны»¹.

Следует обратить внимание, что исторически впервые в текст Конституции КНР были внесены поправки в 1979 г. «Постановление о внесении поправок в Конституцию 1979 года» – это первый случай, когда процедура внесения поправок была применена ВСНП.

5-й созыв ВСНП КНР является особенным в конституционной истории Нового Китая, поскольку его 1-я и 5-я сессии, соответственно, приняли две конституции – Конституцию КНР 1978 г. и Конституцию КНР 1982 г. Вторая сессия 5-го созыва ВСНП проходила в Пекине с 18 июня по 1 июля 1979 г. В последний день сессии было принято «Постановление о внесении поправок в Конституцию 1979 года». Помимо Постановления о поправках, были приняты еще семь законов: Уголовный закон КНР, Закон КНР об уголовном процессе (Уголовно-процессуальный кодекс), Закон КНР о местных собраниях народных представителей и местных народных правительственных организациях всех уровней, Закон КНР о выборах во Всекитайское собрание народных представителей, Закон КНР об организации народных судов, Закон КНР об организации народной прокуратуры и Закон КНР о совместных китайско-иностраннх акционерных предприятиях². Основываясь на содержании названных законов, их можно разделить на три группы: в сфере уголовного права; иностранные инвестиции и касающиеся организации органов публичной власти: процесс формирования ВСНП, местных собраний народных представителей, судебной системы и системы народной прокуратуры.

Закон о совместных китайско-иностраннх предприятиях представляет собой отдельную группу; главная цель принятия данного Закона – «продемонстрировать миру намерение и реши-

¹ Там же. – С. 66–70.

² В 2019 г. ВСНП был принят Закон КНР об иностранных инвестициях (на кит.).

Закон КНР о совместных китайско-иностраннх акционерных предприятиях 1979 г. утратил силу в связи со вступлением в действие нового Закона.

Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.: история создания, принятия и внесения поправок

мость страны открыться внешнему миру»¹. Причины, по которым были приняты оставшиеся четыре закона, заключаются в том, что необходимо срочно «восстановить государственные институты для осуществления своих основных конституционных полномочий», прежде всего с целью исправить последствия «культурной революции».

Важное значение играют четыре закона, связанных с деятельностью госорганов, они являются «производными» для конституционной поправки 1979 г. В Законе КНР о местных собраниях народных представителей закреплено:

- создание постоянных комитетов собраний народных представителей (СНП) на уровне уезда или выше;
- упразднение местных революционных комитетов;
- в полномочия провинциальных СНП и его Постоянного комитета включены законодательные полномочия.

Основные изменения, внесенные в Закон КНР о выборах в ВСНП, касались выдвижения кандидатов, альтернативных выборов, расширения прямых выборов на уровень округа и обеспечения связи между депутатами ВСНП и народом.

Исходя их «производных» оснований в Конституцию КНР 1978 г. были внесены следующие поправки, предусматривающие:

- создание постоянных комитетов собраний народных представителей на уровне уездов и выше;
- преобразование местных революционных комитетов в местные органы власти;
- прямые выборы;
- отношения между вышестоящими и подчиненными прокуратурами было изменено с контроля на руководство. Если быть более точными, то «Постановление о внесении поправок в Конституцию 1979 года» содержит восемь статей, и изменения в основном касаются разделов три, четыре и пять гл. 2 «Государственные учреждения» Конституции 1978 г.

¹ См.: Цзо Илу. «Первая поправка» к Конституции Китая – историческая справка и конституционная функция Резолюции о поправках к Конституции 1979 года (Юрист № 5. 2023), «Тема обсуждения: построение независимой системы юридических знаний Китая (2)». (на кит.). – URL: <https://www.163.com/dy/article/IQA488OI015455BAL.html> (дата обращения: 20.10.2024).

Уже 10 сентября 1980 г. 3-я сессия 5-го созыва ВСНП приняла «Постановление о внесении поправок в статью 45 Конституции КНР 1978 г.» об отмене ряда положений статьи 45 о том, что граждане «должны иметь возможности широкого и полного изложения взглядов, широкой дискуссии».

Объем этих двух поправок к Конституции КНР 1978 г. был относительно небольшим, и для каждой поправки к Конституции не было создано Комитета по пересмотру Конституции, поправки были внесены на основе законопроекта Постоянного комитета ВСНП о поправках к Конституции, что стало для Китая нововведением – частичным пересмотром и внесением поправок в действующую Конституцию. Это послужило фундаментом для внесения поправок уже в новую конституцию в будущем.

Исходя из того, что Конституция 1978 г. не отражала современных тенденций развития было предложено всесторонне пересмотреть Основной закон государства. Фактически, в начале 1979 г., сразу после 3-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 10-го созыва, во главе с Дэн Сяопином, центральное правительство запланировало всеобъемлющий пересмотр Конституции.

30 августа 1980 г. ЦК Коммунистической партии Китая предложил Президиуму 3-й сессии ВСНП V созыва внесение поправок в Конституцию и создание Комиссии по пересмотру Конституции. 10 сентября 3-я сессия ВСНП V созыва приняла резолюцию о создании Комиссии по пересмотру Конституции 1978 г.

С момента создания Комиссии по пересмотру Конституции в сентябре 1980 г. до принятия пересмотренной¹ Конституции на 5-й

¹ Важным, тут, представляется обратить внимание на следующее. Как указывает Третьяков К.Н., китайские правоведы считают, что после образования КНР в стране действовала и действует одна Конституция 1954 г., другое дело, что она три раза (в 1975, 1978 и 1982 г.) подвергалась полному пересмотру. Согласно официальной доктрине, при полном пересмотре Конституции не происходит изменения ее основного смысла – иначе говоря, основной закон по-прежнему носит социалистический характер; в этом заключается отличие полного пересмотра от принятия новой Конституции – в последнем случае речь идет, очевидно, о создании нового закона несоциалистического характера. (См.: Третьяков К.Н. Конституционный обычай – источник государственного права Китайской Народной Республики // Право и управление. XXI век. – 2010. – № 2 (15). – С. 92–98).

**Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.:
история создания, принятия и внесения поправок**

сессии ВСНП 5-го созыва 4 декабря 1982 г. прошло *два года и три месяца*. Этот период условно можно разделить на три этапа:

первый этап – предложение пересмотренного проекта (сентябрь 1980 – февраль 1982 г.),

второй этап – общенациональное обсуждение (апрель–октябрь 1982 г.),

третий этап – рассмотрение и принятие Конституции КНР ВСНП (с конца ноября по начало декабря 1982 г.).

В рамках *первого этапа* Комиссией была проведена масштабная работа по анализу, подборке источников, на которые прежде всего будет ориентироваться Комиссия при разработке текста и структуры проекта Конституции. Так, были изучены множество иностранных конституций, тексты гоминьдановских конституций, Конституция КНР 1954 г. и Конституция КНР 1978 г.

На основе масштабных исследований было принято решение остановиться на следующей структуре Конституции:

– основные принципы;

– структура органов государственной власти;

– основные права и обязанности граждан. Так же в Комиссии остро встали следующие вопросы: нужна ли преамбула к Конституции; структура ВСНП однопалатная или двухпалатная («Местный юань» «地方院» и «Социальный юань» «社会院»); количество депутатов в ВСНП до 1000 (по 500 в каждой палате) и число членов Постоянного комитета ВСНП до 100 или даже меньше, чтобы облегчить обсуждение и принятие решений; пост Председателя КНР, следует ли его включать в структуру органов власти и ряд других вопросов.

В ходе неоднократных и длительных обсуждений было принято решение при разработке проекта новой Конституции основываться на тексте Конституции КНР 1954 г., что позволит избежать излишних обсуждений и всплывающих вопросов относительно структуры парламента, наличия преамбулы и др.

Заместитель председателя Комиссии по пересмотру Конституции – Пэн Чжэнь¹ указывал на огромное значение «Преамбулы»,

¹ Пэн Чжэнь (Péng Zhēn), китайский партийный и государственный деятель XX в. Входит в число так называемых «восьми бессмертных Коммунистической партии Китая». В феврале 1979 г. назначен исполняющим обязанности пред-

которая должна быть максимально тщательно продумана. Именно там должны быть записаны руководство партии и руководящая идеология; история и те эпохальные события, которые имели важнейшее значение для возникновения Нового Китая. В преамбуле необходимо отразить долгую историю Китая, особенно историю героической борьбы за национальную независимость и национальное единство в Новейшее время, Синхайскую революцию 1911 г. под руководством Сунь Ятсена, которая свергла двухтысячелетнюю монархию, возглавление Мао Цзэдуном коммунистического движения и основание Нового Китая.

18 февраля 1982 г. на заседании Политбюро ЦК КПК были приняты и утверждены принципиальные вопросы: основой для проекта нового Основного закона стала Конституция КНР 1954 г.; государственный институт Председателя был включен в структуру органов власти. Структура Конституции была представлена следующим образом: преамбула; основные положения; права и обязанности граждан¹; структура органов государственной власти.

Второй этап работы над проектом Конституции начинается с 9 марта 1982 г., когда Комиссия по пересмотру Конституции была разделена на три группы для проведения подробного обсуждения проекта, исходя из структуры текста.

Одним из интересных примеров обсуждения является положение «О Председателе КНР как командующем вооруженными силами». Согласно Конституции 1954 г., Председатель КНР является также председателем Комиссии национальной обороны. Но Комиссия национальной обороны является органом, обладающим номинальной властью, тогда как Центральная военная комиссия осуществляет реальную военную командную власть. Инициативой Комиссии стало предложение преобразовать Центральную военную комиссию партии в государственное учреждение, при этом Председатель страны будет одновременно выполнять функции председателя Центральной военной комиссии и осуществлять во-

седателя Комиссии по законодательной работе ПК ВСНП 5-го созыва, в июне – председателем комиссии. В сентябре 1980 г. на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва был утвержден заместителем председателя Комиссии по пересмотру Конституции.

¹ Важным в данной структуре является то, что правам граждан был отдан приоритет, по отношению к структуре органов государственной власти.

*Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.:
история создания, принятия и внесения поправок*

енную власть через Центральную военную комиссию КНР. Также Комиссия рассматривала вопросы, связанные с правами граждан: вероисповедание, право на забастовку и др.

С 12 по 20 апреля 1982 г. в Доме народных собраний состоялось 3-е пленарное заседание Комиссии по пересмотру Конституции, на котором было принято решение о передаче проекта Конституции на рассмотрение (22 апреля 1982 г.) 23-го заседания Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва для его обсуждения, опубликования и передаче народу страны для обсуждения. ПК ВСНП принял «Резолюцию об обнародовании проекта поправок к Конституции Китайской Народной Республики». В Резолюции говорилось: 23-я сессия Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва согласилась с рекомендациями Комиссии по пересмотру Конституции и решила опубликовать «Проект пересмотра Конституции Китайской Народной Республики» и представить его народу Китая.

С мая по август 1982 г. было организовано всенародное обсуждение проекта поправок к Конституции. По итогам всенародного обсуждения проекта поправок к Конституции секретариат Комиссии по пересмотру Конституции объединил мнения народного обсуждения в пять томов и разослал их каждому члену Комиссии по пересмотру Конституции для справки при обсуждении пересмотра.

Среди пяти томов заключений по конституционным поправкам наиболее многочисленные вопросы были посвящены обеспечению исполнения Конституции. Большинство мнений считало необходимым создание отдельной главы Конституции с четкими положениями о контроле за соблюдением конституции и борьбе с ее нарушениями, а также о создании специализированных учреждений, таких как «Конституционный комитет» и «Конституционный суд». Это предложение было выдвинуто представителями 23 провинций.

В процессе внесения поправок в проект Конституции были рассмотрены три варианта создания органа конституционного контроля:

- 1) создать Конституционный комитет непосредственно под руководством ВСНП;
- 2) создать Конституционный комитет под руководством ВСНП и его Постоянного комитета;

3) создать Конституционный комитет, аналогичный ВСНП, состоящий из высокопрофессиональных специалистов, аналогичный Французскому конституционному совету¹.

14 октября 1982 г. Секретариат ЦК КПК провел заседание по обсуждению доработанного проекта 9 октября.

Третий этап – 25 ноября 1982 г. в Доме народных собраний открылась 5-я сессия 5-го созыва ВСНП. Пэн Чжэнь, заместитель председателя Комиссии по пересмотру Конституции, получил от председателя Е Цзяньина поручение представить ВСНП «Отчет о проекте пересмотра Конституции Китайской Народной Республики» от имени Комиссии по пересмотру Конституции. 4 декабря 1982 г. на пленарном заседании тайным голосованием по проекту поправки к Конституции проголосовали присутствующие депутаты.

На закрытии 11-й сессии Постоянного комитета ВСНП было принято решение учредить день Конституции КНР – который отмечается 4 декабря. Празднования проходят ежегодно, прежде всего в целях повышения конституционной осведомленности всего общества, продвижения духа Конституции, усиления ее реализации и всестороннего содействия верховенству закона.

Конституция КНР 1982 г. подвергалась изменениям пять раз, за 42 года ее действия было внесено 52 поправки, что характеризует Конституцию, как документ стабильный, актуальный и соответствующий современным вызовам.

Поправки к Конституции касаются не только изменения государственного или политического строя, они выражаются в достижении экономических реформ, создании конституционных основ динамично развивающихся отношений собственности, реформирования государственного аппарата. Руководствуясь хронологическим принципом при внесении поправок в действующую Конституцию КНР можно выделить пять этапов: первый – 1988 г., второй – 1993, третий – 1999, четвертый – 2004 и пятый – 2018 г.

Первая группа поправок к Конституции была принята на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва в 1988 г., состояла из двух статей, со-

¹ См.: «В те дни, когда Пэн Чжэнь руководил Комиссией по пересмотру Конституции 1982 г. Команда авторов «Биографии Пэн Чжэня» (на кит.). – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/bmzz/llyjh/2016-06/03/content_1990992.htm (дата обращения: 20.10.2024).

*Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.:
история создания, принятия и внесения поправок*

гласно которым поправки вносились в ст. 10 и п. 4 ст. 11: государством вводится частный сектор в экономику; ст. 11 установлен запрет любым организациям или отдельным лицам на присвоение, куплю-продажу или незаконную передачу земли.

Вторая группа поправок к Конституции принята на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва в марте 1993 г. Поправки коснулись преамбулы к Конституции КНР и статей 7, 8, 15–17, 42, 98. В преамбулу (абзац 7) была включена формулировка – «Китай находится на начальной стадии социализма». Теперь он именуется как социализм с «китайской спецификой», который строится на основе государственной политики «реформ и открытости». В 10-м абзаце было зафиксировано: «система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК будет долго существовать и развиваться». Был увеличен срок полномочий собраний народных представителей уездов, городов и городских районов с трех до пяти лет (ст. 98).

Рассматриваемый пакет поправок коснулся экономической сферы: КПК отказалась от всеобъемлющего планирования. В ст. 15 Конституции вводится понятие «система социалистической рыночной экономики». В текст введен новый формат кооперации – «семейный подряд» и др.¹

Третья группа поправок была принята 15 марта 1999 г. на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва. Данный этап реформирования Конституции был связан с реализацией решений 15-го съезда КПК (сентябрь 1997 г.). На этом съезде теория Дэн Сяопина была утверждена в качестве одной из руководящих для КПК концепций, была выработана «Основная программа партии на начальной стадии социализма». Как часть государственной идеологии теория Дэн Сяопина была включена в текст преамбулы Конституции КНР. Теперь в тексте говорилось так: «Наша страна будет долго находиться на начальном этапе социализма».

Статья 5 была дополнена формулировкой о создании социалистического правового государства: «Китайская Народная Рес-

¹ См.: Поправка к Конституции Китайской Народной Республики (1993 г.) (на кит.) – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/pc/XWZX_1/5/200701/t20070131_1348.htm (дата обращения: 20.10.2024).

публика управляет государством на основе закона и стремится к построению социалистического правового государства».

Большая часть поправок данной группы, как говорилось выше, коснулась экономической сферы. Важное место было отведено общественной собственности и совместному развитию различных форм собственности и системе распределения, при которой доминирующее положение достается распределению по труду и т.д.¹

Четвертая группа поправок была внесена на 2-й сессии 10-го созыва ВСНП 14 марта 2004 г. и стала наиболее детальной по сравнению с предыдущим пакетом. Поправки были внесены в преамбулу: в части развития идеологии она была дополнена «теорией “трех представительств”»; положением о развитии и укреплении позиции Единого фронта. В текст Конституции были включены понятия «экспроприация» и «реквизиция». Государство, согласно поправкам, защищает частную собственность. Статья 14 была дополнена частью 4, в которой говорится, что «Государство создает и оздоравливает институты социального обеспечения, соответствующие уровню экономического развития». Учитывая то, что Китай отдавал приоритет стремительному развитию, социальным вопросам уделялось меньше внимания, настоящей поправкой был совершен прорыв в сфере социального обеспечения.

Был уточнен срок полномочий местных собраний народных представителей – пять лет. Наибольшее внимание следует уделить поправке ст. 33, куда была включена часть 3: «Государство уважает и гарантирует права человека». Китай не поддерживает концепцию естественных прав человека, что для социалистического государства вполне приемлемо. Однако вопросу защиты прав человека Китай относится крайне уважительно.

В гл. 4 Конституции КНР ст. 136 была дополнена информацией о гимне КНР – «Государственным гимном Китайской Народной Республики является Марш добровольцев»².

¹ См.: Поправка к Конституции Китайской Народной Республики (1999 г.) (на кит.). – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/pc/XWZX_1/5/200701/t20070131_1349.htm (дата обращения: 20.10.2024).

² См.: Поправка к Конституции Китайской Народной Республики (2004 г.) (на кит.). – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/pc/XWZX_1/5/200701/t20070131_1350.htm (дата обращения: 20.10.2024).

**Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.:
история создания, принятия и внесения поправок**

Пятая серия поправок к Конституции КНР¹ была утверждена 11 марта 2018 г. на 1-м съезде 13-го созыва ВСНП. Данная серия поправок, по сравнению с предыдущими четырьмя поправками, очень детальная. Ключевыми, для политической системы, стали закрепление принципа партийного руководства в ст. 1 Конституции КНР, теории Си Цзиньпина и его имени в тексте преамбулы; для государственных органов – введение нового органа Государственного контрольного комитета, отмена ограничений на количество сроков пребывания на должности Председателя КНР, теперь срок нахождения на должности приравнен к сроку полномочий ВСНП; принесения присяги при вступлении в должность. Статья 27 Конституции была дополнена частью 3: «...Все государственные служащие при вступлении в должность обязаны в соответствии с положениями законов публично приносить присягу на Конституции».

Преимущественно все остальные статьи связаны с учреждением нового органа государственной власти – Государственный контрольный комитет: ст. 62 «Полномочия Всекитайского собрания народных представителей», предусматривающая в п. 7 назначение на должность руководителя Государственного контрольного комитета; ст. 63 «Всекитайское собрание народных представителей имеет право отстранять от должности следующих лиц»: п. 4 – руководителя Государственного контрольного комитета и др. Речь идет о создании «централизованного, авторитетного и высокоэффективного» органа по борьбе с коррупцией, в ведении которого сосредоточились бы функции контроля над государственными и партийными служащими. Ранее эти функции выполняли несколько

¹ См.: Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии V созыва ВСНП 4 декабря 1982 г.). «Поправки к Конституции Китайской Народной Республики», от 12.04.1988 г. приняты на 1-й сессии VII созыва ВСНП, «Поправки к Конституции Китайской Народной Республики», от 29.03.1993 г. приняты на 1-й сессии VIII созыва ВСНП, «Поправки к Конституции Китайской Народной Республики», от 15.03.1999 г. приняты на 2-й сессии IX созыва ВСНП, «Поправки к Конституции Народной Республики Китайская Республика», от 14.03.2004 г. приняты на 2-й сессии X созыва ВСНП, «Поправки к Конституции Китайской Народной Республики», приняты на заседании, и «Поправки к Конституции Китайской Народной Республики» 11.03.2018 г. принятые на 1-й сессии XIII-го созыва ВСНП (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 20.10.2024).

государственных и партийных органов, среди них – Министерство контроля КНР и Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины.

Заключение

Действующая Конституция КНР 1982 г. в актуальной редакции жизнеспособна и обеспечивает поступательное развитие страны по пути социалистического государства демократической диктатуры народа, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян. Произошедшее за последние годы комплексное развитие всех отраслей права на базе Конституции обеспечивает хорошие условия для упрочения режима верховенства права и построения социалистического государства в новую эру.

САМОВИЧ Ю.В.¹ ЗАКОН О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ (Статья)

Аннотация. В статье анализируется Закон Китайской Народной Республики о международных отношениях в свете критики западных стран, обвиняющих Китай в нарушении основных принципов международного права. Негативные отклики связывают принятие Закона, практически исключительно, с обострением взаимоотношений США и Китая, в частности, как ответ на односторонние ограничительные меры со стороны Вашингтона. Оценивая Закон с позиции самого Китая, как правовую основу внешней политики КНР и продолжение политики Си Цзиньпина, направленной на укрепление верховенства права внутри страны и развития концепции «дискурсивной силы» вовне, а также с точки зрения правовых позиций негативных откликов, автор приходит к выводу, что большинство из них основано на устоявшейся политике «двойных стандартов», а не на анализе правовых норм.

Ключевые слова: Китай; внешняя политика; Закон о международных отношениях; международное право; национальное право.

SAMOVICH Yu.V. The Law on International Relations and china's foreign policy (Article)

Abstract. The article analyzes the law of the People's Republic of China on international relations in the light of criticism from western

¹ © Самович Юлия Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры международного права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

countries accusing China of violating the basic principles of international law. Negative responses associate the adoption of the law, almost exclusively, with the aggravation of relations between the United States and China, in particular, as a response to unilateral restrictive measures by Washington. Assessing the law both from the perspective of China itself – as the legal basis of China's foreign policy and the continuation of Xi Jinping's policy aimed at strengthening the rule of law inside the country and developing the concept of “discursive force” outside; and from the point of view of the legal positions of negative responses, the author concludes that most of them are based on established policies “double standards” rather than an analysis of legal norms.

Keywords: China; foreign policy; international relations; law; international law; national law.

Для цитирования: Самович Ю.В. Закон о международных отношениях и внешняя политика Китая (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 71–84. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.05

Введение

Способность Китая удивлять и завоевывать (в мирном смысле этого слова) мир – уже не новость; события любого уровня, происходящие в Поднебесной, подвергаются пристальному вниманию остального мира. По мере роста собственных экономических возможностей, Китай становится все более решительным на геополитическом пространстве. Действительно, политика «не высовывайся»¹, характерная для Дэн Сяопина, «канула в Лету», сейчас мы видим напористую и уверенную линию Си Цзиньпина, направленную на реализацию «Великого Возрождения китайской нации», стремление к достижениям и реформирование международной системы.

¹ Ian Seow Cheng Wei. Analysing Chinese Foreign Policy // E-International Relations. – 2023. – Jan. 26. – URL: <https://www.e-ir.info/2023/01/26/analysing-chinese-foreign-policy/> (дата обращения: 03.11.2024).

Закон КНР о международных отношениях 2023 г., как отметили внутрикитайские СМИ, является «дипломатическим ответом Китая на меняющийся глобальный ландшафт и новые вызовы» и «внутренней необходимостью для укрепления верховенства закона в Китае и координации внутренних и международных правовых вопросов»¹.

В целом аналитики сходятся во мнениях о том, что основной причиной принятия данного Закона являются экономические и технологические войны, которые ведут между собой КНР и США, включая многочисленные санкции с обеих сторон: усиление односторонних принудительных мер заставило Китай не только предпринять ответные меры, но и начать создавать механизмы защиты и блокирования в праве чужих экстерриториальных мер. Можно сказать, что политика США привела в итоге к противоположным результатам – вместо идеологической трансформации Китая, последний активно укрепляет свою правовую систему, чтобы усилить принцип «верховенство закона» в обществе. Пекин по-прежнему рассматривает этот вопрос как жизненно важную часть развития страны, в отличие от политики грубой силы и считает, что его внешней политике лучше всего способствует кодифицированное объединение всех государственных и юридических органов для решения проблемы, исходящей от США, которая может быть подорвана такими факторами, как разобщенность, коррупция или столкновение интересов².

Принятие Закона КНР о международных отношениях как отражение необходимости роста влияния страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире. Взлёт Китая из изолированного государства с ограниченными достижениями до регионального лидера, оказывающего всё возрастающее влияние на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, безусловно является одним из ключевых геополитических событий современности.

¹ China's New Foreign Relations Law: a Legal Milestone for Diplomacy // Shanghai Daily. – 2023. – 07.06. – URL:

² Fomenko T. What China's New Foreign Relations Law Means // RT.com. – 2023. – 04.07. – URL: <https://www.rt.com/news/579166-china-foreign-policy-law/> (дата обращения: 03.11.2024).

Рост материальных возможностей, а на сегодняшний день Китай, по данным МВФ от 15 февраля 2024 г.¹, – это вторая крупнейшая экономика и богатейшая страна в мире, будет означать укрепление влияния и позиций Китая не только в региональном, но и в мировом масштабе. По мнению профессора Сэмюэла Кима (Samuel S. Kim), старшего научного сотрудника Восточноазиатского института Уэзерхеда Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), – «Китайская концепция внешней политики ... превратилась в интегрированную модель систематизации международного управления, состоящую как из основных ценностей и норм, так и из операционного кодекса»².

Китай был исключен из процесса формирования ключевых международных институтов после Второй мировой войны из-за своей дипломатической изоляции, и это сказалось на его способности влиять на международные нормы и правила³. Более того, сам Китай до недавнего времени не уделял должного внимания соотношению международного и национального права⁴ в смысле потенциального инструментария для поддержки своей позиции на международной арене.

В настоящее время на фоне растущего благополучия и авторитета Китая в международных отношениях, рассуждения о необ-

¹ Unlocking the Global Economic Landscape: Ranking the Top 10 Countries in the World 2024. – URL: <https://www.globalbrandsmagazine.com/top-10-countries-in-the-world-2024/> (дата обращения: 03.11.2024).

² Цит. по: Yilmaz S. China's Foreign Policy and Critical Theory of International Relations // Journal of Chinese Political Science. – 2015. – Vol. 20, N 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/287195328_China%27s_Foreign_Policy_and_Critical_Theory_of_International_Relations?enrichId=rgreq-583b57aeadd32143fc6665c603a074d-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI4 NzE5 NTMyODtBUzo0 MDEzMjAx-MjIwNDQ0 MTZAMTQ3 MjY5 MzU4 MTM4 Mw%3 D%3 D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf (дата обращения: 03.11.2024).

³ Ian Seow Cheng Wei. Analysing Chinese Foreign Policy // E-International Relations. – 2023. – Jan 26. – URL: <https://www.e-ir.info/2023/01/26/analysing-chinese-foreign-policy/> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Congyan Cai. Chinese Foreign Relations Law // American Journal of International Law. – 2017. – Vol. 111. – P. 336–340. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/chinese-foreign-relations-law/78CD36153B17BEB33E1C07467348719C> (дата обращения: 03.11.2024).

ходимости многополярного мира, где каждый может выбирать свой путь и модель поведения, соответствующие международному праву, отвечают интересам большинства государств. Успехи и высказывание альтернативной позиции привели к односторонним ограничительным мерам со стороны США, европейских стран и их приверженцев, дополняемых активностью в вопросах, которые Китай считает внутренним делом. Попытка разрушить китайские телекоммуникационные гиганты Huawei и ZTE; введение ограничительных мер в связи с несогласием с политикой Китая в отношении Синьцзяна и Гонконга, судебные иски США против китайских инвестиций и т.п. – все это явно продемонстрировало намерения «противоположной стороны» и поспособствовало ускорению создания «правовой системы, применимой за пределами юрисдикции Китая» для противостояния юрисдикционному охвату Америки и координации продвижения внутреннего и международного управления¹.

Принятие Закона КНР о международных отношениях, кодифицировавшего существующие законы в сфере иностранных дел, а также установившего новые правовые нормы и рамки, продемонстрировало, во-первых, использование возможностей, предоставляемых доктринами взаимодействия международного и национального права, а, во-вторых, четкое следование собственным принципам в вопросах международного управления.

Закон о международных отношениях [对外关系法] КНР (далее – Закон) был принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (парламент КНР) 28 июня 2023 г. и вступил в силу 1 июля 2023 г. Это, разумеется, не первый законодательный акт, регламентирующий внешнеполитические вопросы, но первый базовый, на основе которого КНР будет вести внешние сношения с другими странами. В целом же из 297 действующих в Китае законов 52 относятся к сфере иностранных дел, а более 150 других содержат положения, касающиеся внешних связей, включая Закон о борьбе с иностранными санкциями и Закон об экспортном контроле 2020 г. В исследовании, опублико-

¹ Teshu Singh. Deciphering China's Law on Foreign Relations // Indian Council of World Affairs. – 2023. – 07 Aug. – URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9820&lid=6281 (дата обращения: 03.11.2024).

ванном в июне Франческой Гиретти, аналитиком Института китайских исследований Меркатора (MERICS) в Брюсселе, говорится, что использование Китаем односторонних санкций, таких как ограничения на импорт, визовые запреты и поездки, значительно возросло с 2018 г.¹

Закон о международных отношениях включает 45 статей, объединенных в шесть глав. Как рамочный документ, Закон подтверждает давние внешнеполитические позиции Китая и кодифицирует его внешнеполитическую практику, наряду с этим называя и новые приоритеты – Глобальную инициативу в области безопасности [全球安全倡议], Глобальную инициативу в области развития [全球发展倡议] и Глобальную инициативу в области цивилизации [全球文明倡议].

Как отмечено в ст. 1, Закон «разработан на основе Конституции с целью развития международных отношений, сохранения национального суверенитета, безопасности и интересов развития; обеспечения интересов народа, установления современной социалистической власти, осуществления великого возрождения китайского народа, содействия миру во всем мире, а также построению общего будущего для человечества»².

Статья 2 определяет, что Закон применяется к развитию дипломатических отношений между КНР и другими странами, сотрудничества с ними во всех областях, таких как экономика и культура, а также отношений с международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций.

Закон в ст. 3 и 4 определяет доктринальные и правовые основы китайского взгляда на международные отношения и подтверждает приверженность целям и принципам Устава ООН, сохранению мира и безопасности во всем мире, содействию

¹ Shi Jiangtao, Kandy Wong. China's Foreign Relations Law Signals New Red Lines, but doesn't Say What Crosses them // South China Morning Post. – 2023. – 10.07. – URL: <https://www.chinastategy.org/2023/07/09/chinas-foreign-relations-law-signals-new-red-lines-but-doesnt-say-what-crosses-them/> (дата обращения: 03.11.2024).

² Здесь и далее текст Закона цит. по: Foreign Relations Law. – 2023. – URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/foreign-relations-law/>; Портал законов Китая // CJO. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/the-law-on-foreign-relations-of-china-20230629> (дата обращения: 03.11.2024).

совместного глобального развития и формирования новой формы международных отношений. Китай выступает за мирное разрешение международных споров, против применения или угрозы военной силы на международном уровне, против гегемонизма и политики силы; поддерживает равенство всех наций, независимо от их размера, силы и богатства, и уважает путь развития и социальную систему, выбранные народом каждой нации.

Экспертная оценка Закона о международных отношениях: за и против. Что же так беспокоит прозападно настроенных аналитиков в Законе о международных отношениях, учитывая тот факт, что Bloomberg News с традиционным сарказмом заявили, что «Закон не предлагает никаких новых решений или инструментов для решения этих проблем. В нем просто говорится, что Китай имеет право принимать “контрмеры и ограничительные меры” против действий, которые ставят под угрозу суверенитет, безопасность и интересы развития страны и нарушают международные законы или “основные нормы международных отношений”»¹?

США беспокоит укрепление позиций именно в сфере национального китайского права. Как государство, предпочитающее руководствоваться доктриной инкорпорации, определяя взаимоотношения внутригосударственного и международного права, США понимают, что им будут отвечать «зеркально», чего раньше в отношениях с Китаем они не опасались.

Как отметил профессор факультета международного права Китайского университета политических наук и права в Пекине Хо Чжэнсинь (Huo Zhengxin): «Некоторые страны-гегемоны на Западе придерживаются одностороннего подхода и игры с нулевой суммой и часто используют национальные внутренние законы в качестве основы для введения односторонних санкций и юрисдикции “длинных рук” по отношению к внешнему миру»; «они использовали некоторые так называемые законные средства для оказания экстремального давления, возведения стен и барьеров и содействия разделению, что серьезно угрожало суверенитету и интере-

¹ China's New Law Extends Xi's Combative Foreign Policy Stance // Bloomberg News. – 2023. – 29.06. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-28/china-enacts-foreign-relations-law-targeting-western-hegemony> (дата обращения: 03.11.2024).

сам других стран и международному порядку и глобальному развитию»¹.

«Си Цзиньпин явно рассматривает обеспечение правопорядка как важное измерение международной “борьбы”, а национальное законодательство является неотъемлемой частью обеспечения правопорядка. Отсюда и принятие этого Закона», – говорит профессор Сиднейского университета (Сидней, Австралия) Бинг Линг (Bing Ling)². Стоит согласиться с ним в том, что Закон о международных отношениях – рамочный акт. Его цель не в описании наборов конкретных инструментов, а в формировании основы для «более конкретных, жестких мер в будущем».

Текст Закона о международных отношениях включает довольно много «проблемных вопросов» для оппонентов Китая, а поскольку обоснования его положений содержат выверенные ссылки на принципы международного права, то возражения вряд ли принесут пользу с позиции традиционного клеймения Китая как государства, не соблюдающего общее международное право.

Вторая глава Закона посвящена полномочиям различных партийных и правительственных органов, занимающихся иностранными делами, чье распределение также не устроило. Например, Центральная комиссия по иностранным делам отвечает за определение общего направления внешней политики Китая, в частности «принятие основных решений и координацию обсуждений по внешнеполитической деятельности, а также за исследование, разработку и руководство реализацией стратегий в области иностранных дел и связанных с ними основных директив и политики» (ст. 9 Закона), а Всекитайское собрание народных представителей одобряет и отменяет договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами, и осуществляет контроль за внешними отношениями в соответствии с Конститу-

¹ Цит по: Pao J. China ‘Foreign Relations Law’ to punish decoupling // Asia Times. – 2023. – 01.07. – URL: <https://asiatimes.com/2023/07/china-foreign-relations-law-to-punish-decoupling/> (дата обращения: 03.11.2024).

² Цит. по: Shi Jiangtao, Kandy Wong. China’s foreign relations law signals new red lines, but doesn’t say what crosses them // South China Morning Post. – 2023. – 10.07. – URL: <https://www.chinastategy.org/2023/07/09/chinas-foreign-relations-law-signals-new-red-lines-but-doesnt-say-what-crosses-them/> (дата обращения: 03.11.2024).

цией и законами (ст. 10). «Партия, а не правительство, управляет внешними отношениями Китая. Если раньше это было в основном неписанным “общим пониманием”, то теперь это закреплено в жестком законе», – считает Вэнь-Ти Сун (Wen-Ti Sung), политолог программы тайваньских исследований Австралийского национального университета¹.

«Краеугольный камень» нововведений – глава IV «Система международных отношений», в которой сосредоточены положения, предполагающие применение ответных контрмер или ограничительных мер в соответствии со ст. 33. В главе IV в значительной степени уточняется содержание действующего китайского законодательства и правовых приоритетов Китая в области внешней политики, в том числе продвижения «верховенства закона, связанного с внешней политикой», намерения Китайской Народной Республики «укреплять многосторонний и двусторонний диалог по вопросам верховенства закона и поощрять обмены и сотрудничество в области верховенства закона с зарубежными странами» (ст. 39), например в рамках инициативы «Один пояс и один путь».

Статья 33 регламентирует право Китайской Народной Республики «принимать в случае необходимости меры для противодействия или принятия ограничительных мер в отношении действий, которые угрожают ее суверенитету, национальной безопасности и интересам развития в нарушение международного права или основных норм, регулирующих международные отношения».

В соответствии со ст. 34 КНР устанавливает и развивает отношения со странами на основе принципа «одного Китая» и в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования (Концепция «Пяти принципов мирного сосуществования» включает принципы взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования).

По мнению доктора Тешу Сингха (Teshu Singh), научного сотрудника Индийского совета по международным делам (ICWA,

¹ McCarthy S. China Unveils Sweeping Foreign Policy Law as Xi Consolidates Power – and Aims to Counter the US // CNN World. – 2023. – 29.06. – URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/29/china/china-foreign-policy-law-xi-jinping-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 03.11.2024).

New Delhi), формулировка ст. 34 Закона откровенно заявляет о намерениях Китая лишить Тайвань независимости¹. Такая логика позволяет обвинить в агрессии и США, которые в своем внутригосударственном праве (например, Стратегии национальной безопасности 2022 г. (National Security Strategy) заявляют о намерениях «привлечь Пекин к ответственности за злоупотребления – геноцид и преступления против человечности в Синьцзяне, нарушении прав человека в Тибете и демонтаже Гонконгского моста» – и «уделять приоритетное внимание наращиванию боеспособных вооруженных сил, которые способны сдерживать агрессию против наших союзников и партнеров»².

Статья 35 Закона обязывает государство принимать меры для осуществления имеющих обязательную силу резолюций о санкциях и связанных с ними мерах, принятых Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН.

Основной триггер китайского Закона для аналитиков Запада – ст. 30 и ст. 31. Так, в соответствии со ст. 30 Закона о международных отношениях КНР заключает международные договоры и соглашения или присоединяется к ним в соответствии с Конституцией КНР и другими законами и добросовестно выполняет обязательства, предусмотренные такими договорами и соглашениями. Договоры и соглашения, которые государство заключает или к которым присоединяется, не должны противоречить Конституции страны, а ст. 31 обязывает государство принимать надлежащие меры для осуществления и применения договоров и соглашений, стороной которых оно является. «Реализация и применение договоров и соглашений не должны наносить ущерб суверенитету государства, национальной безопасности и общественным интересам».

Профессор Бинг Линг (Bing Ling) из Сиднейского университета высказал мнение, что положения, которые подчиняют между-

¹ Teshu Singh. Deciphering China's Law on Foreign Relations // Indian Council of World Affairs. – 2023. – 07.08. – URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9820&lid=6281 (дата обращения: 03.11.2024).

² Part III: Our Global Priorities. China // National Security Strategy. – 2022. – 12.10. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 03.11.2024).

народные договоры Конституции Китая, вызывают вопросы об их соответствии международному праву и международным договорам. «В Законе много говорится о соблюдении международного права, однако его ключевые положения о приверженности Китая международному праву оставляют желать лучшего»¹.

Его поддержал Кит Хэнд, эксперт по китайскому праву в юридическом колледже Гастингса Калифорнийского университета, добавив, что новый Закон может предоставить Пекину большую свободу действий для игнорирования международного права и международных договоров².

На наш взгляд, любое государство принимает на себя обязательства, исходя из ненарушения положений внутреннего права. Что же касается уже заключенных договоров, то весь вопрос состоит в толковании и практике их применения, и здесь, особенно при существующих условиях, крайне затруднительны поиски единых мнений.

В большей степени объективен Ван Цзяньюй, профессор юридического факультета Городского университета Гонконга, полагающий что, хотя экстерриториальная юрисдикция сама по себе очень распространена в международном сообществе, эффективность Закона во многом будет зависеть от его применения, которое еще слишком рано оценивать. «Китай мало что может сделать, но с точки зрения обеспечения легализации или более высокой степени законности, а также прозрачности, я думаю, закон может сделать хорошую работу»³.

По мнению Хуана Хуйкана, профессора Института международного права Уханьского университета, в Законе впервые излагаются цели, условия и политическая ориентация применения китайского законодательства во внешних отношениях, а также оговариваются принципы мер противодействия и ограничительных мер в отношении иностранных государств, отдельных лиц или организаций. Экстерриториальное применение национального законодательства является важной частью верховенства права в делах, связанных с внешней политикой, конкретным воплощением

¹ Цит. по: Shi Jiangtao, Kandy Wong. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

защитной и универсальной юрисдикции юрисдикции, признанной международным правом, а также дополнением к персональной юрисдикции и территориальной юрисдикции¹.

Директор канцелярии Комиссии по иностранным делам Центрального комитета Коммунистической партии Китая Ван И заявил, что новый Закон о международных отношениях Китая будет действовать как «средство сдерживания» санкций и срочно необходим для защиты национального суверенитета и безопасности. «[Мы должны] в полной мере использовать Закон о международных отношениях как правовой инструмент – посредством законодательных, правоприменительных, судебных и других средств – для ведения нашей борьбы в ответ на акты сдерживания, вмешательства, санкций и разрушения»².

Принятый в КНР Закон о международных отношениях действительно напоминает рамочный акт, который формализует внешнеполитическую практику Поднебесной, кодифицируя цели, приоритеты и руководящие принципы внешней политики. Китай взаимодействует с миром в условиях, по меткому выражению Си Цзиньпина, «турбулентности (беспрецедентного ситуации), невиданной уже сто лет»³, что и обуславливает координацию политики страны. В Законе прослеживается стремление государства продолжать свое присутствие в ООН и других многосторонних организациях и усиливать свое влияние на мировое управление. Последнее полностью соответствует концепции «дискурсивной силы», которая начала звучать в выступлениях Председателя КНР

¹ Qingqing Chen, Xiaojing Xing. China passes its First Foreign Relations Law in Key Step to Enrich Legal Toolbox Against Western Hegemony // Global Times. – 2023. – 28.06. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1293344.shtml> (дата обращения: 03.11.2024).

² Цит по: Wang Orange. «Sanctions deterrent»: China frames new Foreign Relations Law as Essential to National Sovereignty // SCMP. Com. – 2023. – 29.06. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3225935/sanctions-deterrent-china-frames-new-foreign-relations-law-essential-national-sovereignty> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Rust R. What China's Foreign Relations Law Tells Us About Its View of the International Community // The Equation. – 2023. – 11.09. – URL: <https://blog.ucsusa.org/robert-rust/what-chinas-foreign-relations-law-tells-us-about-its-view-of-the-international-community/> (дата обращения: 03.11.2024).

и официальных партийных и государственных документах примерно с 2015 г., наряду с «турбулентностью»¹.

В Отчётном докладе Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК, прошедшем в октябре 2022 г.², упоминается категория «дискурс» в контексте постановки целей укрепления уверенности в китайской культуре, наращивания мощи Китая в сфере культуры, а также термин «международная дискурсивная сила», – переведенный в докладе как «право голоса на международной арене». Вот как уточняют китайское толкование «дискурсивной силы» И. Денисов, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, и И. Зуенко, старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России, кандидат исторических наук: «В определенном смысле, тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет “право организовывать” мировой порядок, тот и обладает ключевой властью»³. Однако речь не о стремлении к абсолютной власти; основная цель внешней политики, которая и прослеживается достаточно недвусмысленно в Законе о международных отношениях – сбалансировать систему международных отношений и уберечь мир от хаоса. Не любой ценой, а на равноправных условиях многополярного мира, поскольку в настоящий момент некоторые страны пытаются ограничить развитие других.

Заключение

Закон Китая о международных отношениях с позиции национального права и защиты государства от вмешательства в вопросы его суверенитета «теперь укрепляет интересы и приоритеты Китая в непредсказуемом мире, подобно тому, как Великая китай-

¹ Лексютина Я.В., Ю Юаньцзе. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая Российско-китайские исследования. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 367–380. – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/115121914/2023_...pdf (дата обращения: 03.11.2024).

² Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vjujws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Там же.

ская стена когда-то защищала древние границы»¹. Китай осознает свой путь в международном сообществе и оговаривает, что международные обязательства по-прежнему имеют для Поднебесной силу и авторитет: «его компас указывает всем странам на общую судьбу, поскольку путь Китая зависит от общего течения, поднимающего все лодки. Таким образом, в эпоху глобальной взаимосвязанности главной целью Закона о международных отношениях по-прежнему остается наведение коммуникационных мостов между цивилизациями»².

Современная стратегия внешней политики Поднебесной поддерживается собственной историей и направлена на укрепление своего авторитета в мире. Принятие Закона о международных отношениях четко демонстрирует, что Китай будет продолжать продвигать свои инициативы и расширять свое участие в формировании правил глобального управления. Посыл же достаточно прост и понятен для каждого – идеальная международная система основана на интеграции, при которой выгоды распределяются на справедливой основе в многополярной системе вместо однополярного мира, шаткие преимущества от которого уже не ощутимы даже его создателям.

¹ China's New Foreign Relations Law: a Legal Milestone for Diplomacy // Shanghai Daily. – 2023. – 07.06.

² Ibid.

ТЕМИРАЕВ А.В.¹ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ГОНКОНГОМ (Статья)

Аннотация. Статья раскрывает актуальные аспекты реализации принципа самоопределения народов во взаимосвязи с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности в КНР на основе концепции специального статуса, которым наделены Гонконг, Макао и Тайвань. Их статус определяется, исходя из институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS). Проводится систематизация признаков автономии территорий со специальным статусом. Обосновывается, что сложившаяся система разделения власти способствует как гармонизации отношений между центром и территорией, так и провоцирует их противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем и Гонконгом. В статье уделяется особое внимание правовому статусу Гонконга и его эволюции. Автор приходит к выводу о целесообразности проведения более гибкой правовой политики Китая в урегулировании публично-правовых отношений с Гонконгом.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Гонконг; Макао; Тайвань; государственный суверенитет; территориальная целостность; право на самоопределение; специальный статус; автономия.

¹ © Темираев Алан Викторович, Председатель Дигорского районного суда Республика Северная Осетия – Алания, кандидат юридических наук.

TEMIRAEV A.V. Implementation of the principles of State sovereignty, territorial integrity and the right to self-determination in relations between the People's Republic of China and Hong Kong (Article)

Abstract. The article reveals the actual aspects of the implementation of the principle of self-determination of peoples in connection with the principles of state sovereignty and territorial integrity in the People's Republic of China based on the concept of the special status granted to Hong Kong, Macau and Taiwan. Their status is determined based on the institutional model: “One country, two systems” (OCTS). The systematization of signs of autonomy of territories with a special status is carried out. It is proved that the current system of separation of powers contributes both to the harmonization of relations between the center and the territory, and provokes their confrontation. It is precisely such contradictory relations that are observed today between China and Hong Kong. The article pays special attention to the legal status of Hong Kong and its evolution. The author concludes that it is advisable to pursue a more flexible legal policy of China in the settlement of public relations with Hong Kong.

Keywords: People's Republic of China; Hong Kong; Macao, Taiwan; State sovereignty; territorial integrity; right to self-determination; special status; autonomy.

Для цитирования: Темираев А.В. Реализация принципов государственного суверенитета, территориальной целостности и права на самоопределение в отношениях между Китайской Народной Республикой и Гонконгом (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 85–98. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.06

Введение

Исследование вопросов соотношения принципов государственного суверенитета и территориальной целостности с принципом права на самоопределение имеет различный спектр аспектов¹.

¹ См.: Kashnikov B. Self-determination of Peoples // International Conflict and Security Law: A Research Handbook: eBook / ed. S. Sayapin, R. Atadjanov, U. Kadam, G. Kemp, N. Zambrane-Tevar. N. Quenivet. – 2022. – P. 27–28.

Среди них особую актуальность имеют пределы реализации принципа самоопределения народов с учетом их концептуальной взаимосвязи и конкуренции с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности в федеративных, регионалистских и унитарных государствах, использующих различные формы автономии. Актуальность обусловлена постоянно меняющимися публично-правовыми отношениями, связанными с разграничением властных полномочий между центром и внутренними территориями. Как отмечает доктор юридических наук, профессор И.А. Умнова-Конюхова, «в мировой практике наблюдается неровная динамика федерализации государств и межгосударственных объединений. Более того, в последние два десятилетия наблюдается рост случаев возвращения к унитаризму или / и снижения элементов автономии и децентрализации в публичных связях»¹.

Особенностью публично-правового содержания рассматриваемых принципов является их действие на двух уровнях – международно-правовом и внутригосударственном (национальном). В международном праве – это общепризнанные принципы, которые взаимосвязаны между собой в виде конкуренции принципов государственного суверенитета и территориальной целостности с принципом права на самоопределение. Внутри государств конкуренция отсутствует, принцип самоопределения расширяет возможности коллективной идентичности компактно проживающих этнических народов и национально-культурных сообществ в формах, которые не нарушают принципы государственного суверенитета, территориальной целостности и государственного (национального) единства. Поэтому, если в международном измерении одной из форм самоопределения признается сецессия (внешнее самоопределение), то во внутригосударственном устройстве право составных частей на выход из состава федерации (исключение составляет Эфиопия) и тем более автономной территории из унитарного государства, не допускается. Самоопределение выстраивается на конституционно устанавливаемых формах внутренней террито-

¹ Умнова-Конюхова И.А. Федерализм как инструмент решения современных задач мироустройства, совершенствования государственности и межгосударственных отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 9.

риальной организации. Стремление к автономии, как правило, наблюдается среди этнических общностей.

В настоящее время на международном уровне содержание права на внутригосударственное самоопределение четко обозначено лишь в отношении коренных народов. Декларация ООН о правах коренных народов (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/61/295. 17.03.2008) гарантирует им автономию в рамках суверенного государства, позволяющую осуществлять собственное управление в политической, социальной, культурной и экономической сферах на своей территории, а также участвовать в управлении суверенным государством, на территории которого они проживают (ст. 3, 4).

Значимость установления правовых пределов реализации права на самоопределение во внутригосударственных отношениях очевидна. Неразрешенность территориальных проблем внутри государства влечет за собой социальную напряженность и может породить вооруженные конфликты, привести к нарушению мира и согласия. Среди государств, для которых проблемы территориальной автономии остаются крайне актуальными, можно назвать сегодня Китай. В этом государстве установлен многоуровневый политический порядок с многочисленными органами управления.

Конституционное содержание пределов и форм взаимосвязанной реализации принципов государственного суверенитета, территориальной целостности и права на самоопределение в Китайской Народной Республике. Китайская Народная Республика в преамбуле действующей Конституции от 1982 г. (ред. 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004 и 11.03.2018 гг.) провозглашается как единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны. В ней констатируется, что уже «установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности, взаимопомощи и гармонии. В борьбе за сохранение национальной сплоченности следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма. Государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны».

Для реализации принципа «процветания всех национальностей» в Китае как унитарном государстве во внутригосударственных отношениях реализуется принцип специального статуса. Три территории сегодня наделены таким статусом: Гонконг, Макао и Тайвань. По мнению экспертов, специальные режимы Китая были недостаточно осмыслены в существующей научной литературе. Алеш Кармазин, доцент кафедры азиатских исследований Института политических исследований Карлова университета (Прага), предлагает называть такую форму самоопределения зональным суверенитетом (*zonal sovereignty*)¹. В юридических исследованиях «зоны» определяются как специально очерченные территории с особым правовым режимом, которые связаны с другими правовыми режимами и пространственными образованиями, подпадают под их действие или окружены ими².

Отношения Китая с Макао можно определить в соответствии с вышеупомянутыми критериями, но они менее политически значимы, чем отношения материкового Китая с Гонконгом и Тайванем. Реализация принципа зонального самоопределения позволила Китаю проявить гибкость в организации политической власти, в то же время решительно настаивая на формальной неделимости государственного суверенитета и территориальной целостности. С этой точки зрения, Гонконг и Макао связаны с Китаем политическими рамками, в которых государственные (властные, суверенные) прерогативы и обязанности в отдельных областях политики могут быть общими или функционально распределены между различными уровнями политического устройства³ в рамках единого государства и единой китайской нации.

Наибольшая неопределенность и напряженность наблюдается в отношениях между Китаем и Тайванем. Если Гонконгу и Ма-

¹ См.: Karmazin A. *Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order*: ebook / *Palgrave Studies in International Relations (PSIR)*. – 2023. – P. 2. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-47905-2> (дата обращения: 15.10.2024).

² См.: Butler C. *Reading the Production of Suburbia in Post-War Australia // Law Text Culture*. – 2005. – N 9. – P. 11–33; Lessig L. *The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review*. – 1999. – N 113. – P. 501–549.

³ См.: Ringmar E. *Performing International Systems: Two East-Asian Alternatives to the Westphalian Order // International Organization*. – 2012. – N 66 (1). – P. 13.

као разрешено иметь свои собственные политические, правовые и экономические системы, то условием предоставления Китаем Тайваню тех же прав станет его потенциальное объединение с материковым Китаем.

В настоящее время Китай и Тайвань создали весьма своеобразное символическое пространство дипломатического взаимодействия, которое связывает оба режима, официально не признающих друг друга¹. Однако это противостояние не рассматривается официально международным сообществом как конфликт, связанный с самоопределением Тайваня в виде образования самостоятельного суверенного государства. Исторически правовые вопросы между Китаем и Тайванем, связанные с правами государств, носят в основном внутривнутриполитический характер. Нет установленного права или обязанности признавать эти отношения на межгосударственном уровне².

Гонконг (бывшая британская колония) и Макао (бывшая португальская колония) самоопределились как специальные административные районы Китая, соответственно, в 1997 и в 1999 гг. Обе территории обладают значительной автономией: собственными законами, правовой, денежной, таможенной и иммиграционной системами, а также правом участия в международных организациях. Их статус определялся на основе институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS), которая довольно успешно работает на практике. Вместе с тем опыт Китая показывает, что специальный статус или «зональный правовой режим» может как гармонизировать отношения между центром и территорией, так и спровоцировать противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем, с одной стороны, и Гонконгом – с другой.

Становление и эволюция правового статуса Гонконга. В последние годы наметилась тенденция постепенного уменьшения автономии Гонконга в результате растущего влияния центральной власти Китая. Изменение конфигурации зонального су-

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 6.

² См.: Цзэннань Ван. Размышления о международном праве на примере Тайваня: исторический обзор и перспективы на будущее // Наука. Образование. Современность = Science. Education. The present. – 2024. – № 2, июнь. – С. 4–5.

веренитета в китайско-гонконгских отношениях не ликвидирует, однако, его автономию в целом и позволяет Гонконгу по-прежнему реализовывать принцип права на самоопределение, не нарушая государственный суверенитет и территориальную целостность Китая¹.

Гонконг (Сянган) стал британской колонией во время опиумных войн в результате серии неравноправных договоров, которые рассматриваются в Китае как начало века унижения китайской нации. Вместе с тем Гонконг превратился в одну из самых успешных колоний в мире, почти идеально вписавшись в британскую торговую империю. Когда в 1997 г. он был возвращен Китаю, то оказался более развит, чем КНР. В какой-то мере Гонконг как успешная капиталистическая колония, интегрированная в международную систему, способствовала дальнейшему экономическому прогрессу материкового Китая. В частности, в процессе подачи Китаем заявки на вступление в ВТО КНР, по сути, придерживался гонконгской идентичности, основанной на профессионализме, компетентности, беспристрастности, техническом сотрудничестве и эффективности². В настоящее время Гонконг имеет положение одного из главных финансовых центров и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), и всего мира³.

Успешному развитию Гонконга в составе Китая способствует его особый статус. Восприятие китайцами Гонконга как высоко развитого современного города привело к тому, что КНР даже после передачи власти в Гонконге следовал прежней колониальной модели государственного устройства и имитировал ее. Другими словами, руководство КНР сохранило Гонконг как место с высокой степенью интернационализации и свободного экономического развития.

Во время переговоров о будущем Гонконга представители КНР внимательно следили за позицией Великобритании и утвер-

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 99.

² См.: Shen S. Introduction: Multidimensional Diplomacy as a Global Phenomenon. Multidimensional Diplomacy of Contemporary China. – 2010. – P. 3–21.

³ См.: Файншмидт Р.И., Федоренко Д.О. Трансформация роли Гонконга в контексте экономических процессов Азиатско-Тихоокеанского региона // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 141.

ждали, что Китай собирается восстановить суверенитет над Гонконгом. Аналогичное положение содержится в Основном законе Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики от 4 апреля 1990 г., который вступил в силу 1 июля 1997 г. (далее – Основной закон Гонконга). В его преамбуле говорится, что Гонконг с древних времен был частью территории Китая; он был оккупирован Великобританией после опиумной войны в 1840 г. 19 декабря 1984 г. китайское и британское правительства подписали совместную Декларацию по Гонконгу, утверждая, что Правительство КНР продолжит осуществление суверенитета над Гонконгом с 1 июля 1997 г., реализуя таким образом, стремление китайцев к воссоединению. Согласно ст. 1 Основного закона, Специальный административный район Гонконг сегодня является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики¹.

Китаю удалось договориться с Великобританией о передаче Гонконга на условиях его высокой автономии и гарантирования принципа народного самоуправления². Заключению соглашения способствовало также осуждение колониализма международным сообществом.

Специальный внутренний и международный статус Гонконга определяется китайско-британской совместной Декларацией, закрепленной в договоре между правительствами Великобритании и Китая 1984 г. (далее – Декларация)³, Конституцией КНР и Основным законом Гонконга.

В Декларации закреплены основополагающие принципы, определяющие положение Гонконга после 1997 г. Гонконг получил статус особого автономного района КНР – специального административного региона (САР). Установлено, что население Гонконга будет управлять бывшей колонией на основе самоуправления и

¹ См.: The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. – 2021. – URL: https://www.basiclaw.gov.hk/filemanager/content/en/files/basiclawtext/basiclaw_full_text.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

² См.: Ma Ngok. The Sino-British Dispute over Hong Kong: A Game Theory Interpretation // Asian Survey. – 1997. – N 37 (8). – P. 738–751.

³ См.: Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong. 1984, December 19. – URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (дата обращения: 22.09.2024).

*Реализация принципов государственного суверенитета,
территориальной целостности и права на самоопределение ...*

высокой степени свободы, подтверждено его международное положение как свободного порта и отдельной таможенной территории. В Декларации оговорено, что принципы, определяющие особое автономное положение Гонконга, останутся неизменными в течение 50 лет после передачи власти¹.

Исходя из вышеназванной Декларации, Конституции КНР и Основного закона САР автономия Гонконга определяется его следующими полномочиями:

- имеет право издавать свои законы;
- обладает собственной исполнительной, законодательной и судебной властью, отличной от системы власти КНР;
- формирует собственную правовую систему, которая существенно отличается от правовой системы КНР;
- обладает определенной, ограниченной автономией в международных отношениях, являясь членом некоторых международных организаций, т.е. обладает неполным (де-юре) признанием и ограниченной правоспособностью участвовать в международных организациях. Гонконгу разрешено иметь свои паспорта, валюту или представительства за рубежом. Представительства Гонконга – экономические и торговые представительства – в основном занимаются экономической дипломатией.

Материковый Китай и Гонконг несмотря на то, что это одна страна, разделены демаркационной линией, которая имеет все характеристики международной границы с проверками документов и ограничениями на поездки.

Коммунистическая партия Китая (КПК), как правящая политическая власть в КНР официально не представлена в Гонконге. Коммунистическая партия и государственная власть Гонконга существуют параллельно и по-разному взаимосвязаны с международной средой.

¹ См.: Schenk C. Economic and Financial Integration between Hong Kong and Mainland China before the Open Door Policy 1965 // WEF Working Paper. – 2007. – October 31, N 21 – P. 75. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3067615 (дата обращения: 30.09.2024).

Таким образом, политическая, правовая и экономическая системы Гонконга сегодня во многом отличаются от систем материкового Китая¹.

Несмотря на широкую автономию, статус Гонконга не соответствует некоторым типичным характеристикам субъекта федеративного государства.

Во-первых, в федерациях составные части представлены в федеральных органах (верхних палатах парламента), но в КНР такого органа нет.

Во-вторых, в федерациях национальная конституция не может быть изменена центром в одностороннем порядке без согласия отдельных ее субъектов, что нельзя сказать о Китае, поскольку Гонконг не обладает никакими полномочиями, которые могли бы, по мнению экспертов, помешать КНР изменить его Конституцию². Основной закон Гонконга был принят Всекитайским собранием народных представителей (парламентом Китая) 4 апреля 1990 г. (вступил в силу 1 июля 1997 г.), который уполномочивает специальный административный регион осуществлять высокую степень автономии. Более того, центральное правительство имеет право назначать главных должностных лиц САР, включая главу исполнительной власти Гонконга.

В-третьих, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей уполномочен толковать Основной закон Гонконга, проверять конституционность законов, принятых в Гонконге, или, при соблюдении ряда относительно жестких ограничений, применять национальные законы к САР путем внесения поправок в приложение к Основному закону. Всекитайское собрание народных представителей также может вносить поправки в Основной закон Гонконга, но на эти полномочия центрального законодательного органа также распространяются существенные и процедурные ограничения³.

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 25.

² См.: Zhu G.B. The Composite State of China under «One Country, Multiple Systems»: Theoretical Construction and Methodological Considerations // International Journal of Constitutional Law. – 2012. – N 10 (1). – P. 272–297.

³ См.: Law of the Hong Kong Constitution / eds. Johannes Chan S. Chin Leng Lim – 2011. – P. 3–7; Zhu G.B. The Composite State of China under «One Country, Multiple Systems»: Theoretical Construction and Methodological Considerations // International Journal of Constitutional Law. – 2012. – N 10 (1). – P. 272–297.

В последние годы центральная китайская власть стремится усилить свое влияние на Гонконг¹. Особенно это касается регулирования внешних связей Гонконга. В частности, Гонконг, с одной стороны, является полноправным членом нескольких международных организаций, в первую очередь Всемирной торговой организации, Всемирной организации здравоохранения и Азиатского банка развития, а с другой – имеет лишь частичное членство в Международной морской организации и участвует исключительно в составе китайской делегации в работе Международного валютного фонда и Всемирного банка. Еще одним свидетельством полунезависимой дипломатической позиции Гонконга является его членство в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание АБИИ было инициировано Китаем, который является доминирующим государством в этой организации. Гонконг не стал членом АБИИ по умолчанию и участвует как юридическое лицо.

На фоне различий между Китаем и Гонконгом по признаку идентичности, последний имеет решающее значение для китайского национализма как символ достижения национального единства. Одним из наиболее важных расколов в гонконгском обществе является раскол между пропекинской и антипекинской ориентацией. Люди и слои общества, близкие к последней позиции, выражают обеспокоенность по поводу растущего влияния Пекина на политику Гонконга и его автономного положения. Опираясь на культуру активного гражданского общества Гонконга, люди антипекинской ориентации часто протестуют против политических событий, которые рассматриваются как растущая зависимость от Пекина или влияние на него².

¹ См.: Fong B.C.H. Exporting Autocracy: How China's Extra-Jurisdictional Autocratic Influence Caused Democratic Backsliding in Hong Kong. *Democratization*. – 2021. – N 28 (1). – P. 198–218; Naito Hiroko. Legalization of the Chinese Communist Party's Governance over Hong Kong // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2020. – N 9 (2). – P. 157–174; Karmazin A. The Hong Kong National Security Law and the Changing Character of Rule in the China–Hong Kong Relationship // *China Report*. – 2023. – N 59 (1). – P. 25–39; Lee E.W.Y. United Front, Clientelism and Indirect Rule: Theorizing the Role of the «Liaison Office» in Hong Kong // *Journal of Contemporary China*. – 2020. – N 29 (125). – P. 763–775.

² См.: Chan E., Chan J. Hong Kong 2007–2017: A Backlash in Civil Society // *Asia Pacific Journal of Public Administration*. – 2017. – N 39 (2). – P. 135–152.

Масштабы и охват центральной власти Китая сфер влияния на Гонконг постепенно расширяются. При этом в последнее десятилетие наблюдается тенденция более активного вмешательства КНР в дела Гонконга¹.

Во-первых, центральная власть КНР постепенно усиливает свое влияние и давление на ведущих политиков Гонконга².

Во-вторых, с момента основания САР три агентства центрального правительства были размещены в Гонконге. Это отделение связи Центрального народного правительства, офис Министерства иностранных дел Китая и представительство Народно-освободительной армии, которая дислоцируется в центре Гонконга, но ему запрещено покидать территорию комплекса зданий.

В-третьих, центральные власти Китая широко полагались на систему Единого фронта, которая объединяет многочисленные организации, связанные с партией и государством, для проникновения в общество и политику Гонконга. Они участвуют в различных мероприятиях, таких как наблюдение и контроль за пропекинскими политиками и другими значимыми лицами в САР или мобилизация поддержки прокитайских политиков во время выборов³.

В-четвертых, один из важнейших механизмов влияния китайского партийно-государственного аппарата на Гонконг связан со стратегическими политическими отношениями между центральным правительством и некоторыми сегментами гонконгского общества, особенно крупным бизнесом. Их роль очень важна при избрании главы исполнительной власти, а также во время выборов в Законодательный совет в силу специфики избирательной системы Гонконга. Китайское руководство понимает, что бизнес-элиты могут помочь Пекину сохранить свое влияние не только из-за их значимости на выборах, но и из-за общего влияния в Гонконге.

¹ См.: Chan J. A Storm of Unprecedented Ferocity: The Shrinking Space of the Right to Political Participation, Peaceful Demonstration, and Judicial Independence in Hong Kong // *International Journal of Constitutional Law*. – 2018. – N 16 (2). – P. 373–388.

² См.: Fong B.C.H. Exporting Autocracy: How China's Extra-Jurisdictional Autocratic Influence Caused Democratic Backsliding in Hong Kong // *Democratization*. – 2021. – N 28 (1). – P. 198.

³ См.: Lee E.W.Y. United Front, Clientelism, and Indirect Rule: Theorizing the Role of the «Liaison Office» in Hong Kong // *Journal of Contemporary China*. – 2020. – N 29 (125). – P. 763–775.

В-пятых, было зафиксировано пять случаев конституционно-го толкования Основного закона Гонконга Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Каждый из них имеет разное значение для суверенитета Китая и автономии Гонконга и конституционных отношений между ними¹. Так, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей лишил мандата шестерых гонконгских (антипекинских) законодателей, поскольку они изменили формулировку официальной присяги при вступлении в должность².

В-шестых, принятие в 2020 г. Всекитайским собранием народных представителей Закона о национальной безопасности Гонконга (Hong Kong national security law (HKNSL)) и связанных с ним законодательных изменений снижает степень свободы САР. Этот Закон стал реакцией на продолжающиеся масштабные протесты в Гонконге и разработал новые юридические инструменты влияния материкового Китая. Так, HKNSL учреждает новые институты, которые совместно отвечают за национальную безопасность Гонконга – Управление и Комитет по обеспечению национальной безопасности. Если Комитет является подразделением Гонконга, то Управление определяется как орган центрального правительства, вышестоящий по отношению к Комитету, что создает канал прямого влияния центрального правительства на САР³.

В-седьмых, в 2020 г. парламент Китая принял резолюцию, которая определяет юридические требования для того, чтобы быть членом парламента Гонконга. Избирательная реформа в Гонконге была подготовлена китайским парламентом, а затем одобрена гонконгским главой исполнительной власти (САР) в первой половине

¹ См.: Ip E.S. Interpreting Interpretations: A Methodology for the Judicial Enforcement of Legislative Interpretations of the Hong Kong Basic Law // Public Law. – 2017. – N 4. – P. 552–562.

² См.: Lau C., Chung K. Court Ruling Disqualifying Hong Kong Lawmakers over Oath-Taking Controversy ‘A Declaration of War’ // South China Morning Post. – 2017. – July 15. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/2102609/four-more-hong-kong-lawmakers-disqualified-over-oath-taking> (дата обращения: 25.09.2024).

³ См.: Karmazin A. Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order. – P. 25–39.

2021 г.¹ Избирательная реформа расширила состав избирательного комитета, ответственного за избрание главы исполнительной власти САР, и тем самым фактически повысила значимость пропекинских интересов в избирательном процессе².

Заключение

Резюмируя рассмотренное выше, представляется важным акцентировать внимание на том, что самоопределение народов в КНР во взаимодействии с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности – это условие существования и развития китайской нации на основе конституционного принципа «процветания всех национальностей» в стране. В Китае как унитарном государстве во внутригосударственных отношениях реализуется принцип специального статуса, которым наделены сегодня Гонконг, Макао и Тайвань. Их статус определялся на основе институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS), которая довольно успешно работает на практике. Вместе с тем опыт Китая показывает, что специальный статус или «зональный правовой режим» может как гармонизировать отношения между центром и территорией, так и спровоцировать противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем, с одной стороны и Гонконгом – с другой.

Хотя в Гонконге по-прежнему существуют свои уникальные политическая и правовая системы, эти системы больше не полностью отделены от материкового Китая. Масштабы и влияние центральной власти партийного государства по отношению к Гонконгу постепенно расширяются. Эта тенденция влечет за собой рост напряжения у населения Гонконга, занимающего антипекинскую позицию. Сложившаяся политическая ситуация свидетельствует о целесообразности проведения более гибкой правовой политики Китая в урегулировании публично-правовых отношений с Гонконгом на основе учета требований взаимосвязанных между собой принципов самоопределения народов, государственного суверенитета и территориальной целостности.

¹ См.: Ibid. – P. 31–32.

² См.: Davis M.C. Hong Kong: How Beijing Perfected Repression // Journal of Democracy. – 2022. – N 33 (1). – P. 100–115.

АЛФЕРОВА Е.В.¹, СКУРКО Е.В.² ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО (Обзор)

Аннотация. Сегодня Китай все более активно заявляет о себе в международных делах в целях международной безопасности, мира и международного инклюзивного развития, международной экологической повестки и межцивилизационного диалога, обновления системы глобального управления в XXI в. В данном обзоре анализируются новые монографии, исследующие особенности политико-правового развития современного Китая и расширение его влияния на международные отношения и международное право. Особое внимание акцентируется на дискуссии о возвышении Китая и его инициативах – «Один пояс и один путь», «Сообщество единого судьбы».

Ключевые слова: Китай; право КНР; международные отношения; международное право; международные инициативы Китая; «Один пояс и один путь»; «Сообщество единой судьбы».

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. Features of the political and legal development of modern China and its impact on international relations and international law (Review)

Abstract. Today, China is increasingly asserting itself in international affairs in order to maintain global peace and international securi-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ty, international inclusive development, the international environmental agenda and inter-civilizational dialogue, and the renewal of the global governance system in the 21 st century. This review analyzes new monographs exploring the features of the political and legal development of modern China and the expansion of its influence on international relations and international law. Special attention is focused on the discussion about the rise of China and its initiatives – «Belt and Road Initiative», “Community of shared future for mankind”.

Keywords: China; law of the People's Republic of China; international relations; international law; China's international initiatives; “Belt and Road Initiative”; “Community of shared future for mankind”.

Для цитирования: Алферова Е.В., Скурко Е.В. Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 99–116. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.07

Введение

В основе активизации взаимодействия Китая с системой международного права и международными институтами лежат руководящие принципы, изданные ЦК КПК в 2014 г., призывающие Китай усилить юридическую работу в сфере иностранных дел и разработку международно-правовых норм, содействовать правовому урегулированию международных вопросов, связанных с экономическими и социальными отношениями, укреплять влияние страны в международных правовых вопросах и использовать правовые методы для защиты государственного суверенитета, интересов безопасности и развития. Эти руководящие принципы рассматриваются предварительным условием для того, чтобы «оказывать большее влияние на нормы, действующие в международном сообществе, и интегрироваться в него, стать уважаемым нормотворцем и оставить свой след международном праве» [4, р. 2].

В последние годы вышел в свет ряд монографических научных исследований¹, в которых раскрываются роль Китая в глобальном управлении и регулировании международного правового порядка, влияние этой страны на развитие международных отношений, прослеживаются основные направления внешней политики КНР. На некоторых из них остановимся в данном обзоре [1; 2; 3; 4; 5].

К вопросу о растущем влиянии Китая на современное международное право. Многие исследователи отмечают, что Китай быстро расширил свое влияние, переориентируя свою традиционно направленную на внутренние проблемы на международно-правовую политику и практику. Взаимосвязь между международным правом и растущим Китаем имеет беспрецедентное интеллектуальное и политическое значение [2, р. 8]. Эта ситуация и тема, волнующая политиков и ученых, активно обсуждается уже ряд лет. Так, пять лет назад вышла в свет книга «Возвышение Китая и международное право: Серьезно о китайской исключительности» [2], в которой ее автор – Конгъян Цай, профессор международного права Университета Фудань в Шанхае, представил системное авторское видение и критическую оценку взаимодействия Китая и международного права, правовую политику и практику КНР в международной сфере, а также рассмотрел актуальные изменения в международном праве и место Китая в нем.

Возвышение Китая, как отмечает во введение Конгъян Цай, – одно из самых значительных, если не самое фундаментальное событие в перестройке международных отношений в этом столетии.

¹ См.: Zhao Longye. *Modern China and International Rules: Reconstruction and Innovation*. – Singapore: Springer, 2023. – 333 p.; The China-led Belt and Road Initiative and its Reflections: the Crisis of Hegemony and Changing Regional Orders / ed. Mehdi P. Aminéh. – Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2022. – 315 p.; Hooper M. *China Rule of Law and the West*. – Singapore: Springer, 2024. – 156 p.; *China and International Norms: Evidence from the Belt and Road Initiative* / eds. by Mario Esteban, Yue Lin. – London; New York: Routledge, 2024. – 219 p.; Staiano M.F. *Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind*. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.; *The Cambridge handbook of China and international law* / eds. by Ignasio de la Rasilla, Congyan Cai. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2023. – 611 p., and others.

Китай растет и его подъем может привести к изменению международного правового порядка [2, р. 1]. Страна стала более дружелюбно относиться к международному праву, признавая, что международное право может усилить и оправдать его развитие. По словам министра иностранных дел Китая Ван И, «Китай признал, что в современном мире действовать в соответствии с международным правом – это здравый смысл, в то время как нарушать международное право непопулярно» [цит. по: 1, р. 7]). Китай стал более решительно относиться к вопросу оказания большего влияния на международное право, предлагая «китайскую мудрость» или «китайский проект» [2, р. 8].

Растущее влияние КНР, как отмечает автор, вызывает споры среди ученых и политиков. Конгъян Цай включается в дискуссию о характере взаимодействия Китая с международным правом и в спор о том, что может означать для будущего международного правопорядка и самого Китая его беспрецедентное экономическое и политическое развитие. Два недавних события – арбитражное разбирательство в Южно-Китайском море и торговая война между США и Китаем – усилили напряженность этой продолжающейся дискуссии. В связи с этим автор поднимает ряд важных вопросов: как Китай с течением времени корректирует свою международно-правовую политику в процессе изменения государственной идентичности Китая, особенно по мере того, как он становится могущественной державой; какие методы использует для соблюдения международного права и, в частности, для реализации своей новой правовой стратегии нормативного предпринимательства; как Китай организует свои внутригосударственные институты для применения международного права в целях дальнейшего укрепления своего влияния и использует международное право на национальном (в китайских судах) и международном уровнях (например, при международных судебных разбирательствах); как следует понимать «китайскую исключительность» и др.

В целях ответа на эти вопросы, автор анализирует законы, политику КПК, обращается к философии и экономике, лежащих в основе глобальной практики Китая, дает оценку новым инициативам КПК «Один пояс и один путь» и «Сообщество общего будущего для человечества».

Структура книги включает шесть глав, введение и заключение: «Актуальность международного права»; «Государственная идентичность и правовая политика»; «Режимы»; «Институты»; «Китайские суды»; «Правовые основы урегулирования споров»;

Начинает свою монографию Конгъян Цай с анализа трансформации международного права с четырех точек зрения – мирового сообщества, власти, правосудия и природы международного права. Такой подход, по его мнению, глубже раскрывает те значительные изменения в международно-правовой политике и практике ведущих мировых держав, включая Китай. В центре внимания автора правовой и политический контекст, в котором происходит подъем Китая, фундаментальные различия между усилением Китая и развитием других великих держав в истории. При этом Конгъян Цай подчеркивает, что в свете новых политических и правовых обстоятельств международное право может играть более важную роль в подъеме Китая, что может быть ожидаемым или неожиданным как для самого Китая, так и для международного сообщества [2, р. 13–21]. В целях погружения в этот вопрос и понимания сути происходящей трансформации влияния Китая на международное право и международные отношения, автор останавливается на следующих вопросах: как изменилась государственная идентичность Китая, начиная с XIX в.; когда китайская империя начала взаимодействовать с западным миром, особенно после основания КНР в 1949 г.; когда Китай начал придерживаться социалистической идеологии и режима, противоречащих тем режимам, что характерны странам Запада; каким государством является Китай в XXI в.; как влияет идентичность Китая на его международную правовую политику; как Китай реагирует на общепринятое представление о взаимосвязи между государственной идентичностью и поведением и как пытается уменьшить потенциальный диссонанс между своей новой идентичностью и поведением, а также успокоить другие страны, опасющиеся его подъема. И всё-таки есть первый, как пишет автор «глупый» вопрос: что такое Китай? На него он отвечает так: «Китай – это страна, идентичность которой определить крайне сложно. Самобытность этой страны не только со временем изменяется, но и проявляется во множестве аспектов. При этом у людей могут быть разные представления о Китае. Обсуждение эволюции идентичности Китая важно, чтобы понять, как

Китай формулирует свою международно-правовую политику по мере ее изменения» [2, р. 41] и далее.

Сегодня главной целью растущего Китая, подчеркивает Конгъян Цай, является соблюдение международных обязательств и норм, на которые ориентируется страна, участвуя в международных отношениях с международными организациями и другими государствами, а также его международная нормативная инициативность, или, как называет ее автор, – «нормативное предпринимательство». В связи с этим много внимания автор уделяет методам, которые Китай использует для соблюдения своих международных обязательств и нормативного предпринимательства, рассматривает взаимодействие Китая с государствами в вопросах мира, развития, прав человека, а также в новых областях международных отношений. Как следует из контекста, Китай стремится стать активным международным нормотворцем и выполнять международные обязательства, которые взял на себя. Однако есть обязательства, которые КНР не берет на себя. В связи с этим Конгъян Цай пытается показать разные стороны взаимодействия КНР с международным правом, в том числе раскрыть специфику трансформации его международно-правовой стратегии – от соблюдения международных норм к активному участию в их создании [2, р. 101–153].

Таким образом, по мере того как Китай набирает силу, он, с одной стороны, стремится добиться большего влияния на международные институты. С другой стороны, национальные учреждения также имеют значение для международного права как с точки зрения международного нормотворчества, так и с точки зрения его правоприменения. В отношениях с международными институтами, подчеркивает Конгъян Цай, Китай может быть аутсайдером, партнером, членом и спонсором международных организаций, в зависимости от конкретных ситуаций. Что касается национальных институтов КНР, то, учитывая, что для китайского государственного управления характерны уникальные механизмы взаимодействия государственных и частных институтов, автор рассматривает, как многочисленные государственные учреждения взаимодействуют друг с другом и как государственные учреждения взаимодействуют с частными учреждениями. Автор показывает не только то, как Китай взаимодействует с другими странами в эпоху международной институционализации на международном уровне, но и то, как

КНР использует свою уникальную институциональную силу для ускорения своего развития на национальном уровне [Ibid].

Немалую часть книги автор посвящает роли китайских судов в применении норм международного права в стране. В связи с этим следует отметить, что за последние два десятилетия, национальные суды во многих странах проявляют готовность применять международное право. Однако применение международного права в китайских судах обладает соответствующими особенностями, например, китайские суды участвуют в переговорах по международным договорам, обосновывают международно-правовые аргументы Китая, опираясь при этом на национальное законодательство и др. Китайские суды, подчеркивает Конгъян Цай, демонстрируют долгосрочную судебную политику Китая в отношении применения международного права [2, р. 233–266].

В международных делах Китай обычно предпочитал переговоры и консультации по урегулированию международных споров с привлечением третьей стороны и судебной ответственности. Эта тенденция начала меняться с 1990-х годов, когда международные суды и трибуналы, в том числе обладающие обязательной юрисдикцией, получили широкое распространение, что существенно упростило международные отношения. Поскольку судебный механизм часто является частью комплексного соглашения, и Китай, присоединяясь к тому или иному договору, не может не принять предусмотренный в нем механизм урегулирования споров, проблематика международного судебного разбирательства стала новым вызовом для политико-правовой системы КНР. Рассмотрению этих вопросов автор уделяет значительное место в своей книге [2, р. 267–319].

Конгъян Цай завершает свое исследование рассмотрением актуальной сегодня проблемы, которая связана с международным правовым порядком. Здесь он пытается сравнивать «американскую исключительность» и «китайскую исключительность». «Американская исключительность» ставит под угрозу международный правопорядок. Поскольку Китай неуклонно наращивает свою мощь, автор задается вопросом, возможно ли возникновение «китайской исключительности»? Если да, то похожа ли «китайская исключительность» на «американскую»? По его мнению, в свете международного контекста и особенностей Китая более вероятно,

что «китайская исключительность» может принести новые перспективы международному правовому порядку, тем самым уравновесив «американскую исключительность» [2, р. 321–326].

Конкретная тема – «возвышение Китая и его влияние на международное право», рассмотренная выше, не уходит из поля зрения исследователей. В 2021 г. вышла в свет книга «Возвышение Китая и теория международных отношений», автор которой Жан Качига, преподаватель кафедры политологии и международных исследований при Государственном университете штата Нью-Йорк в Брокпорте [4]. В своей монографии он прежде всего отмечает, что множество исследований последнего времени были сосредоточены на том, чтобы вписать поведение Китая в рамки, сложившиеся в теории международного права и международных отношений. Такой подход предполагает, что нет ничего, что не было бы теоретизировано, из того, что мог бы сделать участник международных отношений. А что, если поведение Китая не соответствует шаблонам или матрице, изложенным в существующих теориях? Что, если Китай своим поведением докажет, что существующие теории не исчерпывают возможности международных игроков в достаточной мере? В конце концов, Китай – это государство, которое подавило укоренившуюся ортодоксальность политических и экономических идеологий, одновременно поддерживая политический коммунизм и экономический капитализм свободного рынка. Что, если Китай возьмет на себя смелость выйти за пределы существующей теории и практики международных отношений? Проявит свободу действий, отражающую его способность как государства формировать на международной арене самобытные процессы и процедуры? Допустит ли государство такую волю – зависит от ряда факторов, таких как размер, возможности, амбиции, интересы, идентичность, степень удовлетворенности существующим порядком и т.д. [4, р. 4].

В ходе дискуссии ученых возник и обсуждается вопрос: является ли Китай государством, которое может повлиять на процессы и структуру существующего международного правопорядка? По мнению Ж. Качига, Китай, отвечает необходимым требованиям, которые побуждают государства стремиться к изменению существующего правопорядка. Во-первых, Китай начинает «перерастать» то место и роль, которые он занимал, и его растущее

влияние требует новой роли и места в международном праве и международных отношениях. Во-вторых, самобытность Китая достаточно уникальна, чтобы вызывать отклонения от существующих норм поведения. В-третьих, китайские масштабы, интересы, амбиции и возможности растут настолько значительно, что это приводит к усилению его влияния. То есть, с одной стороны, есть основания ожидать от Китая поведения, предсказанного теорией и практикой межгосударственных отношений. Есть, с другой стороны, причины ожидать поведения, неизвестного и еще не учтенного в этом арсенале. Последнее наблюдается в тщательной организации китайским политическим руководством своей дипломатической деятельности – углубляющейся по мере того, как оно осознает новую роль, которую Китай призван играть в международной системе и правопорядке.

Сегодня Китай стал «акционером», извлекающим выгоду из структуры международно-правовой системы, но, кроме того, он осознает, насколько эта система ограничена – не способна учитывать самобытность, культуру и историю Китая. Так, делает вывод Ж. Качига, «у Китая имеются свои интересы в международном праве и международных отношениях, но выбор, который он сделает для их реализации, может быть стать неожиданным для мирового сообщества – в силу его самобытности» [4, р. 5].

Нация, история которой насчитывает более двух тысячелетий и которая сформировала государство со статусом империи и имела контакты и отношения с другими странами, казалось бы, должна иметь историю внешней политики, чтобы можно было извлекать соответствующие уроки. Однако более пристальный взгляд на политическую историю Китая дает нам видение системы идей, событий, взглядов и размышлений о его внешней политике, соизмеримых с его долгой историей. То, что мы имеем, – это фрагментарная картина по вопросам пограничного контроля, приграничной торговли, экспедиций, посольств, императорской благосклонности к иностранным правителям и т.п. [4, р. 229].

К XIX в. Китай столкнулся с Вестфальской системой международного права и международных отношений. В этот же период Китаю приходилось страдать от иностранных вторжений – со стороны маньчжуров, Японии и с Запада. Иностранное политическое присутствие в Поднебесной оставило «шрамы»: оно унизило

китайцев, отняло у них часть гордости, повлияло на коллективную психику и подорвало представление китайцев о самих себе. Китай стал жертвой политических перемен, происходящих на международном уровне – однако и сам постепенно менялся в политическом плане: феодализм превратился в имперское правление, а затем в республику. В этот период Китай стал уделять внешней политике больше внимания, чем это было в прошлом. Коммунистический Китай стал формироваться с конца 1930-х годов, с этого периода существенно растет его активность в международных делах. Китайский национализм стал социалистическим, а внешняя политика Китая становится ориентированной на международный социализм [4, р. 232].

Годы правления Мао совпали с исторической эпохой развития в международном праве и международных отношениях современных политических идеологий и существования мира, состоящего из полностью сформировавшихся суверенных национальных государств как вокруг Китая, так и за его пределами. Китаю необходимо было проводить устойчивую внешнюю политику. Она была сосредоточена на защите своего суверенитета от империалистических держав, оказании поддержки тем, кого постигла та же участь по всему миру, и продвижении идеалов и целей марксистского мировоззрения на международном уровне. Внешняя политика Китая была провозглашена антиимпериалистической и антиколониальной. Китай занял независимую позицию как по отношению к СССР, так и к США. В этот период, несмотря на скромные возможности, Китаю удалось завоевать международный авторитет и репутацию независимого и влиятельного субъекта. Однако в годы правления Мао Цзэдуна Китай так и не смог по-настоящему и удовлетворительно сформулировать свою концепцию международного миропорядка. Китай выпустил ряд официальных документов, в которых излагаются его взгляды на мир. В одном из них говорится о мире, состоящем из трех различных миров. Первый был назван миром сверхдержав. Второй – миром промежуточных держав. Третий – мир развивающихся страны. Китай в целом критически относился к международно-правовой системе. В результате его внешнеполитические взгляды совпали с позицией критической теории международных отношений. Эра Мао, однако, длившаяся с конца 1940-х годов, закончилась в 1976 г., и Китай начал програм-

Особенности политико-правового развития современного Китая и его влияние на международные отношения и международное право

му реформ, которая частично отменяла его презрение к капитализму, частной собственности, а также неприятие институционального либерализма. Инициативы по реформированию в 1978 г., темпы изменений как внутри Китая, так и за его пределами были стремительными. Китай вступил в эпоху политики открытых дверей [4, р. 233].

Внутри страны Китай одновременно приспосабливался к переходу своей экономической системы к системе свободного рынка, преобразовывая свою бюрократию, законы и создавая новые институты. Во внешней сфере Китай предпринял множество инициатив и мероприятий, направленных на интеграцию институтов нелиберального порядка. Китай присоединяется к международным режимам безопасности, инициирует создание новых международных организаций, содействует развитию торговли, ищет доступ к рынкам и инвестиционным возможностям, предлагая новое видение международной политики, в том числе отказ от политики силы, создание альянсов и стратегических партнерств и др. Эти инициативы принесли свои плоды: Китай стабилизировал свое международное присутствие, увеличил свое богатство, положение и влияние на международной арене. Китайский национализм стал более дружелюбным по отношению к остальному миру и стал ассоциироваться со взаимозависимостью [4, р. 234].

В 1980-х годах китайская внешняя политика выработала новое направление – «мирное развитие». И Дэн Сяопин, и Цзянь Цзэминь, стремясь не вызывать страха у соседей в связи с подъемом Китая, постарались успокоить их. Любое нарушение мира, кроме того, было бы нарушением развития самого Китая. В 1988 г. Китай заявил о необходимости установления нового международного политического и экономического порядка (что, однако, не вышло за рамки заявлений) [Ibid].

Исследователи выделяют пять основных целей внешней политики Китая и его поведенческих установок в международной системе с 1950-х годов. Это социалистические ориентиры, антигегемонистские устремления, направленность на мирное сосуществование, государственничество и изоляционизм. Все они находят свое моральное обоснование либо в идеалах конфуцианства, либо в идеалах коммунизма. По мнению специалистов, именно этими ценностями руководствовался Китай в своих отношениях с

Японией, СССР, США, а также с развивающимися странами. Сегодня эти пять основных внешнеполитических ориентиров КНР нуждаются в некотором пересмотре. Так, хотя Китай по-прежнему выступает против гегемонии Запада, именно ему сегодня приходится беспокоиться о том, что его называют «гегемоном». Китай по-прежнему придерживается внешнеполитических целей мирного сосуществования и государственных взглядов, несмотря на переход к системе рыночной экономики. Он по-прежнему считает себя социалистическим государством. В отличие от прошлого, Китай сегодня совсем не изоляционист [4, p. 234–235].

Как пишет Ж. Качига, если проводить анализ и выявлять цели внешней политики Китая, следует прежде всего изучить заявления КПК, но самое главное – наблюдать за дипломатической сферой. Эти цели – в период с 1980-х до 2000-х годов – можно оценивать как содействие торговле, процветанию и миру, а также продвижению собственной безопасности КНР. Такова была картина внешней политики Китая вплоть до нового тысячелетия: внешняя политика Китая была осторожной по отношению к миру. Начиная с 1990-х годов, Китай предусмотрительно продвигался в своем развитии, интегрировался в глобальные процессы свободного рынка, становился успешным в ИТ и других областях экономики. На этом этапе он руководствовался политической мудростью Дэн Сяопина, призывавшего страну не привлекать к себе внимания на международной арене. Позже, с 2003 г., ведущие деятели КПК стали говорить о «мирном подъеме». После периода правления Ху Цзиньтао (2003–2013), который в ретроспективе выглядит как эпоха консолидации, и после периода стабилизации Цзян Цзэминя, картина внешней политики Китая стала менее расплывчатой: Китай начал более четко формулировать свои цели и даже предпринял попытку отойти от прежней практики формулирования внешнеполитических целей с помощью лозунгов [4, p. 235].

Внешняя политика Китая уверенно становится инструментом достижения национальных экономических и политических целей. Так, начиная с 2013 г., в эпоху правления Си Цзиньпина, участие Китая в международных делах нередко стали называть «наступательной дипломатией». В период председательства Си Цзиньпина Китай стал более решительным, некоторые, пишет Ж. Качига, полагают, что потенциально конфронтационным [4, p. 236].

Си Цзиньпин «приоткрыл завесу тайны над вопросом о том, какой будет внешняя политика Китая по мере его возвышения». Си Цзиньпин выступил с речью в октябре 2017 г. на 19-м национальном съезде КПК. В частности, он говорил о китайской военной мощи, о международной торговле с обоюдовыгодными целями, о «построении сообщества с общей судьбой для человечества», о необходимости оставить позади старые практики силовой политики и перейти к демократическим международным отношениям [цит. по: 4, р. 236]. В его речи также были затронуты вопросы, имеющие внешнеполитическое значение: он пообещал восстановить величие Китая к 2049 г., к столетию образования Китайской Народной Республики. Это – национальная цель, призванная помочь китайцам вновь обрести чувство величия и гордости. И в стремлении вернуть себе это величие и гордость Китай не хочет уступать никому, даже в военном отношении. Председатель Си Цзиньпин заявил о цели значительного обновления армии к 2020 г., полной модернизации армии к 2035 г. и доведению ее до мирового уровня к 2050 г. Вторая цель – Китай возьмет на себя ответственность за глобальное управление. Эта конкретная цель свидетельствует о лидерской роли, которую Китай будет играть, как только сочтет, что пришло время. Роль лидера подразумевает меры по поддержке многосторонней торговли, что возможно только при условии обеспечения международного порядка и преодоления других сопутствующих проблем, волнующих человечество, таких как охрана окружающей среды. Третья цель, которая была сформулирована в речи Си Цзиньпина, – утвердить лидерство КНР на региональном уровне [4, р. 237].

Международная проекция китайского права. По мнению Марии Франчески Стейано, координатора Центра китайских исследований, профессора Института международных отношений Национального университета Ла-Платы (Аргентина), в Китае укрепляется концепция, традиционно характерная для «западной матрицы» – демократия, права человека, верховенство права, но «с китайской спецификой»¹ [5, р. X]. Однако современное право

¹ Подробнее см.: Алферова Е.В., Скурко Е.В. [Рец.] // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – 2024. – № 4. – Рецензия на книгу: Staiano M.F. [Стейано М.Ф.] Chinese Law and Its International Projection: Building a

КНР, в отличие от западного, по-прежнему следует таким традиционным ценностям, как приоритет коллективных прав – над индивидуальными; социальная гармония – над индивидуальной свободой; обязанность работать – по отношению к праву на труд; государственный контроль над экономикой – по отношению к свободному рынку; уважение к политическому руководству – противопоставляется политическому недовольству; семейные отношения – распаду семьи. Сегодня эта система ценностей получила название «азиатские ценности», закрепленные в Бангкокской декларации о правах человека 1993 г.

Правовая система современного Китая – «продукт многомерного и кумулятивного культурного процесса, в ходе которого различные современные правовые концепции и новые идеи накладывались на пласты древнекитайской мысли, создавая гибкий комплекс схем, моделей и парадигм, относящихся к разным культурам и периодам» [5, р. 13]. Исходя из этого ракурса, М. Стейано исследует: традиционные элементы правовой системы Китая; международное право как источник права Китая; эволюцию правовой системы Китая и создание «правового государства» с китайской спецификой; проект построения сообщества единого будущего для человечества и формирование этого сообщества с учетом китайских концепций международных отношений. При этом отмечается, что Китай в своих международных отношениях, реализуя различные программы и планы действий, руководствуется собственной иерархической системой ценностей и значимостью дружественных отношений с тем или иным государством, действует совершенно по-разному в области международных отношений, и понять это можно, подчеркивает автор, если знать конфуцианскую философию влияния отношений на престиж человека [Ibid.].

Современные международные проекты Китая – это его инициативы «Сообщество единого будущего для всего человечества» и «Один пояс и один путь. Проект «Сообщество единого будущего» предлагает строить дипломатические отношения с международным сообществом на основе общих интересов, способствующим

ших созданию нового многополярного порядка для защиты международной справедливости и правосудия, установления «нового типа» международных отношений [5, р. 49–51].

Инициатива «Один пояс и один путь» рассматривается как путь преодоления практик выражения национального интереса каждого отдельного государства в международном праве и международных отношениях, заключенного в поствестфальской концепции суверенитета, в стремлении к взаимодействию на международном уровне. Эта инициатива предлагает следовать дипломатии, основанной на общих интересах международного сообщества, способной обеспечить взаимовыгодное экономическое сотрудничество в целях установления более справедливого международного правопорядка [5, р. 66].

Инициатива «Один пояс и один путь». Идея «Один пояс и один путь» была впервые выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Реализация этой идеи связана со стимулированием внешней открытости Китая миру в товарной, инвестиционной, финансовой, технологической областях, расширением инфраструктурных связей и усилением потенциала влияния Китая на трансграничное социально-экономическое сотрудничество и дипломатию. Опыт десятилетия распространения этой инициативы получил отражение и оценку в монографии Хонг Ю, старшего научного сотрудника Восточноазиатского института при Национальном университете Сингапура, «Понимание китайской инициативы «Один пояс и один путь» [3]

«Один пояс и один путь» (Belt and Road Initiative) (BRI), как отмечает автор, впитал историю Великого Шёлкового пути, который был, по сути, древней сетью торговых путей, соединяющих Китай с народами и регионами на Евразийском континенте, в Юго-Восточной Азии, Южной Азии, с Персидским заливом и Средиземным морем. Современный проект «Один пояс и один путь» охватывает ключевые компоненты политики, финансирования инфраструктуры и строительства, экономики, социальной сферы и безопасности, способствует реализации курса реформ, расширяет сотрудничество в рамках этого проекта и формирует общее Евразийское пространство. Эта инициатива усиливает влияние Китая на мировую геополитику и геоэкономику и, главное – отражает его борьбу за лидерство в условиях нестабильной международной

обстановки. Как замечает Хонг Ю, еще ни одна из предыдущих инициатив в области развития не вызвала таких интенсивных дискуссий среди правительств, ученых, средств массовой информации и деловых кругов по всему миру, как BRI [3, р. V].

Поскольку в 2023 г. «Один пояс и один путь» отметила 10-ю годовщину своего внедрения, Хонг Ю пытается оценить достижения, показать проблемы и вызовы, с которыми она сталкивается и прогнозировать ее будущие перспективы.

Анализ материалов третьего Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь», который проходил в Пекине с 17 по 18 октября 2023 г., показал, что сегодня проект «Один пояс и один путь» превратился из регионального инфраструктурного плана, призванного соединить Китай со странами Евразии, в глобальную инициативу, направленную на поддержку финансирования и строительства инфраструктурных проектов практически во всех уголках мира, в частности в слаборазвитых и развивающихся странах. Эта инициатива уже во многом изменила региональный ландшафт финансирования и развития инфраструктуры во многих странах BRI. Китай использовал свои богатые резервы капитала и опыт в области развития инфраструктуры, чтобы объединить страны в разных регионах.

В общей сложности к июню 2023 г. 152 страны уже присоединились к этой инициативе, большинство из которых – страны Глобального Юга. Китай считает, что эти страны имеют решающее значение для его экономической и дипломатической повестки дня. Улучшенная инфраструктура, включающая железные дороги, морские порты, автомагистрали, аэропорты и электростанции, способствует развитию двусторонней торговли между Китаем и странами BRI [3, р. 202].

Международная реакция на инициативу «Один пояс и один путь», как подчеркивает Хонг Ю, в значительной степени разделилась по геополитическому признаку между странами Запада и Глобального Юга. Хотя многие на Западе критикуют недостатки инициативы и подозревают геополитические мотивы Пекина, стоящие за ее реализацией, страны Глобального Юга в подавляющем большинстве поддерживают китайскую инициативу BRI и высоко оценивают ее достижения в улучшении инфраструктурных связей в развивающихся странах [3, р. 202].

Проследить центральную роль экономической повестки дня в рамках проекта сотрудничества «Один пояс и один путь» на институциональном уровне предприняли также авторы монографии «Китай и международные нормы: доказательство – инициатива «Один пояс и один путь» под редакцией Марио Эстебана и Юэ Лин, доцентов Центра Восточноазиатских исследований Автономного университета Мадрида (Испания) [1].

По мнению авторов, десятилетняя реализация проекта «Один пояс и один путь» подтверждает факт большого влияния Китая на международные отношения и международное право, отражает динамику взаимодействия политико-правовой системы Китая с международным правом. Китай сегодня играет важную роль в международном сообществе. Во-первых, страна обладает крупнейшей экономикой по ВВП и по паритету покупательной способности (ППС) и является ключевым экономическим партнером многих стран. Например, по результатам первой половины 2020 г., по данным ВТО, Китай экспортировал почти 29% важнейших товаров, связанных с COVID-19. Кроме того, по данным UNCTAD, Китай – третий по величине иностранный инвестор в мире и основной источник финансирования многих развивающихся стран. Во-вторых, Китай является ключевым игроком в решении основных задач многосторонней повестки дня в международных отношениях, а также одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и вторым донором общего бюджета ООН (12%), а также миссий по поддержанию мира (15,2%), по данным Департамента операций ООН по поддержанию мира. Китай занял лидирующие позиции в четырех из 15 специализированных учреждений ООН: Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), Международной организации гражданской авиации (ИКАО), Международном союзе электросвязи (МСЭ) и Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). В-третьих, Китай – единственная страна, которая может реально бросить вызов гегемонии США [1, p. 9].

Заключение

Благодаря значительному росту своего экономического, дипломатического и военного потенциала, Китай практически единодушно признается сегодня растущей ведущей державой [1, p. 9].

Результатом влияния Китайской Народной Республики на международные отношения и международное право стало непосредственное и существенное экономическое сотрудничество со многими странами, с которыми она поддерживает значительные торговые, финансовые, инвестиционные, технологические и другие связи. Их эффективность бросает вызов тем ведущим странам, которые избирают тактику международных санкций и поддержки вооруженных конфликтов. Инициативные проекты Китая «Один пояс и один путь» и «Сообщество единого будущего для всего человечества», по мнению ученых, рассматриваются как стратегический путь Китая и стран, поддержавших эти проекты, к новому миропорядку, основанному на справедливом распределении благ, демократизации международных отношений, равенстве, ответственности и толерантности, уважения и солидарности.

Список литературы

1. China and International Norms: Evidence from the Belt and Road Initiative / ed. Mario Esteban, Yue Lin. – London; New York: Routledge, 2024. – 219 p.
2. Congyan Cai. The Rise of China and International Law: Taking Chinese Exceptionalism Seriously. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. – 348 p.
3. Hong Yu. Understanding China's Belt and Road Initiative. – Singapore: Springer, 2024. – 227 p.
4. Kachiga J. The Rise of China and International Relations Theory. – New York: Peter Lang, 2021. – 284 p.
5. Staiano M.F. Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind. – Singapore: Springer, 2023. – 84 p.

**АЛФЕРОВА Е.В.¹ КИТАЙ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
(ОБЗОР КЕМБРИДЖСКОГО СПРАВОЧНИКА)²**

Аннотация. В обзоре представлен анализ многочисленных статей, в основном это статьи китайских ученых, включенных в Кембриджский справочник, посвященных развитию взаимодействия права Китая и международного права, его влиянию на глобальное управление, международный правопорядок и международные отношения. Рассматриваются ключевые инициативы Китая «Один пояс и один путь» и «Общее будущее для всего человечества»; взаимосвязи между национальным правом Китая и международным правом; государственная политика Китая в области заключения международных договоров; вопросы государственного иммунитета и экстерриториального применения законов Китая. Раскрываются точки зрения китайских ученых на вопросы, касающиеся международного мира и безопасности, развития международного права, сбережения среды обитания и охраны климата, развития международных экономических отношений и урегулирования международных споров, и др.

Ключевые слова: китайское право; международное право; международный правопорядок; международные отношения; «Один пояс и один путь»; «Общее будущее для всего человечества»; международный мир и безопасность; экстерриториальное приме-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоповедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² The Cambridge Handbook of China and International Law / ed. by Ignacio de la Rasilla; Congyan Cai. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2023. – 611 p.

нение законов; национальное законодательство Китая; международное экономическое право; международные споры.

ALFEROVA E.V. China and international law (Review of the Cambridge handbook of China and international law)

Abstract. The review presents an analysis of numerous articles, mainly articles by Chinese scientists included in the Cambridge Handbook, devoted to the development of interaction between Chinese Law and international law, the influence the People's Republic of China on global governance, international law and order and international relations. The authors of the handbook consider China's key initiatives «One Belt and One Road» and «A Common Future for all mankind»; the relationship between Chinese national law and international law; China's state policy in the field of concluding international treaties, state immunity, and the extraterritorial application of Chinese laws. The views of Chinese scientists on issues related to international peace and security, the development of international law, environmental conservation and climate protection, the development of international economic relations and the settlement of international disputes, etc. are presented.

Keywords: Chinese law; international law; international legal order; international relations; «One Belt and One Road»; «Common Future for all mankind»; international peace and security; extraterritorial application of laws; national legislation of China; international economic law; international disputes.

Для цитирования: Алферова Е.В. Китай и международное право (Обзор кембриджского справочника) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 117–135. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.08

Введение

Китайская Народная Республика на протяжении более 20 лет после ее учреждения в 1949 г. почти не поддерживала контактов с международными организациями. Однако в 1971 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2758 ее законные права и право представительства в Организации Объединенных Наций (ООН),

включая место постоянного члена Совета Безопасности ООН, были восстановлены. Этот момент стал поворотным в развитии межгосударственных отношений Китая с другими странами и международными межправительственными организациями. В процессе проведения в конце 1970-х годов политики реформ и открытости Китай стал активно интегрироваться в международное сообщество, расширять свои отношения с международными институтами и в настоящее время играет важную роль в формировании современного международного права и международного правопорядка.

В последние годы вышел в свет ряд научных исследований¹, в которых раскрываются роль и значение Китая в глобальном управлении и международном правовом порядке, его влияние на развитие международных отношений. Среди них комплексное исследование 2023 г. – «Кембриджский справочник по Китаю и международному праву». Авторы этого издания – ученые из разных стран мира, прежде всего из Китая, в своих статьях, по словам редакторов данной книги – Игнасио де ла Расилья, руководителя кафедры международного права Уханьского университета, и Конгъян Цая, профессора международного права Университета Фудань, «пытаются внести большую ясность в вопрос развития отношений Китая с системой современного международного права, изучить многогранное взаимодействие его политико-правовой системы с международным правопорядком» [р. 2].

Костяк авторов, кроме названных редакторов, составляют: Фрейя Бетенс (Freya Baetens), профессор международного публичного права Оксфордского университета, Жуйцзюнь Дай (Ruijun Dai), профессор международного права в Институте международного права Академии общественных наук Китая; Бьорн Аль (Bjorn

¹ Mitchell R.M. *Recentring the World: China and the Transformation of International Law*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 250 p.; *China and International Norms: Evidence from the Belt and Road Initiative* / ed. Mario Esteban, Yue Lin. – London; New York: Routledge, 2024. – 219 p; *China's Legal System: An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions* / eds.: Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng, Hui Feng, Xinyan Liu, Xiaolong Peng. – Singapore: Springer, 2023. – 306 p.; Dong Xiaobo, Zhang Jafang. *On Contemporary Chinese Legal System*. – Singapore: Springer, 2023. – 356 p.; Hu Jia. *The Role of Law in China's Economic Development, 1978–2011: A Study in Law and Political Economy*. – Singapore: Springer, 2024. – 226 p., and others.

Ahl), профессор и заведующий кафедрой китайской правовой культуры Кёльнского университета; Цинцзян Конг (Qingjiang Kong), профессор права и декан факультета международного права Пекинского университета политических наук и права; Тимоти Вебстер (Timothy Webster), профессор права Университета Западной Новой Англии (США); Ханьцинь Сюэ (Hanqin Xue), судья Международного суда ООН и др. (р. IX–XI).

В 25 главах данного издания, объединенных в восемь частей, рассматриваются: «Роль Китая в глобальном управлении и международном правовом порядке» (ч. I); «Взаимосвязи между национальным и международным правом» (ч. II); «Некоторые области государственной практики Китая (договорная политика Китая, государственный иммунитет, экстерриториальное применение национальных законов Китая)» (ч. III); «Международный мир и безопасность» (ч. IV); «Международное право, ориентированное на человека» (ч. V); «Среда обитания и глобальное общее достояние» (ч. VI); «Международное экономическое право» (ч. VII); «Урегулирование международных споров» (ч. VIII).

Роль Китая в глобальном управлении и международном правовом порядке. Этой теме посвящена часть I, гл. 1–3 (авторы – Юнь Чжао (Yun Zhao), Конгъян Цай (Congyan Cai) Игнасио де ла Расилья (Ignacio de la Rasilla), Яези Хао (Chezi Hao)). В центре внимания авторов вопросы взаимоотношения Китая с международными институтами и его растущее участие в системе глобального управления с начала процесса «открытости и реформ», влияние двух ключевых и взаимосвязанных дипломатических инициатив, имеющих важные последствия для международного права – «Один пояс и один путь» (Belt and Road initiative (BRI)) и «Общее будущее для всего человечества»¹ – на международный правовой порядок. Юнь Чжао, профессор в области международного права, заместитель декана факультета права в Университете Гонконга (Китай), автор гл. 1, раскрывает нормотворческие инициативы Китая на международной арене с момента его вступления

¹ Встречаются переводы «Человеческое общество с единой судьбой», «Мир с общей судьбой», «Сообщество единой судьбы». Английские варианты перевода – «Community with a shared future for mankind», «Community of a shared future for humankind» и др.

в международные институты в конце 1970-х годов и до нынешнего периода – от системы глобального управления, возглавляемой Западом, к многополярной и более глобально инклюзивной системе. Юнь Чжао выделяет и анализирует четыре основные черты, которые, по его мнению, характеризуют взаимодействие Китая с международными организациями: 1) ориентированный на экономику подход, включающий различные формы участия на основе суверенного равенства и мирного сосуществования, направленных на содействие созданию более прозрачной международной системы для продвижения интересов развивающихся стран; 2) всеобъемлющая многосторонняя стратегия, которая нашла отражение в последних международных инициативах Китая; 3) акцент на региональную интеграцию, продолжение дипломатической политики неприсоединения Китая, уважение многообразия и поддержание открытости в рамках новых институциональных структур; 4) международная нормотворческая роль, благодаря которой Китай участвует в международных организациях в области мира и безопасности, экономического развития, охраны окружающей среды и устойчивого развития. Эти роли и подходы Китая не являются взаимоисключающими, а, напротив, взаимно усиливают друг друга (р. 15–30).

Конгъян Цай, Игнасио де ла Расилья и Яези Хао, доцент международного права Школы права Уханьского университета, – авторы гл. 2 и 3, описывают историю и особенности концепции «Один пояс и один путь», создание которой было вдохновлено Великим Шёлковым путем, представлявшим собой сеть торговых путей, связывающих Китай и Дальний Восток с Ближним Востоком и Европой в период с 130 г. до н.э. по 1453 г. н.э. Как отмечают авторы, инициатива «Один пояс и один путь» первоначально не привлекла большого международного внимания. Однако после того, как китайское правительство в марте 2015 г. опубликовало стратегический документ «Концепция и план действия, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шёлкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”», инициатива «Один пояс и один путь» стала важным шагом в международно-правовом развитии, альтернативой господству западных подходов. Она косвенно способствует тому, чтобы субъекты международного права действовали более ответственно,

выстраивая свои международные отношения. В рамках этого проекта подписано более 200 документов, связанных с инициативой BRI, между Китаем и примерно 150 странами и 32 международными организациями (р. 31–32, 47–48). Сквозь призму этой инициативы авторы пытаются показать, как Китай – сегодня ведущее государство мира, оказывает влияние на международный правовой порядок, переживающий огромные преобразования, и как крупнейшие западные державы реагируют на эту инициативу, предлагая свои альтернативные проекты. При этом большое внимание авторы сосредоточивают на анализе правовой базы рассматриваемой китайской инициативы и практики ее применения.

По мнению Игнасио де ла Расилья и Конгъян Цяя, базовым свойством китайской инициативы «Один пояс и один путь» является гибкий подход, ориентированный на мягкое право. Это позволяет эффективно реализовывать ее на практике, результаты ее действия можно наблюдать как во влиянии на международно-правовое развитие, так и на правовую систему Китая. Особенную привлекательность этой инициативы, по их мнению, имеет для развивающихся стран. Предлагаемые Западом альтернативы, считают авторы, способствуют лишь повышению ответственности за реализацию проектов в рамках инициативы «Один пояс и один путь» со стороны КНР, т.е. «китайский вариант» должен демонстрировать качество исполнения и ответственное отношение к партнерам, чтобы быть достойной альтернативой западным проектам (р. 4).

Второй важный китайский проект «Общее будущее для всего человечества» авторы гл. 3 – Игнасио де ла Расилья и Яйези Хао – признают новейшим концептуальным воплощением проверенной временем «великой стратегии мирного подъема / развития» Китая и краеугольным камнем мягкой силы новый этап упрочения влияния Китая в международных отношениях, известного как «стратегия стремления к достижениям» («the Strategy of Striving for Achievement» – *fenfayouwei*, 奋发有为). Авторы подробно описывают историю – происхождение и эволюцию – инициативы «Общее будущее для всего человечества» вплоть до ее включения в преамбулу Конституции Китая в 2018 г., и на основе трудов Си Цзиньпина раскрывают основные цели и принципы этого проекта: достижение цели глобального мира и международной общей без-

опасности, инклюзивного международного развития и международной экологической цивилизации. Для достижения этих целей проект предлагает действовать на основе принципов суверенного равенства, межцивилизационного диалога и многосторонности, взаимовыгодного сотрудничества. Проведенный авторами концептуальный анализ основных элементов инициативы «Общее будущее для всего человечества» сопровождается наглядной метафорической архитектурной формой «пайфанг» (牌坊), в которой спроектированы основные элементы рассматриваемой инициативы в целях привести их в соответствие с основными принципами международного права (р. 49–50). Авторы показывают, роль этого проекта в обновлении юридического подхода Китая к вопросам международных отношений и считают, что с этого проекта начинается более решительный этап взаимодействия Китая с международным правом, позволяющий говорить о переформатировании международных отношений, в том числе посредством риторической китаизации международного права (Ibid).

Взаимосвязи между национальным и международным правом. Часть II, гл. 4–6 (авторы – Чао Ван (Chao Wang) и Синь Сян (Xin Xiang), Карен Дж. Альтер (Karen J. Alter), Джи Ли (Ji Li), Бьорн Ал (Bjorn Ahl)) посвящена ключевым аспектам взаимодействия между национальной правовой системой Китая, в том числе Конституцией КНР и международным правом. В центре внимания различные западные и китайские концепции верховенства права, место международного права при рассмотрении дел и в решениях китайских судов. В этой части книги рассматриваются:

1) как Конституция КНР определяет положение Китая в международных отношениях и его эволюционирующую взаимосвязь с международным правовым порядком; анализируются положения международного права в правовой системе Китая – в статьях Конституции КНР об общей политике, о правовом статусе и договороспособности; описывается эволюция Конституции Китая с акцентом на действующую Конституцию 1982 г. и поправки к ней, внесенные в 2018 г. в эпоху Си Цзиньпина. Это исследование Чао Ван и Синь Сян показало, что Конституция КНР с поправкой 2018 г. предполагает «глобальную международную проекцию» Китая, позволяющую влиять на развитие международного права, строить общее будущее для всего человечества на основе глобаль-

ного правового консенсуса по вопросам безопасности человека и устойчивого развития, т.е. реализация целей китайских инициатив создает возможность влиять на международный правопорядок на благо всего человечества (р. 93);

2) экстраполяция китайской риторики о верховенстве права на международный уровень. Авторы – Карен Дж. Альтер и Джи Ли, выделяют два варианта представлений о верховенстве права, которые в некоторой степени противоречат друг другу. Первый подход – коммерческий и частноправовой вариант верховенства права, сводящийся к исполнению контрактов, выплате компенсаций за нарушения контрактных обязательств и обеспечению урегулирования споров для участников бизнеса. Второй – конституциональный и институциональный вариант верховенства права: подчинение наиболее влиятельных политических деятелей и руководящих органов власти принципу верховенства права, как он понимается национальными конституциями. По мнению авторов, хотя идея Китая о верховенстве права как международном принципе является гипотетической, но логичной и привлекательной возможностью, западные ученые, включая большинство юристов и политологов, настроены значительно более скептически в этом отношении. Это не означает, что международное право – вследствие такого к нему отношения – не играет никакой роли, но это говорит о том, что для многих западных ученых и практиков разговоры об идеалах верховенства права не выходят на международный уровень. Эти различия в понимании и отношении Запада и Китая к идеалам верховенства права и его международным последствиям может ограничить усилия Китая по обеспечению международной поддержки концепции «Общее будущее для всего человечества» (CSFM), которую китайские лидеры намеренно и усердно разрабатывают. Как подчеркивают авторы, «на протяжении более семидесяти лет страны разрабатывали юридические соглашения для продвижения общих целей и идеалов». «Будут ли государственные и негосударственные субъекты готовы в значительной степени сократить содержание международного права, чтобы способствовать более строгому соблюдению», – задают вопрос влиятельные представители науки международного права США. Такой подход согласуется со стремлением Китая к децентрализации международного права (р. 112);

3) судебное правоприменение и толкование международного права национальными судами Китая (автор – Бьорн Ал). В дополнение к обзору научных трудов и анализу законодательства, Б. Ал представил новые базы судебных решений с открытым доступом для анализа ряда международных договоров в различных областях международного права. Этот подход дает ему основание ответить на следующие вопросы: какие международные договоры применяются судами в Китае; признают ли судьи верховенство национального законодательства или международного права в случаях коллизии положений; какие стандарты толкования применяются судьями при толковании международных договоров. Кроме того, на основе этих документов автор показывает, как китайские суды следуют глобальным тенденциям применения международного права в национальных судах и насколько избирательно китайские судьи адаптируют международно-правовые нормы или участвуют в международном правотворчестве. По мнению Б. Ал, анализ судебных решений позволяет «наблюдать кажущуюся противоречивой динамику в применении международного права в национальном законодательстве Китая. Нет никаких признаков того, – пишет он, – что китайское правительство последует призывам ученых-юристов ввести общее правило о том, как международное право должно применяться во внутрисударственной правовой системе. Напротив, законодатель начал отменять нормы национального законодательства, предусматривающего прямое применение международных договоров при определенных условиях. Однако влияние этой тенденции на реальную судебную практику далеко не так очевидно» (р. 130). Как далее замечает автор, национальные суды Китая выработали практику прямого применения более 30 международных договоров к спорам об интеллектуальной собственности, международной торговле товарами, морской торговле и международными воздушными и железнодорожными перевозках, а также к судебной помощи в гражданских и уголовных делах. Однако суды, как правило, не применяют международные договоры, которые ограничивают деятельность исполнительных органов государства (Ibid).

Изучая практику китайских судов через призму инициативы «Один пояс и один путь», Б. Ал подчеркивает, что реализация этого проекта способствует распространению знаний о китайской

правовой и судебной системах. Однако возникает вопрос о том, могут ли различные формы транснационального судебного диалога эффективно способствовать продвижению неформального влияния китайских судов за пределами национальных границ, которое выражается в участии китайской судебной системы в международном нормотворчестве. Этот вопрос, по его мнению, остается открытым (р. 130).

Некоторые области государственной практики Китая. В части III, гл. 7–9 (авторы – Кэрри Шу Шан (Carrie Shu Shang), Вэй Шен (Wei Shen), Тимоти Уэбстер (Timothy Webster), Юнпин Сяо (Yongping Xiao) и Лэй Чжу (Lei Zhu)), исследуется практика функционирования китайского государства в трех классических режимах международного права: заключение договоров; государственный иммунитет и юрисдикция. Эти вопросы важны и своевременны, поскольку многие традиционные режимы международного права в последнее время претерпевают значительные изменения, и юристы-международники по всему миру задаются вопросом, как они будут развиваться. Более того, по мере того как Китай становится ведущей мировой державой, он, как замечают авторы, находится в процессе пересмотра своей традиционно консервативной политики в отношении классических международно-правовых режимов.

Рассматривая основные существующие теории международного договора, Кэрри Шу Шан и Вэй Шен приходят к выводу о том, что имеющихся подходов недостаточно для объяснения современной договорной практики Китая, и вносят предложения по легализации политики и политизации права. В связи с этим исследуются три категории выделяемых в КНР международных договоров: в области мира и безопасности, международного частного права, а также инвестиционные договоры. Авторы считают, что Китай легализует в международно-правовом поле внутрисударственную политическую повестку дня, с одной стороны, принимая на себя больше договорных обязательств, с другой – продвигает свою транснациональную политическую повестку дня и постепенно повышает свою роль в международно-правовом нормотворчестве за счет более активной практики заключения международных договоров (р. 133–160).

Подход Китая к государственному иммунитету. Тимоти Уэбстер, изучая данный вопрос, прежде всего обращается к оценке сложившейся глобальной ситуации с государственным иммунитетом. С одной стороны, утверждает он, абсолютный иммунитет по-прежнему достаточно широко признается и распространен в развивающихся странах, однако, с другой – не все западные государства отказались от доктрины абсолютного иммунитета, хотя в большинстве своем придерживаются идеи относительного иммунитета. Это, в частности, означает, что доктрина относительного иммунитета не является сегодня «абсолютной». В этом контексте автор рассматривает политику и практику государственного иммунитета Китая, в том числе разбирательства и дела, в которых Китай принимал участие. Исходя из этого, Т. Уэбстер приходит к выводу, что Китай вряд ли откажется от своей традиционной политики абсолютного иммунитета. Тем не менее небольшие изменения в данном вопросе могут возникнуть в связи с возможными новыми обстоятельствами, с которыми столкнется Китай. Ввиду этого особое внимание Т. Уэбстер сосредоточивает на проекте закона об иммунитете иностранного государства, внесенного на рассмотрение в ВСНП в конце 2022 г. (р. 161–180).

Экстерриториальное применение национального законодательства. Авторы, рассматривающие этот вопрос – Юнпин Сяо и Лэй Чжу, отмечают, что принцип экстерриториальности часто напоминает китайцам об истории Китая, в которой могущественные западные государства попирали ее суверенитет, применяя свои законы на китайской территории в XIX и начале XX вв. Поэтому Китай уже давно критически относится к экстерриториальному применению национального законодательства. Однако эта политика начала понемногу меняться в эпоху Си Цзиньпина, когда Китай принял ряд законов, разрешающих экстерриториальное применение китайских законов. К ним относятся Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и других мер (the Rules on Counteracting Unjustified Extraterritorial Application of Foreign Legislation and Other Measures (2021)) и Закон о борьбе с иностранными санкциями (Anti-Foreign Sanctions Law (2021)). Фактически, в 2019 г. Председатель Си Цзиньпин призвал ускорить создание правовой системы экстерриториального применения

национальных законов. В связи с этим автор сосредоточивает внимание на том, как Китай осуществляет экстерриториальную юрисдикцию, основанную на «доктрине воздействия» («effect doctrine»), которая, по его мнению, является наиболее противоречивой правовой основой для экстерриториальности. На примере дел, связанных с «одиозными географическими картами» («offensive maps»), защитой морской среды и запретом монополий, авторы комментируют соответствующие правовые положения и практику их применения китайскими органами исполнительной и судебной власти (р. 181–199).

Китайское право, международный мир и безопасность (часть IV, гл. 10–12; авторы – Чжисюн Хуан (Zhixiong Huang) и Яохуэй Ин (Yaohui Ying), Конгьян Цай (Congyan Cai), Ифэй Ван (Yifei Wang), Дань Чжу (Dan Zhu). Прежде всего подчеркивается, что сегодня международное сообщество обращает пристальное внимание на ту роль, которую играет Китай в поддержании международного мира. КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН, а также выступает (потенциальным) участником споров, которые могут перерасти в угрозу международному миру. В этом контексте, авторы рассматривают подход Китая к принципу законности в случае применения силы в международных отношениях и в военных конфликтах. В связи с этим большое внимание они уделяют анализу вклада КНР в развитие международного антитеррористического законодательства, в том числе через участие в работе Совета Безопасности ООН, роли КНР в правотворческой деятельности на международном уровне в качестве ведущего участника Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г. В этой части книги предпринята попытка переосмыслить взаимосвязь между борьбой с терроризмом и защитой прав человека, дать оценку последствий применения китайской нормативно-правовой базы по борьбе с терроризмом и связанных с ней мер по защите прав человека в Китае. Кроме того, исследуются отношение Китая к сфере международного уголовного права, факторы, оказывающие на него влияние, а также перспективы и динамика деятельности Китая в вопросах международного уголовного права (р. 203–257).

Политико-правовая система Китая и международное право в области прав человека (часть V, гл. 13–15; авторы –

Жуйцзюнь Дай (Ruijun Dai), Цинцзян Конг (Qingjiang Kong), Шуай Го (Shuai Guo), Биньсинь Чжан (Binxin Zhang)). Эта часть книги посвящена актуальным аспектам международного права, ориентированного на человека, вопросам отношения политико-правовой системы Китая к международному праву в области прав человека, универсальному правовому регулированию в области здравоохранения и международному гуманитарному праву. Авторы отмечают активную роль Китая в формировании международного правового дискурса в области прав человека, исследуют взаимодействие Китая с международными правозащитными механизмами, включая Универсальный периодический отчет (Universal Periodic Review), а также участие страны в специальных процедурах и работе международных органов, учрежденных по договорам в сфере прав человека (р. 261–283).

Большое внимание в этой части справочника уделяется проблеме соблюдения Китаем международного права в области здравоохранения в условиях пандемии COVID-19, а также после нее. Рассматривая «вопрос подотчетности», исследователи приходят к выводу, что Китай выполнил свои обязательства в соответствии с Международными медико-санитарными правилами ВОЗ 2005 г. Вместе с тем авторы признают, что нынешнее международное управление здравоохранением сталкивается с большими трудностями. В частности, они считают, что межгосударственное сотрудничество в сфере здравоохранения должно быть обязательным в соответствии с международным правовым регулированием в этой области и, следовательно, необходимо обеспечить более эффективное универсальное управление здравоохранением, выработать общую стратегию реагирования в случае возникновения международного кризиса в области общественного здравоохранения. Этот анализ дополняется формулировкой «китайского взгляда» на укрепление сотрудничества в борьбе с глобальными кризисами в области здравоохранения в форме обмена информацией, технологиями, поддержки развивающихся стран и глобальной системы мониторинга и помощи в области здравоохранения (р. 284–301). В центре внимания и такой важный аспект, как отношение политико-правовой системы Китая к актуальным проблемам международного гуманитарного права (р. 302–320).

Отношение Китая к вопросам международного права, касающимся экологии «среды обитания» (habitat) и глобального общего достояния человечества (часть VI, гл. 16–19; авторы – Ненге Лю (Nengye Liu), Тяньбао Цинь (Tianbao Qin), Бинью Лю (Bingyu Liu), Хайвэнь Чжан (Haiwen Zhang), Матиас Ванхуллебуш (Matthias Vanhullebusch). Китай, благодаря своей постоянно растущей технологической, экономической и военной мощи, как подчеркивают авторы, приобретает все большие возможности выходить в (открытое) море, в ближнее и дальнее космическое пространство, а государственная и частная деятельность страны оказывает значительное влияние на планету. В этом контексте Бинью Лю раскрывает правовые усилия Китая по сохранению биоразнообразия, а затем оценивается участие Китая в двух последних переговорах по глобальному управлению океанами – по биоразнообразию в районах за пределами национальной юрисдикции и по добыче полезных ископаемых глубоководных районов морского дна. При этом автор отмечает неоднозначную роль КНР в глобальном экологическом управлении как крупного источника выбросов, но также и основного производителя технологий использования возобновляемых источников энергии (р. 323–338).

Тяньбао Цинь и Бинью Лю представляют результаты исследования взаимодействия политико-правовой системы Китая с международным правом в области изменения климата. Авторы определяют два подхода к законодательству в области изменения климата: подход к управлению «сверху вниз», или ориентированный на государство; и подход, основанный на вовлечении многих заинтересованных сторон. В соответствии с каждым из подходов исследуется участие Китая в управлении глобальным изменением климата и дается анализ китайского законодательства в области изменения климата, зеленых инвестиций и иностранной помощи для борьбы с изменением климата, прослеживается управление изменением климата в стране на основании Парижского соглашения об изменении климата (р. 339–357). Подчеркивается, что сегодня Китай переходит от роли исполнителя международно-правовых норм к миссии позитивного участника дальнейшего развития международного права в сфере глобального изменения климата. Кроме того, Хэйвэнь Чжан и М. Ванхуллебуш представили обзор китайской практики в области международного морского

права, а также провели анализ нормативного воздействия политики Китая на управление космическим пространством (р. 358–394).

Позиция Китая по основным направлениям развития международного экономического права (часть VII, гл. 20–23; авторы – Цзяньюй Ван (Jiangyu Wang), Фрейя Баэтэн (Freya Baetens), Шэн Чжан (Sheng Zhang), Цзяньцян Не (Jianqiang Nie), Бинь Гу (Bin Gu). Тот факт, что в настоящее время Китай широко признан ведущей мировой державой, обладающей огромным потенциалом для изменения международного порядка, традиционно возглавляемого Западом, в основном является результатом его поразительного экономического роста за последние четыре десятилетия. Авторы полагают, что Китай в значительной степени придерживается либеральных международных экономических правил, ведя переговоры и подписывая двусторонние, региональные и многосторонние экономические договоры и вступая в соответствующие международные экономические организации или вновь присоединяясь к ним. В последнее время Китай активно продвигает свою собственную экономическую программу, одной из основных целей которой является усиление его роли в формировании международно-правовых норм. В этом контексте, Цзяньюй Ван предлагает аналитическую систему, основанную на принципе «соответствие общим требованиям вместо встраивания в чужой уклад». Этот подход позволяет понять, как Китай, будучи второй по величине торговой державой в мире, действует в сфере международной торговли и международного экономического права. По мнению этого исследователя, в период реформ и открытости (с 1978 г. по настоящее время) в том, что касается соблюдения законодательства о международной торговле, Китай всегда придерживался нормативного правового порядка и был ответственной державой, ориентированной на сохранение статус-кво в международной экономической системе. Параллельно Китай также придерживается инструменталистского подхода к праву международной торговли, проводя прагматичную внешнеторговую политику, направленную на достижение баланса между либерализацией торговли и протекционизмом на основе продуманного использования инструментов промышленной политики и нетарифных барьеров для поддержки отдельных отраслей отечественной промышленности (р. 397–422).

В последние десятилетия международное инвестиционное право претерпевает глубокие трансформации, и это делает особенно актуальным изучение того, как Китай, являясь вторым по объему поступающих в страну иностранных инвестиций и страной происхождения международных инвестиций, а также вторым по величине участником инвестиционных договоров, обращается к институтам и нормам международного инвестиционного права. В связи с этим Ф. Баэтэн и Шэн Чжан анализируют внутригосударственную правовую базу Китая в области международных инвестиций и эволюцию китайских инвестиционных договоров. За этим анализом следует исследование того, как иностранные инвесторы используют инвестиционные договоры для оспаривания действий китайского правительства, а китайские инвесторы заявляют о своих правах по инвестиционным договорам к иностранным правительствам. Затем рассматривается позиция Китая и его предложения по реформированию международного инвестиционного права с точки зрения материально-правовых норм и механизма урегулирования споров между инвесторами и государством. Кроме того, авторы оценивают приверженность Китая многостороннему подходу к правовому регулированию в сфере инвестиций и его вклад в развитие международного правового регулирования в этой сфере, индивидуально и коллективно выступая за новые инициативы, например, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. По мнению Ф. Баэтэн и Шэн Чжан, Китай обладает потенциалом стать важным участником международного нормотворческого процесса в области международного инвестиционного права (р. 423–449).

Внимание Цзяньцян Не сосредоточено на вопросах интеллектуальной собственности (ИС). ИС долгое время была основным источником экономических споров между Китаем и развитыми странами, особенно Соединенными Штатами. В работе исследуется китайская юридическая практика, связанная с защитой ИС, в том числе китайское участие в международных институтах по охране ИС, ведение переговоров по международным договорам в области ИС и выполнение КНР своих международных обязательств. Цель авторов – определить, стал ли Китай уважаемым представителем в международных отношениях и в развитии международного права интеллектуальной собственности и ответственным

участником международной системы интеллектуальной собственности или, напротив, нарушителем норм. Также рассматриваются проблемы, стоящие перед Китаем в связи с выполнением международных правовых обязательств в этой области; представлен анализ концептуальных вопросов, а именно – эволюция китайской концепции прав ИС и их защиты в соответствии с международным правом, роль Китая в переговорах по договорам в области ИС. Исследование показывает, как Китай изменил свою роль с пассивного соблюдения международных норм на активное участие в переговорах и выработку нормативного правового регулирования. Кроме того, рассматривается вопрос о том, добросовестно ли Китай выполняет свои обязательства в области интеллектуальной собственности. Наконец, предлагается анализ опыта разрешения споров, связанных с международной интеллектуальной собственностью, разъясняется отношение Китая к международному урегулированию споров в области ИС (р. 450–475).

Бинь Гу оценивает усилия Китая по изменению нынешнего международного финансового (право)порядка. Сначала автор дает определение понятия «китайский многосторонний подход» в рассматриваемой области, и описывает работу Китая над реформой МВФ и Всемирного банка. Кроме того, анализируются инициативы Китая, такие как создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития и Центра многостороннего сотрудничества по финансированию развития. Автор раскрывает суть китайского телеологического метода толкования в международном финансовом праве в контексте всеобъемлющей концепции «китайской многосторонности» в этой области (р. 476–49).

Подход Китая к урегулированию международных споров (часть VIII, гл. 24–25; авторы – Игнасио де ла Расилья (Ignacio de la Rasilla), Яйези Хао (Yayezi Hao), Синьцзюнь Чжан (Xinjun Zhang), Сиди Чэнь (Xidi Chen). Внимание И. де ла Расилья и Яйези Хао сосредоточено на асимметричном подходе Китая к современным международным судам и трибуналам, на специфике отношения китайского режима с существующими судебными и квазисудебными механизмами разрешения международных споров. В частности, используя трехуровневую градацию, они стремятся раскрыть китайский подход к постепенному переходу от прямого неприятия правовых методов урегулирования отдельных между-

народных споров к методам (формам взаимодействия), получившим в последнее время более широкое признание в определенных контекстах. Среди них: первый отражает отношение Китая к международным судебным разбирательствам и включает анализ незначительного смягчения традиционной для Китая стратегической отстраненности от международных судебных систем в общем публичном международном праве, международном уголовном праве и международном праве прав человека. Второй – углубление взаимодействия Китая с судебными системами в области права международной торговли, международной коммерции и инвестиционного права. Третий – попытки Китая приспособиться к судебным механизмам урегулирования споров в морском праве и в новых областях международного права. Авторы расширяют предложенную классификацию, рассматривая исторические и современные подходы, лежащие в ее основе. Так, асимметричный и зависящий от конкретного режима регулирования подход Китая к международному судебному разбирательству развивается в отношении основных политических инициатив Китая, включая «Один пояс и один путь» (р. 497–521).

Синьцзянь Чжан и Сиди Чэнь исследуют практику и подходы Китая к внесудебным средствам предотвращения и урегулирования споров, а именно к переговорам, для разрешения особой категории международных территориальных споров – с подробным анализом как успешных, так и продолжающихся процессов разрешения территориальных и пограничных споров между Китаем и соседними странами, начиная с 1949 г. В первую очередь рассматривается урегулирование споров о сухопутных границах Китая, выявляются пиковые периоды успешной практики и освещается влияние геополитики на пограничную политику Китая, а также прошлое и настоящее территориальных споров между Китаем и Индией. Далее обращается внимание на островные споры Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в частности, рассматривается суть спора между Китаем и Японией по поводу островов Дяюйдао / Сенкаку. Данные вопросы исследуются как с процессуальной, так и с материальной точек зрения. Кроме того, авторы кратко описывают особенности позиции Китая по внесудебному рассмотрению споров, в разрешении которых КНР отдает предпочтение двусторонним переговорам с акцентом на важность

традиций и обычного права. Несмотря на наличие некоторых общих черт в подходе Китая к территориальным спорам в историческом измерении, Китай не рассматривает территориальные проблемы с чисто исторической или юридической точек зрения, гибкий подход, по мнению авторов, по-прежнему имеет первостепенное значение (р. 522–547).

Заключение

За последнее десятилетие международный правопорядок претерпел фундаментальные изменения, как и отношение к нему Китая и наоборот. С одной стороны, авторы книги признают, что Китай стал ведущей мировой державой, способной бросить вызов международному лидерству западных держав. С другой стороны, глобализация, основанная на либерализме, сталкивается с большими трудностями, о чем свидетельствует рост протекционизма. В условиях изменившегося международного ландшафта Китай предпринимает различные усилия для поддержания своего национального развития, одновременно повышая свою роль в международном правопорядке. Одним из основных направлений таких усилий являются китайские инициативы – «Один пояс и один путь» и «Общее будущее для всего человечества». Постепенно и поэтапно реализуя их, расширяя вовлеченность в эти инициативы различные государства мира, Китай не только завоевал доверие развивающихся стран, но и повышает свой международно-правовой авторитет, а также эффективность взаимодействия своей политико-правовой системы с международным правом во всех сферах и на всех его уровнях.

УДК 340.5

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.09

ГЛОТОВ С.А.¹ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ В КИТАЕ И РОССИИ (ОБЗОР ЕЖЕГОДНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА))

Аннотация. В данном обзоре рассматриваются публикации ученых-юристов из Китайской Народной Республики и Российской Федерации, опубликованные в ежегодниках № 5/2022 и № 6/2023 «Юридическая наука в Китае и в России»; исследуются различные вопросы правовой жизни двух стран с позиций национального и международного права.

Ключевые слова: Китай; Россия; сравнительное право; конституционное законодательство; верховенство закона; местное самоуправление; сельскохозяйственная кредитная кооперация; уголовно-правовая ответственность; штрафные санкции; экономические правонарушения.

GLOTOV S.A. Legal science in China and Russian Federation (Review of the annual publications of the Kutafin Moscow State Law University)

Abstract. This review explores the publications of legal scholars from China and the Russian Federation published in Yearbooks N 5/2022 and N 6/2023. Jurisprudence of science in China and Russia, the study of various issues of the legal life of the two countries from the perspective of national and international law.

Keywords: China; Russia; comparative law; constitutional legislation; rule of law; local self-government; agricultural credit cooperation; criminal liability; penalties; economic offenses.

¹ Глотов Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Глотов С.А. Юридические науки в Китае и России (Обзор ежегодников Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 136–146. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.09

С 2018 г. Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) на трех языках: русском, китайском и английском в одном издании выпускает новый научный журнал «Юридическая наука в Китае и в России». Председателем обширного по своему составу (24 человека, из них 12 – ученые из КНР) редакционного совета является ректор Университета Виктор Владимирович Блажеев, главными редакторами – Юрий Григорьевич Шпаковский, профессор кафедры экономического и природоресурсного права МГЮА, доктор юридических наук, профессор, и Пан Дунмэй, заведующая китайско-российского Центра сравнительного правоведения при Хэнаньском университете, почетный ученый «Хуанхэ», доктор юридических наук, профессор.

Журнал выходит ежегодно, и уже состоялись шесть выпусков, отражающих высокую динамику российско-китайских отношений, которые сегодня вышли на высокий уровень развития, активное сотрудничество двух стран в области образования и науки, партнерство в укреплении правовой базы дальнейшего широкомасштабного взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

«Сегодня и Китай, и Россия находятся на стадии реформ в политической, экономической и социальной сферах и, соответственно, ведутся социальные и правовые преобразования, – пишет в обращении к читателям Ю.Г. Шпаковский, – это, подчеркивает профессор, – будет учитываться в редакционной политике журнала» [2].

Ещё одну задачу журнала сформулировала Пан Дунмэй: «обеспечить его (журнал. – С. Г.) в качестве открытой и беспрепятственной коммуникационной платформы для академических юридических кругов двух стран» [10].

Познакомимся с содержанием ежегодника 2022 г. – № 5 и № 6, вышедшего в 2023 г.

Содержание журнала № 5 охватывает следующие темы:

– правовое обеспечение развития агропромышленного комплекса в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, включая фактор как государственного, так и частного, кооперативного секторов;

– эффективность прокурорской деятельности, в том числе место и роль прокуроров в судебном процессе;

– противодействие терроризму, защита государственных интересов и законных интересов граждан в ходе борьбы с терроризмом;

– биоправо и биоэтика; ответственность за вред, причиненный здоровью граждан генной инженерией и в процессе оказания высокотехнологичных медицинских услуг;

– социализация лиц с ограниченными возможностями здоровья в России и Китае;

– правовая охрана авторских прав в условиях развития креативных индустрий.

На страницах этого ежегодника рассматриваются также вопросы верховенства закона в деятельности органов местного самоуправления в КНР; совершенствования форм и методов административно-правового регулирования незаконной миграции населения; проблемы межкультурного профессионального общения представителей правовых культур России и КНР; языковая политика в странах, участвующих в освоении мегагеографического экономического транспортного маршрута «Один пояс и один путь».

Рассмотрим одну из статей, опубликованную в № 5 2022 г., которая, с нашей точки зрения, поднимает важную и актуальную тему, отраженную в ее названии – «Юридические модели сельскохозяйственной кредитной кооперации России и Китая». Ее автор – Н.П. Воронина, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета им. О.Е. Кутафина.

Н.П. Воронина довольно подробно характеризует досоветский и советский опыт развития кредитной кооперации в СССР, России, а затем переходит к вопросам правового регулирования на современном этапе российских реформ и в сравнительном аспекте описывает работу аналогичных структур в КНР. Автор справедливо отмечает, что в Китае кооперативное движение широко распро-

странено, активно развивается, имеет программную основу и направлено не только на модернизацию самого сельскохозяйственного производства, но и деревни, где по-прежнему живет значительное число жителей страны и осуществляется процесс воспитания нового типа крестьянина для развития аграрной экономики [1, с. 18]. В 2002 г. Закон КНР о сельском хозяйстве был дополнен статьей о кооперативах, которая расширила их специализацию. Так, кроме так называемых «чистых» кооперативов, в Китае существуют смешанные акционерно-кооперативные общества (аналог российских народных предприятий). Автор солидаризируется с мнением ряда ученых из Алтайского края в вопросе о том, что в кооперативном секторе КНР представлены разные типы кооперативов, и они претерпевают позитивное развитие, в том числе в направлении создания платформ «электронной торговли», позволяющих не только обеспечить финансирование, но и получить связь фермеров – членов кооперативов с клиентами¹.

Особенностью развития кооперативного движения в Китае является и то, что сельскохозяйственная кооперация с помощью права позволяет крестьянам превращать свои права землепользования как коллективной формы собственности в доли в сельскохозяйственных предприятиях или кооперативах, а также быть освобожденными от сельскохозяйственного налога и даже, в ряде случаев, от налога на добавленную стоимость (например, если крестьянин реализует свою продукцию без посредников).

Государство обращает внимание на создание новых сельскохозяйственных эколого-ориентированных кооперативов и большое внимание уделяет льготному кредитованию кооперативного сектора экономик.

Автор выявляет сходство и различия в правовом статусе и практической деятельности сельскохозяйственных кредитных кооперативов (СКК) в КНР и России и приходит к выводу о «наличии подобной правовой и социально-экономической природы сельскохозяйственных кредитных кооперативов, функционирую-

¹ Долгих О.С., Вахнина Т.Н., Башкатова В.Я. Современное развитие кооперативного сектора экономики в странах Восточной Азии // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 5, ч. 3. – С. 52.

щих в целях финансовой взаимопомощи своих членов на основе кооперативных принципов» [1].

Н.П. Воронина выделяет характерные признаки юридической модели СКК в КНР, в том числе: наличие специального законодательства о сельских кредитных кооперативах; сочетание мощной господдержки СКК с их хозяйственной самостоятельностью; активное вовлечение граждан в ее деятельность в целях сокращения безработицы в стране; укрепление продовольственной безопасности; повышение благосостояния населения; развитие сельскохозяйственной кооперации, малого и среднего бизнеса и др.

Вопросам верховенства закона в деятельности местного управления в Китайской Народной Республике посвящена статья китайских ученых Ха Шуцзюй и Чжан Юепин [8, с. 163, 173]. Опираясь на основы теории социалистического законодательства с китайской спецификой, авторы утверждают, что путь к реализации верховенства закона в местном законодательстве и управлении лежит через осознание местными законодателями разумной границы между соблюдением закона и свободой, а также баланса между правами и обязанностями, а также сочетания принципа верховенства закона с местными ресурсами, ценностными ориентирами и целями муниципального управления [7].

Отчасти это мнение авторов созвучно с изменениями, внесенными в 2020 г. в Конституцию РФ: в новой ч. 1.1. ст. 131 установлено, что «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления...», а в ч. 3 ст. 132 указывается на то, что «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». По мнению Ха Шуцзюй и Чжан Юепин, именно применение принципа верховенства права разрушило основы феодального общества Китая и позволило стране вступить на путь построения правового государства. По сути, региональный подход является расширенным продолжением концепции, основанной на верховенстве закона. При этом верховенство закона применительно к местным органам государственной

власти позволяет полностью мобилизовать местную инициативу и служит модернизации и преобразованию национальной системы верховенства закона [8, с. 164].

Авторы выделяют три этапа развития теории и практики местного законодательства в Китае – начиная с его феодального периода (местные органы власти полностью подчинялись центральному правительству, демонстрируя черты единой законодательной системы при абсолютизме), до современного, построения в стране социализма, общества среднего достатка, победившего бедность: 1) 1840–1949 гг. – начало процесса модернизации местного законодательства; 2) 1949–1978 гг. – от децентрализации к централизации; 3) 1979 г. – настоящее время: от централизации к децентрализации [8, с. 165–167].

В 2015 г. были внесены важные для развития местного управления изменения в Закон о законодательстве КНР, которые наделили законодательными полномочиями муниципалитеты, созданные в районах. Данный Закон был обнародован в 2000 г. Он регулирует сферу компетенции местного управления, законодательные процедуры и порядок контроля за разработкой и принятием местного законодательства со стороны центрального правительства.

Не оставляют без внимания Ха Шуцзюй и Чжан Юепин и проблемные вопросы, связанные с применением местного законодательства в Китае. Обусловлены они дисбалансом в экономическом, политическом и культурном развитии между различными территориями, в том числе из-за противоречий интересов между местными и центральными правительствами, и чрезмерной активности местных законодательных органов. Авторы статьи выделяют и такие негативные тенденции в регулировании вопросов местного управления, как авторитаризм и закрытость, отсутствие четкого ориентира на людей, неспособность решать реально существующие проблемы на местах и др., и подчеркивают, что «законодательные положения носят микроскопический характер и не всегда направлены на обеспечение интересов народа» [8, с. 168–169]. По их мнению, основой для издания и изменения местного законодательства в Китае стало развитие экономики. Именно в связи с этим центральное правительство делегировало значительные законодательные полномочия местным органам власти; харак-

тер предметов местного ведения постепенно изменяется в сторону интересов населения. Совершенствуя местное законодательство и делая его качественным, соответствующим национальным и местным интересам и отвечающим потребностям людей, местное управление может действительно достичь должного уровня, обеспечения принципа верховенства закона [8, с. 173].

Ежегодник № 6 2023 г. «Юридическая наука в Китае и России» содержит разделы: конституционное строительство; прокурорский надзор и судебная система; правовое регулирование промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики; экономическая безопасность; информационные технологии и право, а также репродуктивное право граждан в правовых системах России и Китая и современные коммуникационные проблемы научного общения.

Как видим, спектр обсуждаемой юридической материи довольно широкий.

Раздел «Конституционное строительство» открывает статья В.В. Комаровой «Общество сквозь призму конституционного законодательства России и Китая». Автор статьи – профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина, отмечает, что одной из тенденций развития конституционного законодательства сегодня является установление правового статуса самого общества, его институтов. «Как правило, – пишет автор, – речь всегда шла о коллективных субъектах общества: народе, жителях определенных территорий, общественных объединениях, политических партиях. Действующие конституции исследуемых стран не являются исключением, а наоборот, показывают политику государств в обозримом направлении» [5].

В.В. Комарова обращает внимание на то, что Конституция КНР не упоминает гражданское общество в своем тексте, но, тем не менее, устанавливает некоторые обязанности общества, наряду с государством по отношению пенсионеров (ст. 45), общественной собственности и общественных интересов и морали (ст. 24), общественного порядка и безопасности, необходимости реализации общественно-полезных дел (работ), например, в ст. 111.

Конституция КНР закрепляет основной субъект общества – народ, его группы – рабочий класс, крестьяне (ст. 1), коллектив (ст. 51), общественные объединения и политические партии (ст. 5)

и их статус (прямо или косвенно закреплен в ст. 36, 71, 91, 126). Конституционно установлены основные правомочия базового субъекта: народ управляет государством и хозяйственными, культурными и общественными делами различными способами, в различных формах и в соответствии с законом (ст. 2) [5].

Далее В.В. Комарова анализирует конституционно-правовое положение в Китае отдельных категорий граждан – детей и молодежи, семей, образовательную и культурную политику, взаимодействие местных и региональных властей, обязанности публичной власти и т.д. Автор приходит к выводу о том, что нормы Конституции РФ, как и нормы Конституции КНР, прямо и косвенно закрепляют основы общественной и государственной жизни страны. Это и основные субъекты – многонациональный народ России (ст. 3), общественные объединения и основы их правового статуса (ст. 13, 14, 30 и др.), основные направления политики страны и субъекты, ее формирующие (ст. 7, 80, 81), конкретные обязанности органов публичной власти (ст. 72, 84, 86) [5].

В статье В.В. Комаровой также затрагиваются вопросы реализации конституционной реформы в России в 2020 г., раскрываются ее основные положения [5]. С точки зрения автора, «современные вызовы и угроза, стоящие перед Китаем и Россией, ставят глобальные задачи, которые государства зачастую не могут решить надлежащим образом. Требуется концентрация сил и возможностей не только в самих государствах, но и сил внутри государства: индивидуальных и коллективных субъектов гражданского общества, развитие конституционно закрепленных целей и задач» [5]. Применительно к Российской Федерации речь идет о реализации Национальных целей развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденных Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309. Указ в качестве первоочередных целей определил: сохранение населения; укрепление здоровья и повышение благополучия людей; поддержка семей; реализация потенциала каждого человека; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления экономики и социальной сферы.

Если говорить о Китае, то главная цель развития страны на ближайшее время определены в решениях XX съезда Коммунистической партии Китая (октябрь 2022 г.) – завершение социалистической модернизации и превращение Китая в богатое демократическое социалистическое государство¹.

Рассматриваемый № 6 2023 г. журнала «Юридическая наука в Китае и России» содержит также ряд материалов, затрагивающих уголовно-правовые темы. Это статьи: Ван Ли и Чэнь Минхуэй [2] о практике применения штрафных санкций за экономические правонарушения; Хоу Пэн [9] о преступлениях, совершенных в области незаконной предпринимательской деятельностью, в уголовном праве Китая и судебной практике по данному виду преступлений; Сюй Вэньчао [7] о преступлениях, связанных с торговлей людьми, в частности с продажей похищенных женщин и детей в Китае.

В рассматриваемом номере журнала представлены также статьи: Яо Санс-сен и Чжан Яо-юань, исследующих вопросы доказывания в отношениях по поводу имущества, связанного с бандитизмом, прекращения преследования и др. [12]. Шан Хаовен и Лу Цзин в своей статье затрагивают проблему усиления уголовно-правовой ответственности за преступления, совершенные на китайских предприятиях [11].

В этом же номере анализируемого нового журнала МГЮА одна из публикаций посвящена такой теме, как репродуктивные права граждан в правовых системах России и Китая. Это статья Н.С. Ищенко, кандидата юридических наук, доцента кафедры общественного здоровья и здравоохранения Медицинского университета (Белоруссия), – «Суррогатное материнство: мировой опыт и правовое регулирование». Автор исследует вопросы репродуктивных технологий как на национальном, так и на международном уровнях, позитивные и негативные аспекты деятельности в данной сфере. Описываются различные ограничения в рассматриваемой сфере, например, выбор пола, факторы, влияющие на качество, уровень здоровья и продолжительность жизни человека. Применительно к Белоруссии, вспомогательные репродуктивные техноло-

¹ Магдалинская Ю. Компартия Китая идет в будущее // Магдалинская Ю. Компартия Китая идет в будущее // Дыхание Китая. – 2022. – 10 ноября, № 254. – С. 8.

гии (ВРТ) используются в медицинской практике, в том числе, как «необходимость обеспечения вспомогательного исключительного характера применяемых методов, как следствие, допуска к ВРТ лишь определенной категории субъектов» [4].

Таким образом, анализ даже некоторых номеров нового журнала, издателем которого являются Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), отражает современную политико-правовую тенденцию разворота науки и образования на изучение юриспруденции таких крупных и ведущих экономически развитых государств, как КНР – страны, которая уважает и ценит, как и Россия, свои традиции и культуру. Сравнительный анализ правовых систем России и Китая, предпринятый учеными обеих стран в номерах этого журнала, дают возможность лучше узнать друг друга и строить юридически грамотные пути эффективного международного сотрудничества.

Список литературы

1. Воронина Н.П. Юридические модели сельскохозяйственной кредитной кооперации в России и Китае // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2022. – № 5. – С. 8–20.
2. Ван Ли, Чэнь Минхуэй Практика применения штрафных санкций за экономические правонарушения, определенные в Гражданском кодексе КНР // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 50–60.
3. Ищенко Н.С. Суррогатное материнство: мировой опыт и практика правового регулирования // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 164–172.
4. Комарова В.В. Общество сквозь призму конституционного законодательства России и Китая // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 6–11.
5. Османова Д.О. Договор суррогатного материнства: правовая квалификация и отдельные элементы содержания // Юридические науки в Китае и России: ежегодник. – 2022. – № 5. – С. 113–120.
6. Сюй Вэньчао. О преступлениях, связанных с продажей похищенных детей, в уголовном праве Китая // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 78–86.
7. Ха Шуцзюй, Чжан Юебин. Принципы верховенства закона в местном управлении в КНР: теория и практика // Юридические науки в Китае и России: ежегодник. – 2022. – № 5. – С. 163–173.

8. Хоу Пен. Преступления, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью в уголовном праве Китая: законодательство и судебная практика // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 60–73.
9. Шпаковский Ю.Г., Пан Дуимэй. Слово к читателям // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2022. – № 5. – С. 5.
10. Шан Хаовен, Лу Цзин. Обзор и перспективы реформы уголовно-правового комплекса на китайских предприятиях // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 96–108.
11. Яо Санс-сен, Чжан Яо-юань. Бремя доказывания в отношении имущества, связанного с бандитизмом: прегрешения преследования и регулирования // Юридическая наука в Китае и России: ежегодник. – 2023. – № 6. – С. 108–118.

АЛЕШКОВА И.А.¹ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИТАЕ (Статья)

Аннотация. Рассматривается формирующаяся в Китае модель государственного экологического управления. Анализируются точки зрения ученых-правоведов на развитие государственного экологического управления, способствующего достижению устойчивого экономического и социального развития и гармонии между человеком и природой. Раскрывается современное понимание концепция экологической цивилизации, которая имеет решающее значение для развития современной модели государственного экологического управления в Китае.

Ключевые слова: экологическое управление; охрана окружающей среды; государственное управление; рациональное природопользование; экологическая цивилизация; Китай.

ALESHKOVA I.A. Features of the modern model of state environmental management in China (Article)

Abstract. The article examines the integrative model of state environmental management that is being formed in China. It analyzes the views of legal scholars on the development of state environmental management that contributes to achieving sustainable economic and social development and harmony between man and nature. It reveals a modern understanding of the concept of «ecological civilization», which is of decisive importance for the development of an integrative model of state environmental management in China.

¹ Аleshkova Ирина Александровна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

Keywords: environmental management, environmental protection, public administration, rational use of natural resources, ecological civilization, China.

Для цитирования: Алешкова И.А. Особенности современной модели государственного экологического управления в Китае (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 1. – С. 147–161. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.10

Введение

В научной литературе вопрос о государственном экологическом управлении является одним из актуальных. Обусловлено это тем, что создание эффективного экологического управления – многоаспектная задача, приоритетная во многих государствах мира. В целях обеспечения гармонизации интересов человека и природы, согласования социальных, экологических и экономических потребностей механизм государственного экологического управления последовательно модернизируется. При реформировании государственного экологического управления существенное значение уделяется национальным целям развития государства и общественным интересам.

Особый интерес вызывает модернизация государственного экологического управления Китая, в основе которой лежит концепция экологической цивилизации, основанная на принципах экологической безопасности, достижения устойчивого экономического и социального развития, гармоничного сосуществования человека и природы, поддержки «зеленого» развития, популяризации концепции «зеленой экономики» и др.

Для создания такой «цивилизации» Китай последовательно и новаторски совершенствует механизм государственного экологического управления, представляющий собой комплекс правовых, организационных и экономических мер, решает проблемы, связанные с экологическими рисками, определяет критерии оценки экологического управления, внедряет цифровые технологии в природоохранную и природоресурсную деятельность и др.

Корректировка государственного экологического управления в Китае реализуется планомерно и системно. В 2013 г. Государ-

ственный совет Китая издал план по предотвращению загрязнения воздуха¹. 25 апреля 2014 г. была принята новая редакция Закона «Об охране окружающей среды в Китайской Народной Республике» 1989 г., который расширил полномочия органов публичной власти в области государственного экологического управления². В 2018 г. были внесены поправки в Конституцию Китая 1982 г.³, ставшие предпосылкой не только для более эффективного внедрения в законодательство и практику концепции экологической цивилизации, но и реформирования в системе государственного экологического управления. В преамбуле Конституции Китая «экологическая цивилизация» определяется как форма развития наряду с духовной и социальной; в п. «f» ст. 89 Конституции Китая закреплено полномочие Государственного совета по руководству и управлению в сфере экономики, городского и сельского строительства, построения экологической цивилизации. В 2020 г. Верховный народный суд Китая представил толкование по вопросам, касающимся судебной защиты окружающей среды⁴. Рассмотрим изменения, которые произошли за последние годы в Китае в области экологического управления.

Новый подход Китая к управлению охраной окружающей среды: интегративная модель. Долгие годы урбанизация и быстрое экономическое развитие Китая сопровождалось серьез-

¹ Цит. по: Zhao Yang, Kim Beomsoo. Environmental Regulation and Chronic Conditions: Evidence from China's Air Pollution Prevention and Control Action Plan // Journal International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, N 19. – P. 1–17.

² См.: Закон «Об охране окружающей среды в Китайской Народной Республике». – URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/201404/t20140425_271040.shtml (дата обращения: 11.11.2024).

³ См.: Конституция КНР (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 04.12.1982 (с поправками 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг.)). – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 19.10.2024).

⁴ См.: Решение Верховного народного суда Китая о внесении изменений в «Положение Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся гражданской посреднической работы народных судов» и другие 19 судебных толкований гражданских дел. – URL: <https://www.waizi.org.cn/doc/97802.html> (дата обращения 11.11.2024).

ным ухудшением состояния окружающей среды. Специалисты выделяют две основные причины этого негативного процесса: доминирование экономических интересов в области национального развития и большое потребление ресурсов¹.

Для решения экологических проблем одним из ключевых направлений деятельности стало создания концепции экологической цивилизации, которая представляет собой долгосрочный план действий по переходу Китая к устойчивому развитию, сопровождающийся как изменениями экологического законодательства, так и изменениями в системе государственного экологического управления². Суть данной концепции – обеспечение устойчивого развития, баланс социальных, экономических и экологических интересов – гармоничное сосуществование человека и природы. В целях реализации этой концепции Китай стремится развивать справедливую, разумную и взаимовыгодную глобальную систему экологического управления, объединять усилия с другими странами для построения общего будущего человечества, привносить «китайскую мудрость» в глобальное управление окружающей средой³.

Условно современную китайскую модель государственного экологического управления можно охарактеризовать как интегративную, т.е. обеспечивающую, во-первых, достижение цели устойчивого экономического и социального развития с целью гармонии между человеком и природой; во-вторых, взаимосвязь правовых, экологических и экономических средств при помощи кото-

¹ См.: Have Cities Effectively Improved Ecological Well-Being Performance? Empirical Analysis of 278 Chinese Cities / Jing Bian, Yu Zhang, Chenyang Shuai, Liyin Shen, Hong Ren, Yuanping Wang // Journal of Cleaner Production. – 2020. – Vol. 245. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652619337837> (дата обращения 30.10.2024).

² См.: Ма Синь. Экологическая цивилизация и ее построение посредством права в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5. – С. 130–136; Тен Ясинь. Становление и развитие экологического права в Китае // Хозяйство и право. – 2024. – № 8. – С. 85–98; Чэнь Гуйсинь. Концепция экологической цивилизации в Конституции КНР // Российский судья. – 2024. – № 9. – С. 51–55.

³ Политика и действия Китая по борьбе с изменением климата. – 27.10.2021 г. // Правительство Китая (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/27/content_5646697.htm (дата обращения 30.10.2024).

рых осуществляется обеспечение общественных и национальных интересов; в-третьих, объединение усилий государства и гражданского общества в сфере охраны и защиты окружающей среды. Особенности этой модели являются согласованное применение международных и национальных экологических принципов, а также принципов социально-экономического развития. Кроме того, неуклонное следование при осуществлении государственного экологического управления таким принципам, закрепленным в ст. 5 Закона КНР об охране окружающей среды, как приоритет охраны окружающей среды; особое внимание к предотвращению, возникновению и увеличению экологических проблем; комплексное экологическое управление; поддержка участия общественности в решении экологических проблем и неотвратимая ответственность за экологический вред (ущерб), позволили обеспечить реализацию системного и комплексного экологического управления.

Среди правовых установок в области охраны окружающей среды как системообразующие можно выделить следующие принципы: предосторожности, рационального природопользования, предотвращения экологического риска, комплексности при формировании системы экологического управления, согласованного использования эколого-экономического инструментария, предотвращения и возмещения экологического вреда (ущерба), принцип постоянного экологического контроля за загрязнением окружающей среды и др. Все указанные принципы взаимосвязаны и направлены на укрепление правовых гарантий обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности.

Специфической особенностью современной модели государственного экологического управления является доминирование обязанности охранять и защищать окружающую среду, которая адресована ко всем без исключения, и определение как приоритетного общественного экологического интереса. Соответственно, в Китае много внимания уделяется наряду с юридической ответственностью и социальной ответственности. Государство призывает активно и эффективно решать экологические проблемы с помощью различных механизмов и средств, включая правовые, социальные, административные, рыночные и др.

По мнению китайских ученых: Сюй Ли, доктора политических наук, доцента Института марксизма Восточного Китая Уни-

верситета политических наук и права (Шанхай), и Хайянь Сюй, доктора юридических наук, профессора Института политических наук Китайской академии общественных наук (Пекин), экологическое управление – системное проектирование, затрагивающее одновременно множество аспектов экологической среды; оно обладает чертами внешнего выражения, межрегиональности и распространения. Соответственно, полагают авторы, «нет стандартного пути, нет смысла в копировании и слепом заимствовании, следовательно, необходимо учитывать конкретные условия, обстоятельства и непрерывно исследовать, практиковать»¹.

Китайские специалисты отмечают, что законодательство об охране окружающей среды имеет много комплексных институтов и правовых режимов, которые в совокупности оказывают существенное влияние на сохранение целостности конструкции «экономика – ресурсы – окружающая среда – общество» и этот момент важно учитывать при осуществлении государственного экологического управления².

Интегративная модель государственного экологического управления Китая предполагает включение в деятельность по охране и защите окружающей среды не только органов публичной власти всех видов и уровней, но и многочисленные институты гражданского общества, в том числе и общественные организации (объединения). Участие общественности в управлении окружающей средой означает вовлеченность различных институтов гражданского общества в принятие решений по вопросам окружающей среды и их активность в защите экологического общественного интереса. Целями включения общественности в управление окружающей средой являются: содействие эффективному осуществлению полномочий органами публичной власти; повышение уровня экологической культуры и развитие экологических знаний, умений

¹ См.: Ли Сюй, Сюй Хайянь. Экологическое управление в Китае: состояние, проблемы, перспективы // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, вып. 9–2. – С. 4818. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54744420> (дата обращения 20.11.2024).

² См.: Environmental and Resource Protection Law / Ke Zhou, Luozhi Yi, Xinjian Su, Youhai Sun. – Palgrave Macmillan, 2023. – 312 p.

и навыков; содействие административным органам в осуществлении экологического контроля и др.¹

Проводимая органами публичной власти Китая оптимизация экологического управления направлена на формирование сплоченности и солидарности человека, общества и государства в решении экологических вопросов. Это создало основу для формирования трехмерных взаимосвязей: правительство ответственно, предприятия активны, а люди сознательны. Что касается отношений субъектов управления, государственное экологическое управление включает трехмерное партнерство между правительством и предприятиями, правительством и общественностью, а также активную роль общественных экологических организаций (объединений)². Такой подход позволил объединить общие усилия для обеспечения общего блага – экологической безопасности.

По мнению профессора А.П. Анисимова и доцента И.К. Волкова, «экологическая китайская цивилизация делает акцент на человеческом сознании и самодисциплине, подчеркивает взаимозависимость, взаимоусиление и сосуществование человека и природы»³.

Еще одной особенностью современной модели государственного экологического управления в Китае является то, что наряду с правовыми регуляторами в практику внедряется и эколого-экономическое регулирование. Средствами государственного экологического управления признаются также инструменты организационного и финансового обеспечения рационального природопользования. Такой подход способствует более конструктивно-

¹ Wu Jing, Chang I.-Shig. Environmental Management in China. – 2020. – P. 37–60. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-15-4894-9?page=2#toc> (дата обращения 10.11.2024).

² См.: Zeng Jie. Corporate Social Responsibility in China: A Tool of Policy Implementation // Accounting, Economics, and Law: A Convivium. – 2024. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ael-2022-0085/html> (дата обращения 16.11.2024).

³ Анисимов А.П., Волков И.К. Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права? // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2023. – № 48 (3). – С. 540–549.

му и результативному решению конкретных экологических проблем¹.

Экономический рост влияет на экологию, соответственно, взаимосвязанность экологической защиты и экономического развития является стратегической задачей при социально-экономическом планировании². От того насколько качественно и оперативно будет осуществлен переход на новые экологически чистые технологии и насколько будет результативным в социально-экономическом плане переход к «зеленой экономике» зависит достижение цели – создание экологической цивилизации. В связи с этим экономическое планирование и превентивные экологические меры, являются одними из приоритетных³.

Так, например, Китай, будучи государством с плановой экономикой, активно реализует установление целей экономического роста на различных уровнях государственного управления. При этом проекты планов экономического развития являются одним из объектов оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС). Для минимизации экологического вреда наряду с ОВОС используются и такие правовые инструменты, как экологическое нормирование, экологическое лицензирование и экологический контроль⁴. Кроме того, экономические инструменты регулирования природоохранных мероприятий в Китае в основном представлены различного

¹ См.: Evaluating urban ecological civilization and its obstacle factors based on integrated model of PSR-EVW-TOPSIS: a case study of 13 cities in Jiangsu Province, China / Di Wang, Yuman M. Li, Xiaodi Yang Zhiyuan, Shuangting Gao, Qianhan Zhou, Yue Zhuo, Xinchun Wen, Zhenyo Guo // *Ecological Indicators*. – 2021. – Vol. 133. – P. 1–18. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X21010967> (дата обращения 19.10.2024).

² См.: Exploring the Impacts of Spatial Regulation on Environmentally Sustainable Development: A New Perspective of Quasi-experimental Evaluation Based on the National Key Ecological Function Zones in China / Chaofan Chen, Wen-Bo Li, Lijuan Zheng, *Chenghua Guan* // *Sustainable Development*. – 2024. – Vol. 32, N 1. – P. 404–424.

³ См.: Does the Legacy of State Planning put Pressure on Ecological Efficiency? / Yu Hao, Jiangwen Huang, Yanxia Guo, and other // *Evidence from China. Business Strategy and the Environment*. – 2022. – Vol. 31, N 7. – P. 3100–3121.

⁴ См.: Ма Синь. Оценка воздействия на окружающую среду как правовая мера предупреждения экологического вреда по законодательству Китая // *Вестник Удмуртского ун-та*. – 2018. – Т. 28, вып. 2. – С. 240–245.

рода налогами экологической направленности, природоресурсными платежами и сборами, а также субсидиями, стимулирующими сокращение наносимого природной среде ущерба¹.

Следует также отметить, что за последние годы произошло важное изменение в системе эколого-экономического взаимодействия государства с хозяйствующими субъектами². В практику активно внедряется стимулирующее экологическое регулирование, как то: экологические налоги, зеленые субсидии, система разрешений и др. Особенно активно используется метод стимулирования хозяйствующих субъектов к переходу на «зеленые» технологии и «зеленые» инновации.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что совершенствование государственного экологического управления – это непрерывный процесс. В научной литературе исследователи обращают внимание на важность соблюдения хозяйствующими субъектами требований по защите окружающей среды и считают, что их важная задача – разработка и внедрение инновационных экологически чистых технологий³.

В условиях модернизации системы государственного экологического управления, интегративная модель признается не только оптимальной для согласования социальных, экологических и экономических интересов, но и порождает потребность в ее дальнейшем совершенствовании, в том числе и с учетом возможного использования цифровых технологий.

¹ См.: Савинский С.П. Эколого-экономическое регулирование в Китайской Народной Республике // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 793.

² См.: Wu Yu., Tham J. The Impact of Environmental Regulation, Environment, Social and Government Performance, and Technological Innovation on Enterprise Resilience under a Green Recovery // Heliyon. – 2023. – Vol. 9, N 10. – P. 1–18. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023074868> (дата обращения 30.10.2024).

³ См.: Research on the Cultivation of Green Competitiveness among Chinese Heavily Polluting Enterprises under Country/District Environmental Regulations / Tongjian Zhang, Jian-ya Zho, Rana Yassir Hussain, Min Wang, Kai Ren // Frontiers in Environmental Science. – 2022. – Vol. 10. – P. 1–14. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/environmental-science/articles/10.3389/fenvs.2022.955744/full> (дата обращения 10.11.2024).

«Превентивная» судебная практика и общественные инициативы как инструмент управления охраной окружающей среды в Китае. Китайские ученые, исследуя судебную практику по вопросам обеспечения экологических общественных интересов, отмечают, что она формируется медленно, но продуктивно.

Проведенный китайскими правоведами Гуйюэ Ло и Юаньюань Моу обзор пяти типичных дел способствовал выявлению исследователями трех моментов, которые судьи учитывают при разрешении дел, в которых затрагиваются экологические общественные интересы: принцип предосторожности; вероятность наступления существенных рисков, напрямую связанных с общественными интересами; доказанность вероятности возникновения существенных экологических рисков¹.

В научной статье Гуйюэ Ло и Юаньюань Моу отмечают, что у пяти дел: *Институт исследований окружающей среды «Друзья природы» против Компании «Yunnan CR Power (Xishuangbanna)»; Фонд сохранения биоразнообразия и экологии Китая против компании «Yalong Hydro»; Всекитайская федерация охраны окружающей среды против Группы планирования «Dezhou Jinghua»; Китайский фонд сохранения биоразнообразия и экологии против Горнодобывающей компании «Rongda» в графстве Миньцзинь; Институт исследований окружающей среды «Друзья природы», район Чаоян, Пекин, против Китайской национальной нефтяной группы компаний*, есть три общих элемента: 1) все иски поданы неправительственными организациями против экономических действий частных компаний; 2) решения по всем пяти делам первой инстанции были в пользу истцов; судьи постановили, что в этих делах существуют значительные риски; 3) все пять дел были длительными по срокам их рассмотрения². При этом в каждом из указанных судебных решений отмечается, что защита и профилактика должны быть приоритетом в управлении окружающей средой.

В делах *FN vs Yunnan CR Power* и *CBCGDF vs Yalong Hydro* общественные интересы были в форме уникальной ценности исчезающих видов и их среды обитания. В деле *CBCGDF vs Rongda*

¹ Luo Guiyue, Mou Yuanyan. New Practice of Environmental Governance in China // Chinese Journal of Environmental Law. – 2024. – Vol. 8, N 2. – P. 167–186.

² Цит. по: Ibid.

Mining общественный интерес существовал в уникальной экологической ценности среды обитания перелетных птиц и влияния на тропические леса и растения, находящиеся под национальной защитой. В деле *FN vs Yunnan Petrochemical*, общественный интерес включал защиту почвы и ресурсов грунтовых вод, а также здоровья человека¹.

Таким образом, отмечают Гуйюэ Ло и Юаньюань Моу, в делах, рассмотренных Верховным народным судом Китая, значительные риски напрямую связаны с общественными интересами. Такие риски требуют, чтобы определенное неправомерное действие причинило вред общественным экологическим интересам. По мнению авторов, посредством «превентивной» судебной деятельности экологическое управление в Китае, опираясь на принцип «нет вреда, нет средства правовой защиты», внедряет в практику принцип превентивной экологической защиты, предполагающий необходимость руководствоваться не только фактическими, но и вероятными экологическими рисками. Вместе с тем авторы статьи отмечают, что есть некоторые неясности в определении того, что следует считать существенными рисками, соответственно, практика в отношении идентификации существенных рисков остается неоднозначной, как и вопрос об разграничении существенных экологических рисков от прямых (непосредственных) и косвенных (опосредованных, предполагаемых) экологических рисков².

Анализируя потенциал общественных инициатив в экологическом праве и политике и проблемы, связанные с их реализацией практики Яун Шен и М.Г. Фор, отмечают, что раскрытие информации не только стимулирует индивидуальное поведение, связанное с экологической гражданственностью, но и может поощрять коллективные экологические действия. Например, авторы рассматривают информационную деятельность общественного движения, развернувшуюся против нефтехимического проекта параксилола (PX) в Сямыне (Китай). Посредством рассылки в социальных сетях и на телефоны информации о возможных неблагоприятных последствиях от работы нефтехимической компании и экологических рис-

¹ Ibid.

² Ibid.

ках общественное движение активизировало многих граждан подписать петицию против реализации проекта РХ¹.

Таким образом, посредством интерактивного взаимодействия было обеспечено выражение коллективного мнения против запуска проекта.

Перспективы развития интегративной модели экологического управления в Китае. Как отмечают исследователи, в последние годы наблюдается результативность государственного экологического управления Китая, основанная на концепции экологической цивилизации. Постепенно улучшаются экологические показатели²; модернизируются инструменты государственного экологического управления, направленные на сохранение промышленного роста, сопровождающегося сбалансированным развитием трех сфер – экономики, общества, окружающей среды³; растет число гражданских экологических инициатив; устанавливаются более жесткие требования, но при этом более прозрачные механизмы экологического контроля и др.

В аналитической записке «Политика Китая в области охраны окружающей среды», подготовленной кандидатом экономических наук Е.О. Заклязьминской, отмечается, что в «стране, которая накопила значительное количество экологических проблем посредством модернизации государственного экологического управления начали активизироваться усилия в области “зеленой” повестки. Увеличилась доля “зеленых” расходов в ВВП, в пятилетних планах появились “зеленые” задачи, экономический рост стал координироваться с сопутствующими экологическими

¹ Shen Yayun, Faure M. Behavioural instruments in environmental law and policy: Potential and challenges // Review of European, Comparative and International Environmental law. – 2024. – Vol. 33 (1). – P. 3–18. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/reel.12541> (дата обращения: 11.10.2024).

² Посредством реализации различных практик и инициатив, направленных на решение экологических проблем экологическая обстановка в Китае стабильно улучшалась в 2023 г. – См.: Синьхуа, новости. – 2024. – 06.06. – (на англ.) – URL: https://english.www.gov.cn/news/202406/06/content_WS66611e2dc6d0868f4e8e7dc9.html#:~:text=China's%20Ministry%20of%20Ecology%20and,across%20the%20country%20last%20year. (дата обращения: 11.11.2024).

³ Петушкова В.В. Опыт и перспективы устойчивого развития Китая // Вестник Российской Академии наук. – 2022. – Т. 92, № 4. – С. 384–393.

рисками, кроме того, по-прежнему ведется борьба с экологически опасностями, не связанными с антропогенным фактором»¹.

В 2024 г. было принято решение ЦК КПК «О дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации»². В нем акцентируется внимание на важность продолжения формирования экологической цивилизации, в том числе посредством совершенствования системы экологического управления, и необходимость придерживаться подхода, ориентированного на человека. То есть, очевидна нацеленность Китая на переход к новой эпохе высококачественного роста, в котором достижение устойчивого экономического и социального развития согласовывается с принципами гармонии между человеком и природой и рационального природопользования.

В этих целях 9 декабря 2020 г. Государственный совет Китая принял Положение об администрировании разрешений на выбросы загрязняющих веществ, которое устанавливает более усиленный контроль за предприятиями³. Анализируя эти нововведения, специалист в области экологического права Сихэн Чэнь обращает внимание на то, что китайская система разрешений на выбросы предусматривает набор общих обязательных требований на национальном и провинциальном уровнях, которые устанавливают общий подход к экологическим компромиссам. Эта система признается гибкой, так как позволяет органам, выдающим разрешения на осуществление хозяйственной деятельности, идти на экологические компромиссы в зависимости от конкретного случая⁴.

¹ Цит по.: Заклязьминская Е. Аналитическая записка «Политика Китая в области охраны окружающей среды». – 2024. – № 50. – С. 7, 8. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1ZKTLYnoznuXNlau2nyqVr2hQnTW8hzy/view> (дата обращения: 10.11.2024).

² См.: Решение ЦК КПК «О дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации» (на кит.). – URL: https://www.mfa.gov.cn/tus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html (дата обращения: 30.10.2024).

³ См.: Положение об администрировании разрешений на выбросы загрязняющих веществ» (принято на 117-м исполнительном заседании Госсовета 09.12.2020) (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5587653.htm (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ См.: Chen Xiheng. Towards an Integrated Environmental Permit in China: A Legal Study Based on EU Regulatory Experiences. – 2024. – P. 207.

В Китае продолжается совершенствование экологического управления окружающей средой посредством дальнейшего всестороннего развития реформ и продвижения концепции экологической цивилизации¹.

В перспективе в Китае планируется расширить возможности оценки рисков экологической безопасности; улучшить систему экологического мониторинга и раннего предупреждения экологических рисков и мер реагирования на них за счет использования цифровых технологий; углубить реформу правовой системы раскрытия экологической информации; принять экологический кодекс и др.² Открытость, инновации и сотрудничество являются в системе государственного экологического контроля принципами-концептами, на основе которых формируется построения экологически чистого и благополучного мира.

Подводя итог, следует отметить, что интегративная экологическая модель государственного экологического управления Китая, а также практика её применение и концепция экологической цивилизации Китая могут быть интересны для России.

Российские ученые А.П. Анисимов и И.К. Волков, рассматривая вопрос о приемлемости концепции экологической цивилизации Китая для России, отмечают такие ее особенности, как национальный менталитет и уровень экологической культуры, организация системы политического и государственного управления, региональная специфика среды обитания. Но самое важное то, что концепция не является абстрактной суммой представлений о взаимодействии природы и общества, а активно продвигается посредством принятия различных экологических законов, полностью «вписанных» в общий стратегический замысел руководства страны по реформированию экологических отношений. Применительно к России А.П. Анисимов и И.К. Волков предлагают разработать политико-правовой программный документ, похожий на китай-

¹ Сосредоточьтесь на построении прекрасного Китая и углублении реформы системы экологической цивилизации. (Партийная группа Министерства экологии и окружающей среды Коммунистической партии Китая) (на кит). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywdt/hjywnews/202411/t20241101_1093244.shtml (дата обращения: 30.10.2024)

² См.: Ibid.

скую концепцию экологической цивилизации, только ориентированный на особенности культурных и иных традиций народов Российской Федерации¹.

В современный период в связи с существующими глобальными экологическими вызовами идет большая работа по созданию новых и модернизации существующих инструментов способных решить многоаспектную задачу – обеспечение социального благополучия, экономического развития и надлежащей защиты окружающей среды. В каждом государстве формируются свои подходы и модели. Представляется, что это обстоятельство ставит перед исследователями, как минимум, несколько задач. Во-первых, определить, какие из принимаемых мер могут быть перспективными и продуктивными с учетом национальных особенностей. Во-вторых, выработать универсальные принципы, способные обеспечить согласованность социальных, экологических и экономических интересов. В-третьих, обосновать, какие меры экологического управления, являются наиболее эффективными в области охраны окружающей среды.

Заключение

Предложения ученых, изложенные в многочисленных научных трудах, позволяют думать, что концепция экологической цивилизации Китая направлена на обеспечение баланса социального, экологического и экономического аспекта в развитии китайского общества и государства. Принципы, составляющие основу указанной концепции, свидетельствуют о формировании интегративной модели государственного экологического управления, при которой происходит объединение в целое не только разнообразных правовых и эколого-экономических инструментов, но и взаимодействие всех уровней и видов экологического управления. Данная концепция, естественно, имеет китайскую специфику, обусловленную национальным менталитетом и особенностями государственного управления. Ее полноценная реализация – это нелегкий путь, но он реалистичен.

¹ См.: Анисимов А.П., Волков И.К. Указ. соч.

УДК 349, 340.50

DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.01.11

ГРОГОЛЬ А.Г.¹ НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА В КИТАЕ (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматриваются особенности государственного регулирования экологической сферы Китая, специфика государственного и корпоративного контроля за соблюдением экологических нормативов командой руководителей предприятий малого и среднего бизнеса, раскрываются теоретические концепции, направленные на повышение эффективности производства посредством распространения достоверной информации о состоянии окружающей среды, совершенствования экологического, социального и корпоративного управления, внедрения «зеленых» инноваций и инвестиций, проведения политики «зеленого» финансирования.

Ключевые слова: Китай; государственная политика; правовая охрана окружающей среды; право на благоприятную окружающую среду; команда высшего руководства, устойчивое развитие; экологическая сфера; экологическая безопасность; инвестиции; разглашение информации.

GROGOL A.G. New approaches to the development of environmentally oriented public and corporate governance and production in China (Review)

Abstract. The review examines the features of state regulation of the environmental sphere in China, the specifics of state and corporate

¹Гроголь Анастасия Георгиевна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

control over compliance with environmental standards by a team of managers of small and medium-sized businesses, reveals theoretical concepts aimed at improving production efficiency through the dissemination of reliable information about the state of the environment, improving environmental, social and corporate governance, the introduction of «green» innovations and investments, the implementation of a policy of «green» financing.

Keywords: China; public policy; legal protection of the environment; the right to a favorable environment; senior management team, sustainable development; environmental sphere; environmental safety; investment; disclosure of information.

Для цитирования: Гроголь А.Г. Новые подходы к развитию экологически ориентированного государственного и корпоративного управления и производства в Китае (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 162–171. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.01.11

Введение

Китай признают одной из ведущих стран мира с высокими показателями экономического роста. Тем не менее экологическая среда КНР находится до сих пор в «догоняющем» положении, что особенно подчеркивается и подтверждается политикой государственной власти, которая активно стимулирует переход модели экономического развития с экстенсивной на интенсивную. Как отмечают ученые, особое внимание Китай уделяет повышению качества атмосферного воздуха и, соответственно, снижению выбросов углерода и полноценному «оздоровлению» [1, р. 3053].

Государственная поддержка экологического развития промышленных предприятий малого и среднего бизнеса и «зеленые» инновации. Об активной государственной поддержке экологического развития страны свидетельствует включение концепции «Построение экологической цивилизации» в качестве главной цели КПК в Устав партии на 18-м Всекитайском съезде КПК 2012 г. При этом исследователи подчеркивают, что достижение гармоничного сосуществования человека и природы может быть достигнуто лишь при реализации концепции экологического роста и его сочетании с политическим, экономическим, социаль-

ным и культурным направлением, экологическим развитием промышленных предприятий малого и среднего бизнеса, ранее преимущественно ориентированных на экстенсивное производство. Признается, что фактически выбранный ранее способ развития экономики преследовал лишь коммерческие цели на макро- и микроэкономическом уровне, однако, ввиду перехода страны на новый уклад – экологическую цивилизацию, следует обратить внимание на «озеленение» производственной деятельности [3, р. 1–2].

Деятельность предприятий малого и среднего бизнеса приводит к более чем 50%-ному загрязнению атмосферного воздуха и окружающей среды в целом [1, р. 3053]. С учетом проведенного анализа авторы связывают такое негативное воздействие предприятий малого и среднего бизнеса на экологию с рядом объективных факторов.

Во-первых, для бюджета предприятий проведение мероприятий в рамках экологического мониторинга представляется затратным. Условия рыночной конкуренции в Китае основаны на принципе «низкие затраты, низкая цена и пониженная прибыль», однако предприятия малого и среднего бизнеса ввиду неконкурентоспособности по отношению к крупным предприятиям, ограниченности ресурсов и низкой производительности вынуждены стремиться к максимизации экономических выгод от производственной деятельности, что в конечном итоге приводит к нарушению экологических обязательств. По мнению авторов, осуществление экологически ориентированного производства представляется для малых и средних предприятий высокорискованной и экономически невыгодной задачей.

Во-вторых, негативный отпечаток накладывают государственные обременения, а также возникающий по этой причине разлад, который также затрудняет полноценный выход Китая на «экологические рельсы». По оценкам авторов, большое количество предприятий малого и среднего бизнеса получили государственное предупреждение или были привлечены к различным мерам ответственности за ненадлежащее отношение к окружающей среде. Даже после проведения государственных инспекций и наложения определенных санкций предприятия малого и среднего бизнеса не смогли изменить характер своей производственной деятельности.

В-третьих, применение «зеленых» инноваций на базе таких предприятий настолько затратное и времязатное, что с учетом государственного жесткого регулирования возрастает риск банкротства. При этом угроза банкротства, несостоятельности предприятия, нередко связана с операционным и финансовыми рисками, которые вызваны как внешними, так и внутренними (корпоративными) факторами.

В-четвертых, отмечается нехватка соответствующих кадров и специалистов по эффективному производственному внедрению и использованию «зеленых» ресурсов. Отсутствие необходимых знаний, умений и навыков о природосберегающем производстве, большие затраты, а также довольно длительный период окупаемости «зеленых» инвестиций негативно влияют на решимость предприятий нести ответственность за экологическую безопасность. Однако сам механизм внедрения инноваций в виде постоянного обновления и применения «чистых» технологий признается исследователями в качестве перспективного метода повышения эффективности использования производственных ресурсов и, как следствие, повышение конкурентоспособности и экономической эффективности предприятия [1, р. 3053–3055].

Идея постепенного перехода к экологически здоровому производству, как отмечают китайские исследователи, воспринимается государством и предприятиями на теоретическом уровне довольно положительно, однако на практике очевидно сильное отставание предприятий малого и среднего бизнеса по сравнению с крупными предприятиями, так как последние обладают необходимыми ресурсами для долгосрочных затрат на «зеленое» инвестирование и почти не испытывают трудности с преобразованием экологически ориентированного производства в эффективные показатели результативности. Под ресурсами авторы имеют в виду экологически ориентированную структуру организации, управленцев, людские ресурсы и др. [1, р. 3067].

Концепция устойчивого развития в сфере обеспечения экологической безопасности. В целях развития знаний, умений и навыков в области охраны окружающей среды, правительство Китая активно продвигает концепцию устойчивого развития в сфере обеспечения экологической безопасности. Так, защита окружающей среды, социальная сфера и управление (ESG) напрямую влия-

яют на применение «зеленых» инноваций при производстве, с пометкой их устойчивого характера. Под термином «устойчивая зеленая инновация» (SGI) авторы понимают готовность предприятий внедрять и совершенствовать экологически ориентированную деятельность, «зеленые инвестиции» для достижения экономических выгод на долгосрочной основе [3, р. 1–2].

Одним из составных элементов данной концепции рассматривается институт раскрытия информации об экологической деятельности предприятия. Политика внедрения «зеленого» инвестирования со стороны государства направлена на развитие института раскрытия информации о состоянии окружающей среды. При этом авторы отмечают переход от добровольного применения института раскрытия информации к обязательному или полуоbligательному исполнению данного требования, особенно со стороны предприятий малого и среднего бизнеса. Правительство Китая издало «Белую книгу» об ESG-практиках Китая; это специализированная книга-отчет, в которой наибольшее внимание уделяется национальной политике в сфере реализации ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление). В целях принуждения и стимулирования предприятий к активному размещению информации об их экологическом состоянии были разработаны новые стандарты и рекомендации. Согласно позиции авторов, внедрение данной концепции на практике позволит добиться позитивного эффекта в виде роста числа организаций, раскрывающих экологически значимую информацию [3, р. 2].

В контексте применения концепции ESG при реализации государственной политики по охране окружающей среды предоставление данных об экологически ориентированных операциях в рамках данного предприятия является проявлением социальных обязательств предприятий. Такой подход позволяет в значительной мере повысить им свою репутацию, усилить конкурентоспособность и, как следствие, увеличить ценность предприятия, его стоимость. Кроме того, экологически ориентированное управление в большинстве случаев оказывает положительный эффект на стоимость организации [3, р. 3].

На основе официальных данных, авторы, приходят к выводу о том, что битва за более расширенное применение института раскрытия информации происходит не только на государственном, но

и на внутреннем (корпоративном) уровнях. Поскольку большинство акционеров не принимают непосредственное участие в управлении компанией, фактический контроль за деятельностью организации берет на себя руководство. Ввиду отсутствия государственного вмешательства в форме государства как акционера, пассивного участия других держателей акций и отсутствия так называемой «системы сдержек и противовесов» по отношению к руководству зачастую присутствует риск неисполнения определенных управленческих полномочий, что может привести к потенциальным экологическим катастрофам на производстве.

В ходе проведенных по инициативе правительства экологических инспекций были выявлены случаи систематического нарушения установленных в «Белой книге» стандартов и рекомендаций, и негативных последствий на окружающую среду ввиду ошибочного и некомпетентного управления руководством. Также в отношении концепции «раскрытия информации» авторы подмечают эффективность государственного мониторинга и надзора в виде инспекторской деятельности, так как она позволила акцентировать внимание не только на потенциальных угрозах, но и сделать данную информацию общедоступной. Так, корпоративная документация, включая бухгалтерские и экологические отчеты, подверглась обязательному обнародованию в ходе реализованного государственного надзора за повседневной деятельностью компаний [2, р. 2].

Теория «линий разлома» и ее проявление в управлении предприятиями. Согласно национальной партийной доктрине Китая правительство страны рассматривает нормализацию состояния окружающей среды как фундаментальную задачу, поэтому авторы справедливо относят экологическую эффективность к ряду стратегически важных решений, принимаемых командой высшего руководства. В целях анализа недобросовестного управления данными субъектами, Литян Чень, Юн Джоу и Синву Ло предлагают ввести на государственном уровне концептуальную теорию «линий разломов» в управленческом составе высшего руководства, где главным критерием классификации выступает демографический, который, с одной стороны, усиливает социальную категоризацию, что может проявиться в поведенческих (emotional) конфликтах, плохой коммуникации, координации, внутренней

конкуренции и, как следствие, привести к разладу внутри управленческого состава. С другой стороны, при угрозе банкротства, высшее руководство сталкивается с высоким уровнем стресса, связанным с необходимостью быстрого принятия решения в сжатые сроки. В данном случае вышеуказанная концепция рассматривается авторами в позитивном ключе, ибо она позволяет принимать наиболее подходящие решения. Такая позиция подтверждается убеждением в возможности достижения более быстрого соглашения, если централизация власти предприятия находится в руках нескольких влиятельных участников высшего командного руководства (Top Management Team; ТМТ), т.е. за счет «асимметрии общения» среди управленческого состава [1, p. 3056–3057].

На практике данный метод менее эффективен в случае угрозы банкротства предприятия, имеющего такую форму ТМТ, в которой доминирует определенная группа по отношению к другим управленцам. При возникновении соответствующего риска и необходимости оперативного решения задач, мнение меньшинства членов такой команды не учитываются, чтобы не подорвать общий консенсус. Такие условия провоцируют пассивность остальных участников, что, безусловно, оказывает влияние на неполноценность, недостаточную проработку принятого решения: используются стереотипные (типовые) указания, уменьшается частота обмена информацией ввиду «монополизации» принимаемых решений определенной группой. Что касается решения команды высшего руководства об экологической ответственности, отсутствие полного участия всех членов команды в обсуждении, формировании и реализации решения наносит ущерб ожидаемым результатам от исполнения экологических обязательств организации. Таким образом, по мнению Синву Ло и Шуан Чень, у команды высшего руководства формируется негативное отношение к механизму «линий разлома» [1, p. 3057].

К вопросу о влиянии концепции устойчивого экологического, социального и корпоративного управления на эффективность деятельности предприятий. Возвращаясь к концепции устойчивого экологического, социального и корпоративного управления (ESG), Цзячжань Гао, Гуй Хунхуа исследуют ее влияние на эффективность предприятия в целом. Так, отличные показатели применения данного механизма способствуют смягчению

финансовых трудностей и повышению потенциала приемлемого риска. Авторы убеждены, что такая концепция наиболее результативна на предприятиях, воздействующих и преобразующих окружающую среду; она привлекает внимание СМИ, нефтегазовой отрасли и пищевой промышленности к экологически значимым проблемам. Тем не менее информация, опубликованная в «Белой книге» демонстрирует риск возникновения так называемого «зеленого камуфляжа», который заключается в создании ложного представления об экологической деятельности предприятия. В данном случае речь идет о еще одном возможном негативном последствии применения теории «линий разломов» команды высшего руководства, так как ограниченной группой лиц без учета мнения большинства может быть совершена попытка фальсификации и недостоверного раскрытия экологических показателей. Ввиду ужесточенного государственного регулирования путем особого инспектирования «чувствительных» к экологическому производству предприятий возникает необходимость предотвратить данные противоправные операции [3, р. 3].

В целях противодействия экологическим махинациям, поддержки и активного стимулирования перехода на экологически ориентированное производство Правительство Китая, как отмечают авторы, уделило особое внимание политике «зеленого» финансирования (GFP), которая заключается в распределении общественных денежных фондов на финансирование экологических секторов, таких как охрана окружающей среды и возобновляемые источники энергии, а также посредством оказания финансовых услуг (предоставление кредитов и выпуск ценных бумаг).

Государственная власть в лице компетентных органов власти Китая, как отмечалось ранее, проводит довольно строгую политику в экологической сфере, что, в первую очередь, прослеживается в наложении определенных ограничений в отношении дозволенного корпоративного поведения. Так, в 2016 г. Народный банк Китая и семь министерств Китая выпустили «Руководящие рекомендации по построению финансовой системы», согласно которым новой задачей на национальном уровне был установлен переход на «зеленую» финансовую систему. При этом институт «раскрытия информации» был вновь отмечен на государственном уровне; данный документ содержал дополнительные требования к

официальному опубликованию экологически значимых данных. Взаимосвязь «раскрытия информации» и политики «зеленого» финансирования особенно прослеживается в требовании к финансовым учреждениям учитывать уровень доступности информации при распределении кредитов в рамках проводимой политики. Простой, но действенный принцип «соблюдай или объясняй» позволяет справедливо оценить, насколько решительно государство настроено по отношению к заявленным в партийном уставе стратегическим задачам [2, р. 2].

Государственные учреждения и соответствующие регулирующие органы обязаны проводить систематический мониторинг как непосредственного раскрытия информации, так и качественного осуществления данной операции с учетом всех законодательно установленных требований. Предприятиям, полагает Рандхава Абид Али, следует более активно привлекать «зеленых» инвесторов и государственное финансирование на внедрение экологических инноваций при производственной деятельности [3, р. 14].

«Зеленые» инвесторы, в отличие от обычных инвесторов, направляют большую часть инвестиций на социальную ответственность предприятия. Они рассматривают уровень устойчивого развития объекта как основной критерий для оценки эффективности проведенных инвестиций. Регулярное раскрытие информации ESG может не только улучшить информационные преимущества зеленых инвесторов, но и снизить неопределенность зеленых инвесторов в отношении последующих показателей эффективности. Это соответствует их инвестиционным предпочтениям в области ESG. Согласно теории репутации, если предприятие активно раскрывает информацию ESG и повышает деловую репутацию в рейтинге экологических процессов сторонних организаций, предприятию будет легче сформировать необходимый положительный имидж в обществе. Это помогает привлечь новых «зеленых» инвесторов, завоевать их доверие и признание. «Зеленые» инвесторы также готовы владеть акциями предприятий, которые имеют отличные показатели ESG. Таким образом, высокие показатели ESG помогают предприятиям стать более инвестиционно привлекательными [3, р. 5].

Заключение

Таким образом, экологическое управление является важнейшим аспектом национальной стратегии Китая. Национальный «новый подход к развитию», предусмотренный в документах КПК и Правительства страны, обязывает предприятия брать на себя ответственность за обеспечение экологически безопасного производства. Концепция «разглашения информации» об экологическом состоянии предприятия активно поддерживается государством и оказывает позитивное воздействие на реализацию политики зеленого финансирования [2, p. 18].

Список литературы

1. Activating the Different Sides of Top Management Team Faultlines in Enterprise Sustainable Development: Is Environmental Responsibility a Burden or Boost to Small and medium-sized Enterprises in China? / Litian Chen, Yun Zhou, Xinguin Luo, Shual Chen // *Business Strategy and the Environment*. – 2022. – Vol. 32, N 6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/365078309_Activating_the_different_sides_of_top_management_team_faultlines_in_enterprise_sustainable_development_Is_environmental_responsibility_a_burden_or_boost_to_small_and_medium-sized_enterprises_in_China (дата обращения: 11.10.2024).
2. Environmental, social, and governance performance and enterprise sustainable green innovation: Evidence from China / Haibo Sun, Tonghuan Bai, Youging Fan, Zhonglu Liu // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2024. – Vol. 31, N 4. – URL: https://www.researchgate.net/publication/377480036_Environmental_Social_and_Governance_Performance_and_Corporate_Innovation_Novelty (дата обращения: 15.10.2024).
3. Green finance, management power, and environmental information disclosure in China – Theoretical mechanism and empirical evidence / Jiazhan Gao, Guihong Hua, Randhawa AbidAli, Famanta Mahamane, Zilian Li, A. Jamila Alfred, Teng Zhang, Dailong Wu, Quan Xiao // *Business Ethics, The Environment and Responsibility*. Wiley. – 2024. – Vol. 33, N 3. – URL: <https://philpapers.org/rec/GAOGFM> (дата обращения: 17.10.2024).

ТЕН ЯСИНЬ¹. КИТАЙСКАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА В БАСЕЙНАХ РЕК СТРАНЫ (Статья)

Аннотация. В статье в целях иллюстрации правового регулирования компенсации вреда в рамках правосудия по экологическим бассейнам в Китае анализируется история вопроса и раскрывается значение развития соответствующих законов о бассейнах рек страны. На примерах судебных дел можно проследить развитие китайского мышления в отношении законодательства о бассейнах рек и недостатки судебной практики. Процессуальная система компенсации вреда окружающей среде становится все более совершенной, а дела о защите окружающей среды в бассейнах рек рассматриваются ключевым направлением исследований в области законодательства о компенсации вреда окружающей среде и правосудия в связи с их новизной и всеобъемлющим характером.

Ключевые слова: компенсация вреда; законодательство о бассейне рек; разбирательство по компенсации экологического вреда; эколого-экономический механизм; экологическое законодательство в Китае.

TENG JIAXIN. Chinese ecological civilization: legal regulation and judicial practice of compensation for harm in the country's river basins (Article)

Abstract. The article analyses the background and significance of the development of relevant river basin laws in order to illustrate the legal regulation of damage compensation in environmental basin justice

¹ © Тен Ясинь, аспирант РУДН им. Патриса Лумумбы.

in China. The development of Chinese thinking on basin laws and the shortcomings of judicial practice can be traced through the examples of court cases. The procedural system of environmental compensation is becoming more and more advanced, and river basin environmental protection cases are becoming a key research area in the field of environmental compensation law and justice due to their novelty and comprehensive nature.

Keywords: damage compensation; river basin law; environmental damage compensation proceedings; environmental economic mechanism; environmental law in China.

Для цитирования: Тен Ясинь. Китайская экологическая цивилизация: правовое регулирование и судебная практика компенсации вреда в бассейнах рек страны (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 172–185. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.12

Введение

Принятие Закона об охране реки Янцзы, утвержденного Указом Председателя КНР от 26 декабря 2020 г. № 65¹, является важной вехой в истории развития экологической правосудия в Китае, а последующее принятие Закона об охране реки Хуанхэ, утвержденного Указом Председателя КНР от 30 октября 2022 г. № 123)², – еще одним знаковым успехом в построении правового экологического государства, достижения Китаем экологической цивилизации в бассейне рек страны. Наблюдая за применением новых указов, можно, с одной стороны, получить глубокое понимание воплощения в жизнь законодательного замысла эколого-правовой защиты природных ресурсов, что способствует своевременному выявлению проблем в законодательстве и его реализации; с другой – оценить, как выполняется судебная функция пра-

¹ Закон об охране реки Янцзы, утвержденный Указом Председателя КНР от 26 декабря 2020 г. № 65 (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/202012/t20201227_814985.shtml (дата обращения: 03.11.2024).

² Закон об охране реки Хуанхэ, утвержденный Указом Председателя КНР от 30 октября 2022 г. № 123) (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/202210/t20221030_998324.shtml (дата обращения: 03.11.2024).

воевой охраны природных ресурсов, в том числе с помощью эколого-экономического механизма рационального природопользования. Такой подход в конечном итоге способствует своевременному обобщению судебного опыта, вынесению судебных толкований норм закона и совершенствованию правового регулирования.

Многие реки в Китае сталкиваются с дилеммой использования и охраны водных ресурсов, но текущая ситуация и проблемы их сохранения и рационального водопользования в разных речных бассейнах различны. Например, река Хуанхэ испытывает серьезный дефицит водных ресурсов, подвержена наводнениям, для нее характерно плохое качество воды и высокое содержание песка, а воды реки Янцзы страдают от чрезмерной эксплуатации и ухудшения водной экологии. На примере рек Хуанхэ и Янцзы в статье анализируются законодательство КНР, регулирующее охрану водных ресурсов в стране, раскрываются судебная практика и способы классификации дел и виды судебных процессов.

Законодательное регулирование охраны водных ресурсов и рек в Китае. Водопользование является одной из главных областей внимания со стороны законодателя. Ранее Китай достиг цели правового обеспечения рационального использования и охраны водных ресурсов путем принятия Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП): Закона о воде от 2 июля 2016 г.¹, Закона о предотвращении и контроле загрязнения воды от 27 июня 2017 г.², Закона о борьбе с наводнениями от 2 июля 2016 г.³, Закона о сохранении почвы и воды от 25 декабря 2010 г.⁴ и Закона об охране окружающей среды

¹ Закон о воде, утвержденный ПК ВСНП от 2 июля 2016 г. (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywzg/fgbz/fl/201610/t20161008_365107.shtml (дата обращения: 03.11.2024).

² Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды, утвержденный ПК ВСНП от 27 июня 2017 г. (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywzg/fgbz/fl/200802/t20080229_118802.shtml (дата обращения: 03.11.2024).

³ Закон о борьбе с наводнениями, утвержденный ПК ВСНП от 2 июля 2016 г. (на кит.). – URL: https://jjcz.mee.gov.cn/djfg/gjflfg/fl/199708/t19970801_444203.html (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Закон о сохранении почвы и воды, утвержденный ПК ВСНП от 25 декабря 2010 г. (на кит.). – URL: https://jjcz.mee.gov.cn/djfg/gjflfg/fl/201012/t20101201_444425.html (дата обращения: 03.11.2024).

от 24 апреля 2014 г.¹ Положения названных законов были конкретизированы различными отраслевыми нормативными правовыми актами и актами местных органов власти, регулируемыми такие сферы, как строительство гидроэлектростанций, управление добычей речного песка и защита источников питьевой воды и др.

Несмотря на то что законодательная система КНР представляется весьма развитой, на практике возникают трудности в реализации перегруженного законодательства. Столь значительное количество нормативных правовых актов вносит некоторую неопределенность и сложность их исполнения и применения.

С развитием экономики и научно-технического прогресса существующим законам особенно сложно решать проблемы защиты уникальных речных бассейнов. Например, река Янцзы, во-первых, управляется по частям 11-ю провинциями, через которые она протекает, но противоречия между требованиями по охране окружающей среды экономически развитых районов нижнего течения и работами по развитию территорий среднего и верхнего течения постепенно становятся все более заметными, во-вторых, отсутствует необходимая согласованность между различными ведомствами, ответственными за управление транспортом, охраной водных ресурсов, природными ресурсами и экологической средой. По этой причине эксперты считают, что необходимо разработать целевой специализированный закон, регулирующий управление.

Такие ученые, как Сяо Ай и Тан Шихао², полагают, что подвижность воды приводит к тому, что экологический и природоохранный ущерб в пределах водосбора перемещается (умножается). Загрязняющие вещества в водосборном бассейне распространяются вместе с движением водного объекта, в результате чего локальный экологический ущерб охватывает весь водосборный бассейн, что приводит к негативным последствиям для общей экологии во-

¹ Закон об охране окружающей среды, утвержденный ПК ВСНП от 24 апреля 2014 г. (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/ywggz/fgbz/fl/201404/t20140425_271040.shtml (дата обращения: 03.11.2024).

² См.: Сяо Ай, Тан Шихао. Судебная специализация в водораздельных экосистемах: истоки, соблюдение и развитие // Журнал Нанкинского технологического университета (издание по общественным наукам). – 2024. – № 1. – С. 82–95, 114. – (на кит.).

досбора¹. Даже если локальное экологическое управление будет достигнуто, оно вскоре будет ослаблено загрязнением или ущербом на прилегающих территориях.

Чэнь Сяоцин², Вэнь Фэй³, Лю Хуэйминь⁴ и другие исследователи считают, что природная экосистема бассейна представляет собой комплексную систему, состоящую из множества элементов, включая не только воду, атмосферу, почву и различные организмы, но и живущих в этом бассейне людей. Экономическая и экологическая ценность бассейна рек поддерживают его устойчивое развитие. Когда экосистеме бассейна наносится ущерб, это не только наносит вред природным элементам экосистемы, но и может негативно сказаться на экономической ценности и социальных функциях, заложенных в этой экосистеме.

26 декабря 2020 г. Указом Председателя КНР № 65 был утвержден Закон об охране реки Янцзы, который вступил в силу 1 марта 2021 г. 30 октября 2022 г. Указом Председателя КНР № 123 – Закон об охране реки Хуанхэ, вступивший в силу 1 апреля 2023 г. Эти законы отличаются от прежних законов, выполнявших преимущественно лишь одну функцию: либо ресурсную, либо природоохранную. В новых законах предпринята попытка объединить в каждом из них цели охраны окружающей среды, рационального пользования ресурсами, противодействия экологическим рискам, обеспечение всестороннего управления экосистемами региона во времени и пространстве.

¹ См.: Лю Шуайкан, Чэнь Сяоцин. Совершенствование системы компенсации ущерба экологической среде в водосборном бассейне // Хэйлунцзян общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 41–50. – (на кит.)

² См.: Чэнь Сяоцин. Национальная стратегия развития водосборных бассейнов и совершенствование уголовного регулирования окружающей среды // Журнал Ланьчжоуского ун-та: изд. по общ. наукам. – 2021. – № 6. – С. 1–30. – (на кит.)

³ См.: Вэнь Фэй, Чэнь Сяоцин, Ван Найлян. Исследование экологической безопасности водосборов. – Ланьчжоу г.: Изд-во Ланьчжоуского ун-та, 2021. – С. 26. – (на кит.)

⁴ См.: Лю Хуэймин, Фань Юлонг, Дин Шенгян. Прогресс в исследовании потоков экосистемных услуг // Журнал прикладной экологии. – 2016. – № 7. – С. 2161–2171. – (на кит.)

Закон о защите реки Янцзы включает в себя общие положения, планирование и контроль, защиту ресурсов, предотвращение и контроль загрязнения воды, восстановление экологической среды, зеленое развитие, охрану и надзор, юридическую ответственность и дополнительные законы, в общей сложности девять глав и 96 статей. Закон также устанавливает следующие основные экологические принципы: совместная защита экологической среды, рациональное и эффективное использование ресурсов, обеспечение экологической безопасности и судебная защита природных ресурсов во многих аспектах бассейна реки Янцзы.

Закон об охране реки Хуанхэ состоит из 11 глав и 122 статей: общие положения, планирование и контроль, экологическая защита и восстановление, сохранение и интенсивное использование водных ресурсов, регулирование водных и песчаных ресурсов, борьба с наводнениями и безопасность, предотвращение и контроль загрязнения, содействие высококачественному развитию, защита, наследование и продолжение культуры реки Хуанхэ, гарантия и надзор, юридическая ответственность. Закон предусматривает решение самых серьезных проблем, конфликтов, рисков и недостатков бассейна реки Хуанхэ.

В главах «Юридическая ответственность» двух вышеуказанных законов предусматриваются меры наказания: штрафы, аннулирование лицензий и другие меры принуждения, которые понесут должностные и юридические лица в случае нарушения положений законов.

Способы классификации дел и виды судебных процессов.

В Китае сложилась заслуживающая внимания правоприменительная практика компенсации вреда на примере следующего судебного дела. Так, Народная прокуратура района Саньцзяньюань провинции Цинхай обвинила в общей сложности 19 человек, виновных в совершении преступлений, связанных с незаконной добычей, созданием угрозы для ценных и находящихся под угрозой исчезновения диких животных, а также маскировкой и сокрытием доходов от преступлений. 4 сентября 2023 г. прокуратура подала уголовное заявление и гражданский иск в защиту окружающей среды в Железнодорожный транспортный суд города Синин. По данному делу в июле 2022 г. ответчики Ли и Чжан неоднократно использовали запрещенные орудия лова в озере Элин в провинции

Цинхай, чтобы поймать дикую ценную рыбу в озере общим весом более 5000 кг. Улов включал также водных животных, охраняемых государством II класса. Общий ущерб был оценен Центром определения цен и Центром судебной оценки провинции на общую сумму 1 083 160 юаней. Подсудимые Тянь и Цзян продали приобретенный улов 15 другим обвиняемым по низким ценам.

Согласно Закону об охране реки Хуанхэ, озеро Элинг является одним из важных источников верхнего течения реки Хуанхэ и представляет собой особую охранную зону, где запрещена хозяйственная и рыбопромысловая деятельность.

В ходе уголовного разбирательства суд, руководствуясь положениями Уголовного кодекса КНР, Гражданского кодекса КНР, Закона об охране реки Хуанхэ, Закона об уголовном судопроизводстве и соответствующих судебных толкований, приговорил главных виновных к тюремному заключению сроком от 1 до 5 лет и штрафу, а остальных ответчиков – к штрафу в размере от 10 тыс. до 30 тыс. юаней.

При рассмотрении гражданского иска в защиту окружающей среды суд принял «Отчет об оценке стоимости компенсации вреда окружающей среде, причиненного незаконным выловом дикой рыбы в озере Элинг», подготовленный Институтом биологии Северо-Западного плато Китайской академии наук по заказу региональной прокуратуры, и приговорил 19 ответчиков к компенсации экологического вреда, причиненного различным видам рыб, на общую сумму более 1 млн юаней (около 13 млн руб.), а также стоимости безвредного лечения, использования транспорта для искусственного разведения и экспертизы.

Заявление об обжаловании было отклонено Городским средним народным судом, который оставил в силе первоначальный приговор. В данном случае одним из главных вопросов, который предстояло решить региональной народной прокуратуре, был вопрос о том, как определить размер компенсации за нанесенный вред.

Провинция Цинхай – один из регионов Китая с богатыми ресурсами биоразнообразия, а также место рождения важных рек – Янцзы и Хуанхэ. Местная экологическая среда хрупка и с трудом поддается восстановлению после нанесения вреда.

В процессе оценки экспертная группа рассматривала два основных аспекта: ценность самой выловленной рыбы и негативное

воздействие промысла на популяции рыб в сезон размножения. В итоге были приведены справочные данные для расчета компенсационных сумм с учетом результатов экологического вреда, затрат на искусственное воспроизводство, расходов на выпуск и транспортировку и других аспектов.

На примере рассмотренного дела можно выделить ряд правовых проблем:

1) значительное количество случаев незаконного рыболовства в основной зоне национального парка свидетельствует о неэффективности законодательного регулирования и правоприменения. Таким образом необходимо своевременно обнаруживать и устранять пробелы в праве, правоприменении и управлении;

2) судя по делам об экологических ресурсах, рассмотренным существующими судами, законы об охране бассейнов рек играют лишь вспомогательную функцию и не являются основной базой, которая может повлиять на содержание окончательного решения;

3) имеет место проблема разных подходов в вынесении решений и использовании категориального аппарата в судах бассейна¹.

Незаконный вылов водных биоресурсов является наиболее частым случаем в делах о водоразделе, однако правила запрещенных орудий и методов лова различаются в разных провинциях. В делах, связанных с компенсацией экологического вреда, встречаются разные термины – «плата за утрату функций экологической службы», «фонды восстановления экологической среды», «компенсация за восстановление экологии» и т.д. Это свидетельствует о том, что суды не имеют одинаковых подходов в применении терминологии, касающейся компенсации вреда экологической среде;

4) система управления фондами возмещения экологического вреда нуждается в совершенствовании.

Практика создания, внесения платежей, управления фондами для восстановления экологической среды в каждой провинции непоследовательна, а использование фондов непрозрачно. В настоящее время существует очень большой пробел в регулировании

¹ См.: Научная группа «Исследование развития экологической справедливости в Китае». Отчет о развитии экологического правосудия в Китае (2022 г.). – Пекин: Юрид. пресса, 2023. – С. 395. – (на кит.).

распределения средств на восстановление экологической среды водосбора, поэтому очень важно осуществлять единое управление средствами на восстановление экологической среды.

Верховным народным судом по реформе, направленной на улучшение отправления экологического правосудия, была предложена модель классификации дел, в которой используются «правила защиты экологических элементов + судебные процедуры». В Положении о применении Закона об охране реки Янцзы (далее – Положение о применении), изданном Верховным народным судом 24 января 2021 г.¹, дела об экологических ресурсах делятся на пять категорий: предотвращение и контроль загрязнения окружающей среды; охрана окружающей среды; эксплуатация и использование ресурсов; реагирование на изменение климата; экологическое и природоохранное управление и услуги.

С одной стороны, новая реформа изменяет традиционные критерии классификации судебных дел на основе уголовного, гражданского и административного права, приводя судебную практику в большее соответствие с особенностями системы экологического правового государства и обеспечивая материально-правовое и процессуально-правовое руководство для судебной деятельности по вынесению решений². С другой стороны, исходя из сохранения важности выбора процедуры судебного разбирательства, реформа поощряет в судах более тщательное исследование и применение экологических законов и других нормативных актов.

В январе 2021 г. Верховный народный суд опубликовал *десять типичных дел о судебной защите экологической среды в бассейне реки Янцзы*³ (см. табл.), которые стали важными рекомендациями для местных судов в рамках реализации Закона об охране реки Янцзы.

¹ См.: Положение о применении Закона об охране реки Янцзы. – URL: <http://wej.court.gov.cn/news/view-40.html> (дата обращения: 29.10.2024)

² См.: Ду Цюнь. Китайская система охраняемых территорий в систематизации экологического права // Китайская социальная наука. – 2022. – № 2. – С. 123–140+206–207. – (на кит.).

³ См.: 10 типичных дел о судебной защите экологической среды в бассейне реки Янцзы. – URL: <https://cserl.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/847/cid/10.html> (дата обращения: 29.10.2024). – (на кит.).

Китайская экологическая цивилизация: правовое регулирование и судебная практика компенсации вреда в бассейнах рек страны

Таблица

Судебные дела	Дата слушания	Описание	Соответствующие статьи Закона о защите реки Янцзы
1. Уголовное разбирательство, сопровождающееся гражданским иском в защиту окружающей среды	2019 г.	Преступление, связанное с незаконным выловом водных продуктов. <i>Дело:</i> Ответчик незаконно использовал электрическую сеть для ловли водных продуктов более 60 раз. В течение закрытого сезона поймал более 900 кг дикой рыбы и продал их с прибылью в 9 тыс. юаней. <i>Применен:</i> Закон о рыболовстве	ст. 53, 86
2. Уголовное разбирательство	2017 г.	Преступления, связанные с незаконной добычей полезных ископаемых. <i>Дело:</i> Ответчик нанял других лиц для незаконной добычи песка и его продажи с целью получения прибыли без лицензии на добычу речного песка, что нанесло ущерб национальным минеральным ресурсам. <i>Применен:</i> Закон о минеральных ресурсах	ст. 91
3. Уголовное разбирательство, сопровождающееся гражданским иском в защиту окружающей среды	2018 г.	Преступление, связанное с незаконной рубкой леса. <i>Дело:</i> Ответчик вырубил пихты на территории национального природного заповедника без получения лицензии на лесозаготовку и нанял других лиц для продажи вырубленных пихт. Суд постановил внести залог за пересадку и лесовосстановление, а также высадить 5050 однолетних саженцев пихты с приживаемостью более 90%. <i>Применены:</i> Закон о лесе, Положение о природных заповедниках	ст. 39, 40

Тен Ясинь

4. Административное разбирательство	2017 г.	Сфера деятельности администрации <i>Дело:</i> истец долгое время занимался рыбодоводством в водах охранной зоны второго уровня источников питьевой воды, ему было запрещено продолжать заниматься рыбодоводческой деятельностью. На запрос об отмене уведомления о ректификации и расчистке охранной зоны, судебный запрос истца был отклонен. <i>Применен:</i> Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды	ст. 34, 35, 36
5. Административное разбирательство	2020 г.	Административное бездействие <i>Дело:</i> Истец демонтировал здания в национальном природном заповеднике «Аллигатор Янцзы» и восстановил первоначальное состояние земли, а правительство не выплатило административную компенсацию. <i>Применены:</i> Закон об управлении земельными ресурсами, Положения о некоторых вопросах рассмотрения дел об административных лицензиях, Положения об экспроприации и компенсации за дома на государственной земле, Закон об административном судопроизводстве, Положение о природных заповедниках.	ст. 39
6. Гражданский иск в защиту окружающей среды	2020 г.	Спор об ответственности за загрязнение окружающей среды. <i>Дело:</i> Ответчик в течение 18 лет непосредственно складировал фосфогипс на берегу реки Янцзы, причиняя серьезный экологический ущерб окружающей среде. Истец подал иск за незаконное поведение, такое как чрезмерный сброс загрязняющих веществ, требуя немедленного прекращения экологического нарушения и компенсации соответствующих затрат на восстановление и потерю функции обслуживания экологической среды или альтернативных методов восстановления. <i>Применены:</i> Закон об охране окружающей среды, Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды.	ст. 10, 26, 55, 88

Китайская экологическая цивилизация: правовое регулирование и судебная практика компенсации вреда в бассейнах рек страны

7. Гражданский иск в защиту окружающей среды	2020 г.	Спор об ответственности за загрязнение окружающей среды. <i>Дело:</i> истец утверждал, что в результате разработки и строительства ответчиком гидроэлектростанции водохранилище будет затоплено, место обитания зеленых павлинов окажется под водой и поставит под угрозу местную ценную экосистему тропических лесов. Суд постановил немедленно прекратить строительство гидроэлектростанции и завершить оценку воздействия на окружающую среду и составить протокол перед утверждением. <i>Применены:</i> Закон об оценке воздействия на окружающую среду, Толкование некоторых вопросов, касающихся применения законодательства при рассмотрении гражданских исков об охране окружающей среды.	ст. 59
8. Гражданский иск в защиту окружающей среды	2020 г.	Спор об ответственности за загрязнение окружающей среды. <i>Дело:</i> Истец утверждал, что строительство ответчиком гидроэлектростанции в зоне распространения ценных популяций растений, гидроэлектростанции и строительство сопутствующей автодороги напрямую угрожает выживанию популяций растений и представляет прямую угрозу социальным общественным интересам. <i>Применены:</i> Закон об оценке воздействия на окружающую среду, Судебное толкование по гражданским делам о защите общественных интересов.	ст. 59
9. Гражданский иск в защиту окружающей среды	2019 г.	Спор об ответственности за ущерб, причиненный загрязнением вод. <i>Дело:</i> Ответчик подписал договор с Бюро по управлению водно-болотными угодьями Хуанши, согласившись на передачу в аренду Большого озера Нетто для экологического рыбоводства, и последовательно незаконно вносил удобрения в Большое озеро Нетто, что привело к ухудшению общего качества воды в озере Нетто. Суд постановил, что ответчик должен возместить плату за ущерб окружающей среде, общие затраты на очистку и	ст. 86

		восстановление водного объекта, а также принести публичные извинения обществу в средствах массовой информации на муниципальном уровне и выше. <i>Применены:</i> Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды, Положение о природных заповедниках.	
10. Прокурорское административное разбирательство в защиту окружающей среды	2018 г.	Административный надзор. <i>Дело:</i> Народная прокуратура обнаружила признаки незаконной добычи песка и вынесла прокурорское представление муниципальному бюро водного хозяйства. Суд постановил, что халатное отношение Городского бюро водных ресурсов к выполнению своих обязанностей по надзору за рекой было незаконным, и обязал Городское бюро водных ресурсов продолжать выполнять свои надзорные обязанности для обеспечения безопасности управления рекой. <i>Применены:</i> Закон о воде, Закон об административном судопроизводстве, Толкование вопросов, касающихся применения закона при рассмотрении судебных дел, представляющих общественный интерес.	ст. 91

Вышеперечисленные в таблице дела включают одно уголовное разбирательство, два уголовных разбирательства с гражданским иском в защиту окружающей среды, два административных разбирательства, четыре гражданских иска в защиту окружающей среды и одно прокурорское административное разбирательство в защиту окружающей среды, которые в основном охватывают пять типов дел об экологических ресурсах, приведенных в Положении о применении, за исключением элемента, связанного с изменением климата. Кроме дел 2, 4 и 5 все остальные дела по процедуре относятся к судебным процессам по защите окружающей среды и по компенсации вреда, причиненного экологии и окружающей среде.

Упомянутые в делах 1 и 3 сопутствующие гражданские иски в защиту окружающей среды¹ относятся к тому типу дел, в которых за основным судебным процессом следует иск в защиту окружающей среды. Теоретически его можно разделить на две категории: «уголовное разбирательство, сопровождающееся гражданским иском в защиту окружающей среды» и «административное разбирательство, сопровождающееся гражданским иском в защиту окружающей среды». В судебной практике такие судебные процессы имеют преимущества, связанные с экономией судебных ресурсов и балансом между гражданской и уголовной ответственностью².

В настоящее время судебный процесс по защите экологии стал юридической обязанностью органов прокуратуры, но для гражданских исков по защите окружающей среды отсутствуют правовые нормы и судебные толкования, которые могли бы обеспечить определенный стандарт, в значительной степени полагаясь на субъективное суждение и усмотрение органов прокуратуры, легко попасть в дилемму выборочной подачи исков по защите экологии.

Заключение

Уже четвертый год реализуется Закон об охране реки Янцзы и второй год – Закон об охране реки Хуанхэ, и суды в бассейне активно выполняют свои функции по вынесению судебных решений по экологическим вопросам, постоянно изучая инновации в области судебной защиты водных ресурсов рек. Однако, будучи двумя важнейшими реками Китая, Янцзы и Хуанхэ имеют сложную природную среду и разнообразные социальные функции на всем своем протяжении. Для достижения цели защиты экологической среды рек еще очень много возможностей для развития законодательства и судебной практики.

¹ См.: Чэнь Гуаньчжун. Право уголовного судопроизводства: учебник. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2005. – С. 274. – (на кит.); Лю Цзялян. Затруднительное положение и выход из уголовного разбирательства в сопровождении гражданского иска в защиту окружающей среды // Политика и право. – 2019. – № 10. – С. 84–94 – (на кит.).

² См.: Ду Цюнь. Роль правосудия в китайском экологическом правопорядке: наблюдения на основе типичных дел о деликтах, связанных с загрязнением окружающей среды // Применение права. – 2012. – № 5. – С. 46–49 – (На кит.).

КОДАНЕВА С.И.¹ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КВОТИРОВАНИЯ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В КИТАЕ И РОССИИ (Статья)

Аннотация. Статья посвящена сравнению правовых подходов к регулированию установления квот на выбросы парниковых газов и торговли углеродными единицами в Китае и России. Показано, что Китай значительно раньше осознал важность борьбы с изменением климата и начал реализовывать соответствующую политику. И хотя существующее правовое регулирование в данной сфере имеет определенные недостатки и требует дальнейшего совершенствования, тем не менее, опыт Китая может быть использован Россией при разработке собственного правового регулирования.

Ключевые слова: изменение климата; климатическое право Китая; торговля углеродными единицами; снижение выбросов парниковых газов; Сахалинский проект.

KODANEVA S.I. Legal regulation of greenhouse gas emission quotas in China and Russia (Article)

Abstract. The article examines the comparison of legal frameworks for establishing greenhouse gas emission quotas and carbon unit trading in China and Russia. It demonstrates that China recognized the significance of addressing climate change earlier and implemented relevant policies. Although the current legal framework in this area has some shortcomings and requires further development, China's experiences can be utilized by Russia in shaping its own regulatory framework.

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

Keywords: climate change; China's climate law; trade in carbon units; reduction of greenhouse gas emissions; Sakhalin Project.

Для цитирования: Коданева С.И. Правовое регулирование квотирования выбросов парниковых газов в Китае и России (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 186–199. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.13

Введение

Общеизвестно, что Китай является крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов (27% мировых выбросов приходится на эту страну¹). При этом он переживает промышленный и экономический рост, что является объективной предпосылкой увеличения количества выбросов CO₂. Тем большее удивление в мире вызвало выступление в 2020 г. Председателя КНР Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН, когда он заявил о планах Китая достичь пика выбросов в 2030 г., а углеродной нейтральности – к 2060 г. Затем, во время Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в Глазго в 2021 г. Си Цзиньпин представил «Белую книгу» «Политика и действия Китая по борьбе с изменением климата», принятую 27 октября 2021 г. В данном документе Китай позиционируется как лидер глобальной климатической повестки: «Китай всегда придавал большое значение международному сотрудничеству в решении проблем изменения климата, активно участвовал в переговорах по изменению климата, способствовал заключению и ускорению реализации Парижского соглашения, возглавил новую модель глобального управления климатом с использованием китайских концепций и практик и постепенно занял позицию лидера глобального управления климатом»². Подчеркивается также то, что Китай привносит в международные дебаты о механизмах предотвращения изменения

¹ Бирюков Е.С. Особенности системы торговли выбросами углекислого газа в КНР // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 6. – С. 67.

² Политика и действия Китая по борьбе с изменением климата от 27.10.2021 г. // Правительство Китая. – (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/27/content_5646697.htm (дата обращения: 17.10.2024).

климата «свою мудрость», а концептуальной основой его политики являются идеи «экологической цивилизации», основанной на единстве природы и человека и даосизме, а также идеи построения Сообщества единой судьбы человечества¹.

Руководство Китая понимает, что достичь углеродной нейтральности ему предстоит в гораздо более сжатые сроки, чем странам Запада, и это потребует от страны серьезных усилий. Тем не менее, оно осознает важность энергетического перехода как с точки зрения будущей конкурентоспособности на международной арене, так и с точки зрения того негативного воздействия, которое загрязнение окружающей среды и изменение климата оказывает на здоровье людей и социально-экономическое развитие государства. Поэтому в Белой книге подчеркивается человекоцентричность климатической политики Китая.

Вообще, низкоуглеродная политика Китая уходит корнями в начало 2000-х годов, когда страна впервые осознала, насколько важно бороться с изменением климата и сокращать выбросы углекислого газа. Первым серьезным шагом в этом направлении стало принятие в 2005 г. Национальной программы Китая по изменению климата². С этого момента начинается новый этап в политике Китая, связанный с повсеместным внедрением широкого набора инструментов повышения энергоэффективности и снижения объема выбросов. Этот этап связан с реализацией 11-го пятилетнего плана. Следующий этап приходится на 12 и 13 пятилетние планы (2011–2020), когда были сформулированы стратегии и программы в области снижения выбросов углерода. Современный этап характеризуется усилением строгости и масштабов углеродного регули-

¹ «Сообщество единой судьбы человечества» – концепция, предложенная генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на 18 Всекитайском съезде КПК. Данная концепция описывает «новый» подход к международным отношениям, основанный на взаимовыгодном сотрудничестве, который заменит устаревшую модель международных отношений.

² Tang Zhenilan, Solovieva Yu.V. Empirical Analysis and Research of Low-Carbon Economy Development Trends in China, Japan and South Korea // Russian and Chinese Studies. – 2024. – Vol. 8, N 1. – P. 41.

рования, что обусловлено упоминавшимся выше заявлением Си Цзиньпина о достижении пика выбросов в 2030 г.¹

При этом страна использует широкий арсенал инструментов смягчения последствий изменения климата: увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общей выработке электроэнергии; снижение потребления угля и переход на использование природного газа; переход на электромобили; лесовосстановление и реализация в сельском хозяйстве технологий, обеспечивающих рост урожайности и снижение эмиссии метана; развитие рынка зеленого финансирования; внедрение национальной системы торговли квотами на выбросы углерода; зеленое строительство и т.д. Так, Китай инвестировал почти 900 млрд долл. в возобновляемые источники энергии и топлива с 2009 г. (в 2 раза больше, чем США). В настоящее время он имеет более 1/3 глобальной установленной мощности солнечной и ветровой генерации и лидирует в мире по производству биоэнергии, гидроэнергии, солнечного нагрева воды и геотермальной энергии. Страна контролирует более 60% мирового производства на каждом этапе цепочки поставок солнечной энергии. В Китае располагаются пять из десяти ведущих мировых производителей ветряных турбин. На Китай приходится половина мирового парка электромобилей и 98% всех электробусов². За последние десять лет число атомных электростанций в КНР увеличилось с 14 до 52³, а технологии строительства «зеленых городов» являются прорывными и уникальными в мире⁴.

¹ Чэнь С. Развитие системы регулирования углеродных выбросов в Китае // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 69. – (на русском и англ.).

² Коданева С.И. Энергетический переход: мировые тренды и их последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 176.

³ Веселова Д.Н. Климатическая политика Китая: процессуальная составляющая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 17 (2). – С. 125.

⁴ “Bottom-up” Abatement on Climate From the “Top-down” Design: Lessons Learned From China’s Low-carbon City Pilot Policy / Qingyang Wu, Zen Sun, Linhan Jiang, Lei Jiang // Empirical Economics. – 2024. – Vol. 66 (3). – P. 1248.

При этом, как показывают исследования, рыночные механизмы в Китае более эффективны, чем административные¹. В Белой книге также отмечается важность сочетания административных и рыночных инструментов, одним из которых является торговля квотами на выбросы CO₂.

Китайская система торговли квотами на углеродные выбросы. В отличие от других направлений политики по снижению выбросов углерода, где Китаю удалось добиться мирового лидерства, система торговли квотами пока только формируется. При этом в процессе ее разработки власти Китая активно взаимодействовали с Еврокомиссией, оказывавшей им методическую поддержку в рамках проекта «Платформа для программного диалога и сотрудничества между ЕС и Китаем по торговле выбросами». Таким образом, китайская система имеет довольно много схожих черт с европейской, хотя, в то же время, учитывает и местную специфику².

Так, на первом этапе в соответствии с решением Государственного совета, принятым в ноябре 2011 г., Национальная комиссия по развитию и реформам Китая выбрала пять городов (Пекин, Чунцин, Шанхай, Шэньчжэнь и Тяньцзинь) и две провинции (Гуандун и Хубэй) с различными экономическими структурами и уровнем развития для проведения региональных пилотных проектов по внедрению системы торговли квотами на выбросы CO₂. Эти проекты охватили почти 3000 предприятий в более чем 20 отраслях промышленности, таких как электроэнергетика, производство стали и цемента³. В период с июня 2013 по август 2018 г. эти пилотные проекты прошли пять этапов наблюдения, в течение которых общая сумма разрешений на выбросы составила приблизительно 154 млн т на сумму более 31 млрд юаней, уступая лишь

¹ Guo Run, Yuan Yiyun. Different Types of Environmental Regulations and Heterogeneous Influence on Energy Efficiency in the Industrial Sector: Evidence from Chinese Provincial Data // Energy Policy. – 2020. – Vol. 145. – P. 111747.

² Бирюков Е.С. Особенности системы торговли выбросами углекислого газа в КНР // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 6. – С. 71.

³ Политика и действия Китая по борьбе с изменением климата от 27.10.2021 г. // Правительство Китая (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/27/content_5646697.htm (дата обращения: 11.10.2024).

Европейскому союзу¹. Особенностью этих проектов было то, что в каждой административной единице органы власти сами определяли такие ключевые элементы, как допустимый объем выбросов (некоторые устанавливали для всех предприятий отрасли, некоторые – для каждого предприятия отдельно), минимальное пороговое значение выбросов для включения предприятия в проект (от 3 тыс. т в Шэньчжэне до 120 тыс. т в Хубэе; соответственно, проекты охватили от 33% предприятий в Хубэе до 60% – в Тяньцзине), цену квоты (в основном бесплатно, но в Гуандуне часть квот распределялась через аукцион), способ определения квот (в основном, учитывались текущие выбросы как базовый показатель), а также штрафные санкции для нарушителей (в основном это штрафы, но в Пекине, Шанхае и Гуандуне было предусмотрено уменьшение бесплатной квоты на будущий год на размер незадекларированных выбросов; кроме того, в некоторых регионах нарушители теряли право на получение мер государственной поддержки, а если нарушитель – государственное предприятие, то вознаграждение его руководителя снижалось и он лишался возможности продвижения по службе)².

Проанализировав результаты семи пилотных проектов, правительство Китая перешло к формированию общенационального рынка торговли квотами, для чего в декабре 2020 г. Министерством экологии и окружающей среды были приняты «Меры по управлению торговлей выбросами углерода (пробное внедрение)»³, вступившие в силу 1 февраля 2021 г. (далее – Меры). Однако в соответствии с этим документом система распространяется только на предприятия энергетики (в общей сложности 2225 предприятий по всей стране), которые разделены на четыре категории в зависимости от используемого топлива. Каждому предприятию

¹ Addressing Climate Change Through a Market Mechanism: a Comparative Study of the Pilot Emission Trading Schemes in China / Yu Zhou, Jingjing Jiang, Bin Ye, Yumeng Zhang, Jing Yan // *Environmental Geochemistry and Health*. – 2020. – Vol. 42. – P. 746.

² Ibid. – P. 747–749.

³ Меры по управлению торговлей выбросами углерода (пробное внедрение) от 31.12.2020 г. // Министерство экологии и окружающей среды Китая (на кит.). – URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk/xxgk02/202101/t20210105_816131.html (дата обращения: 11.10.2024).

устанавливается бесплатная квота, исходя из фактического объема выбросов в 2019–2020 гг. Также была установлена общая квота каждого провинциального административного района, которые в совокупности сформировали общий объем национальных выбросов. То есть применена система распределения квот «снизу вверх». Таким образом, руководство КНР не стало сразу вводить ограничения для выбросов CO₂. Оно исходит из предположения, что экономика страны будет интенсивно развиваться в ближайшие годы, что, объективно, повлечет рост выбросов. И основная задача на сегодняшний день – этот рост сдерживать за счет того, что предприятиям придется докупать не хватающие углеродные единицы. В случае же расширения производства или открытия нового, объем его квот должен будет определяться исходя из возможностей наилучших доступных технологий. Допускается возможность в будущем снижения объема бесплатных квот, а также расширение системы на другие отрасли.

При этом пилотные проекты продолжают действовать в части, не охваченной общенациональной системой, но по мере ее расширения (в частности, на другие отрасли), предприятия будут постепенно в нее интегрироваться. Органы власти провинций, автономных районов и муниципалитетов, непосредственно подчиненных центральному правительству, по-прежнему составляют списки эмитентов, расположенных на подведомственной им территории, и выдают им общенациональные квоты, в то время как Министерство экологии и охраны окружающей среды осуществляет «направляющее национальное управление торговлей выбросами углерода и связанной с ней деятельностью», отвечает за разработку технических спецификаций для этого, проверяет отчетность по выбросам. Созданное им Агентство по регистрации прав на выбросы углерода создает систему и осуществляет саму регистрацию квот, а Национальное агентство по торговле выбросами углерода отвечает за организацию и проведение централизованной и унифицированной торговли углеродными единицами для всей страны (ст. 5 и 6 Мер).

Предприятия, включенные в список эмитентов, должны вести учет выбросов и ежегодно до 31 марта представлять отчеты в Министерство экологии и охраны окружающей среды. Они вправе продавать излишки квоты или покупать дополнительные углерод-

ные единицы в соответствии с установленными правилами. При этом, если предприятие реализует проекты, направленные на снижение выбросов, то это дает ему право на компенсацию со стороны государства 5% подлежащих оплате квот на выбросы углерода (ст. 29 Мер).

В июле 2021 г. начались торги на платформе, управляемой Шанхайской биржей окружающей среды и энергетики. Помимо этого, торги углеродными единицами проходят на Пекинской зеленой бирже (специализируется на внутренних взаимозачетах углеродных единиц) и Китайской бирже выбросов углерода в провинции Хубэй (служит временным реестром транзакций до тех пор, пока не будет создан официальный национальный реестр КНР). Торги проводятся в электронном виде, и разрешены только спотовые сделки, в отличие от ЕС, где торгуются также фьючерсы и другие производные финансовые инструменты. Сделки бывают биржевыми, либо внебиржевыми оптовыми сделками (двусторонние внебиржевые сделки, которые завершаются на бирже в конце каждой сессии). Последние выпускаются минимальными партиями по 100 000 штук по взаимному согласию и с ежедневным пределом колебания цен в 30%. Финансовым учреждениям и другим посредникам не разрешено участвовать в торговле, хотя китайское правительство отмечает, что это может измениться на более позднем этапе развития системы¹.

Установленная вышеупомянутыми Мерами система также носила пилотный характер, хотя и уже на общенациональном уровне. Она позволила апробировать механизмы распределения квот и торговли углеродными единицами, выявить их недостатки. С учетом этого 25 января 2024 г. постановлением Госсовета КНР были утверждены Временные правила управления торговлей выбросами углерода² (далее – Правила), разработанные «с целью стандартизации торговли выбросами углерода и связанной с ней

¹ Мусихин В.И., Рогатных Е.Б. Современная система торговли квотами на выбросы и углеродными единицами // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 1. – С. 48.

² Временные правила управления торговлей выбросами углерода от 25.01.2024 г. // Правительство Китая (на кит.). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202402/content_6930137.htm (дата обращения: 15.10.2024).

деятельности, усиления контроля за выбросами парниковых газов, активного и неуклонного продвижения максимальной углеродной нейтральности, содействия экологическому и низкоуглеродному экономическому и социальному развитию и содействия построению экологической цивилизации» (ст. 1). В соответствии с Правилами изменяется подход к определению национальных квот. Теперь он должен происходить «сверху вниз». Министерство экологии и охраны окружающей среды должно их устанавливать, исходя из национальных целей по контролю за выбросами парниковых газов. При этом оно должно «всесторонне рассмотреть экономическое и социальное развитие страны, изменения в структуре промышленности, стадию развития конкретной отрасли, историческую ситуацию с выбросами, потребности в корректировке рынка и другие факторы» (ст. 9). Затем региональные органы власти должны распределять квоты между предприятиями, исходя из общей установленной квоты и плана распределения. Предусматривается постепенное внедрение сочетания бесплатных и платных методов распределения квот. Для предприятий, использующих возобновляемые источники энергии, квоты будут соответствующим образом скорректированы в соответствии с соответствующими национальными нормативными актами (ст. 31).

Предприятия-эмитенты обязаны «правдиво и точно подсчитывать и учитывать выбросы парниковых газов», используя для этого сертифицированные в соответствии с национальными требованиями измерительные приборы. Они обязаны ежегодно представлять в региональный уполномоченный орган отчет о выбросах парниковых газов за предыдущий год, а также статистику выбросов и бухгалтерский учет. Проверку достоверности отчетов могут проводить привлеченные органами власти специализированные организации. При этом Правила установили меры ответственности за различные нарушения в данной области. Так, у государственных служащих и сотрудников специализированных организаций, участвующих в торговле углеродными единицами, весь полученный доход подлежит конфискации и может быть наложен штраф в размере такого дохода. Если предприятие-эмитент не представляет данные о своих выбросах, то на него может быть наложен штраф от 50 до 500 тыс. юаней, а если и после этого оно не представит требуемые сведения, его деятельность может быть приостановле-

на. Если же в представленной документации имеются серьезные дефекты или упущения, а данные и материалы подделаны, то весь незаконный доход подлежит конфискации, а предприятие обязано выплатить штраф в размере от пяти до десятикратной суммы незаконного дохода. Если и после этого предприятие не внесет нужные изменения в свою документацию, то его бесплатная квота будет сокращена наполовину. Аналогичное наказание предусмотрено и для специализированной организации, предоставившей ложный отчет о проверке предприятия-эмитента. Ответственности в размере до десятикратной суммы незаконного дохода подлежит любое лицо, пытающееся манипулировать рынком торговли углеродными единицами.

В качестве наказания ко всем указанным лицам также используется включение сведений о наложенных штрафах в национальную систему социального кредита и доведение их до сведения общественности.

Российский подход к ограничению выбросов парниковых газов. В России проблематика изменения климата и связанная с этим необходимость снижения выбросов парниковых газов до недавнего времени не были предметом рассмотрения и обсуждения на официальном уровне. Активизация нормотворчества в данной сфере связана с присоединением Российской Федерации к Парижскому соглашению в 2019 г. В 2021 г. был принят Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», который заложил основу для государственного учета выбросов парниковых газов, а также для обращения углеродных единиц.

Государственный учет осуществляется в целях получения достоверной информации о выбросах парниковых газов, образовавшихся в результате хозяйственной и иной деятельности регулируемых организаций, и будет учитываться при формировании кадастра парниковых газов. Учету подлежит не вся хозяйственная деятельность в стране, а только предприятий, отвечающих двум критериям: принадлежность к определенной отрасли промышленности и объем выбросов. Отрасли промышленности, подлежащие учету, определены Минэкономразвития России. Это энергетика, нефтегазовый сектор, металлургическая и химическая промышленность, транспорт, работа с отходами и строительные материа-

лы¹. На первом этапе учету подлежали предприятия с выбросами от 150 т CO₂, а с 1 января 2024 г. – от 50 т CO₂ в год.

Государственный учет выбросов парниковых газов осуществляется в форме ведения реестра выбросов парниковых газов (государственной информационной системы). Помимо этого, Федеральным законом предусмотрено ведение реестра углеродных единиц, предназначенного для фиксации углеродных единиц образовавшихся в результате реализации климатических проектов. На современном этапе регистрация климатических единиц необходима для тех компаний, которые осуществляют свою деятельность за пределами России (прежде всего в Европе) для соблюдения требований климатического законодательства соответствующих стран. Однако возможна также продажа единиц иностранным компаниям. Так, на полях Делового форума БРИКС, который проходил в октябре 2024 г. в Москве, было объявлено о приобретении углеродных единиц РУСАЛа Арабским инвестиционным фондом Equity International для последующей компенсации углеродного следа одного из активов фонда².

Что касается самой России, то система квотирования выбросов и, соответственно, торговли углеродными единицами, пока что находится в стадии разработки и пилотного апробирования. В 2022 г. был принят Федеральный закон № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» (пока что пилотный проект реализуется только в одном субъекте РФ – Сахалинской области). В соответствии с указанным Федеральным законом планируемый срок пилотного проекта – до 31 декабря 2028 г. Интересно, что, в отличие от Китая, который подошел к пилотным проектам чисто инструментально, поставив их целью тестирование различных механизмов квотирования выбросов в регионах с разными социаль-

¹ Углеродное регулирование в Российской Федерации / Минэкономразвития России. – С. 4. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9e904ab98684f07e6efca5f83ba2cfd2/uglerodnoe_regulirovanie_v_rossii.pdf (дата обращения: 18.10.2024).

² Первая международная сделка в российском реестре проведена с углеродными единицами РУСАЛа // Реестр углеродных единиц. – URL: <https://carbon.reg.ru/ru/news/pervaya-mezhdunarodnaya-sdelka-v-rossiyskom-reestre-provedena-s-uglerodnymi-edin/> (дата обращения: 18.10.2024).

но-экономическими условиями, российский проект ставит своей целью достижение углеродной нейтральности Сахалина к концу 2025 г. С одной стороны, эта цель является более комплексной, однако, с другой – даже в случае успеха, подходы, использованные на Сахалине, вряд ли можно будет масштабировать на всю страну, учитывая огромные региональные различия и диспропорции. При этом опробован будет только один набор инструментов, в отличие от Китая, где, как было показано выше, испробованы различные механизмы, что позволило сформировать наиболее оптимальную для страны систему.

Возвращаясь к Сахалинскому проекту, объектами эксперимента будут предприятия из вышеперечисленных отраслей промышленности, выбрасывающие в год 20 т CO₂ и более. Методика установления квот выбросов, утвержденная приказом Министерства экономического развития РФ от 24.08.2022 г. № 452, включает две составляющие: баланс выбросов и поглощений парниковых газов на территории Сахалина и необходимый для достижения цели эксперимента темп сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их поглощения, дифференцированный с учетом размера суммы налогов и сборов, уплаченных эмитентом. Таким образом, сразу же планируется реализовать принцип «сверху вниз», а размер квот для предприятий определять с учетом соотношения их выбросов к доходу, что должно стать дополнительным стимулом внедрения более современного, производительного и экологичного оборудования.

Следует отметить, что пока что эксперимент находится на данной стадии: осенью 2023 г. впервые были распределены квоты выбросов между предприятиями и результаты их соблюдения будут известны только в июле 2025 г., когда предприятия-эмитенты должны будут представить углеродную отчетность. Последняя подлежит верификации аккредитованным юридическим лицом. При этом российское законодательство предусматривает использование как инструментальных, так и расчетных методов определения массы выбросов. В Китае, как было показано выше, Временные правила управления торговлей выбросами углерода содержат требование об использовании для этих целей сертифицированного оборудования, что будет способствовать значительно большей точности данных по сравнению с российским подходом.

На следующем этапе планируется переход к рыночному механизму торговли углеродными единицами. При этом российская система заметно отличается от китайской. Так, в соответствии с вышеупомянутым Федеральным законом № 34-ФЗ, в случае если реальные выбросы превысят квоту, предприятие должно будет внести в региональный бюджет плату за превышение квоты в размере 1 тыс. руб. за тонну CO₂¹ (для сравнения, в ЕС на начальном этапе тонна CO₂ стоила 2,81 евро, в настоящее время – 50 евро, а в Китае – 60 юаней, т.е. примерно 0,8 евро). При расчете выбросов предприятие может зачесть углеродные единицы, не использованные в предыдущем году, единицы от реализации климатических проектов, а также единицы, купленные у других компаний. Однако, установленный размер платы за превышение выбросов делает маловероятным последнее, учитывая стоимость углеродных единиц на международных рынках. Предприятиям-эмитентам будет выгоднее заплатить за превышение, чем покупать углеродные единицы на свободном рынке.

Заключение

Как можно видеть из проведенного сравнительного анализа, Китай значительно раньше России обратил внимание на важность снижения негативного влияния хозяйственной деятельности человека на климат и начал принимать соответствующие меры, а также формировать необходимую нормативную базу. Безусловно, первые опыты Китая в области квотирования выбросов нельзя назвать полностью успешными, однако они уже дали основу для перехода к общенациональному внедрению системы и установлению соответствующих правил Госсоветом. В России климатическое законодательство стало активно развиваться только начиная с 2021 г. При этом использованы собственные подходы, в частности, в регулировании пилотного проекта квотирования выбросов на Сахалине. С одной стороны, заявленная цель проекта значительно шире

¹ См.: постановление Правительства РФ от 18.08.2022 № 1441 «О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области».

и носит комплексную цель достижения углеродной нейтральности к 2025 г. С другой стороны, как показывает опыт других стран, в том числе Китая, достичь указанную цель исключительно за счет квотирования выбросов невозможно. В этом смысле следует подчеркнуть, что заявленная цель Федерального закона от 06.03.2022 № 34-ФЗ явно не соответствует его содержанию. При этом использованные механизмы имеют ряд показанных выше недостатков, что может поставить под вопрос успешность всего проекта.

В связи с этим представляется крайне важным изучение опыта других стран, в частности Китая, и использование его при разработке нормативно-правовой базы в области снижения выбросов парниковых газов в России.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО**
2025 – № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 15.01.2025

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 12,5

Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 300 экз.

Заказ №

(1–110 экз. – 1-й завод)

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: (925) 517-36-91

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6